

Научно-теоретический журнал
Издается с августа 1946 года

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти проф. С.М. Иванова.....	3
Список научных трудов профессора С.М. Иванова с 1972 по 2007 г.....	5

Россия и Восток

<i>Жуков К.А.</i> Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.....	10
<i>Тимошенко-Оздемир Е.Н.</i> Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века.....	23

Внешняя политика и международные отношения стран Азии и Африки

<i>Жевелева А.В.</i> Об истоках турецкого частного предпринимательства (по автобиографическим материалам С. Сабанджи).....	35
<i>Османов Е.М.</i> «Христианское столетие» в Японии как переходный этап к новой внешней и внутренней политике государства.....	43

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

<i>Емельянов В.В.</i> Идея вечного возвращения в шумерской культуре.....	58
<i>Мыльникова Ю.С.</i> Осмысление исторического пути и будущее страны в книге Чан Кайши «Судьба Китая».....	69
<i>Сомкина Н.А.</i> Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений.....	77

История и источниковедение

<i>Матвеев А.С.</i> Сообщение ал-Мас'уди о славянских святилищах: перевод и интерпретация.....	87
<i>Подцероб А.Б.</i> Открытия Сахары.....	102
<i>Харатишвили Г.С.</i> Русские путешественники, посетившие Афганистан при эмире Шер Али-хане (1863–1879).....	115

Языкознание

<i>Выдрин В.Ф.</i> Морфология прилагательных в дан-гуэта (южные манде).....	120
<i>Суворов М.Н.</i> Английские заимствования в йеменских диалектах арабского языка.....	141
Рефераты	149
Summaries	152
Сведения об авторах	155

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ «ВЕСТНИКА СПбГУ»

Председатель д-р юрид. наук, проф. **Н. М. Кропачев**
Зам. председ. канд. биол. наук, проф. **И. А. Горлинский**
Зам. председ. д-р социол. наук, проф. **Н. Г. Скворцов**

Ответственный редактор канд. ист. наук **У. Л. Романова**

Редакционная коллегия серии:

*Е. И. Зеленев, д-р ист. наук, проф. (отв. редактор); А. В. Ляхович, канд. филол. наук (отв. секретарь);
Н. Н. Дьяков, д-р ист. наук, проф.; А. Ю. Желтов, канд. филол. наук, доц.;
А. В. Образцов, канд. филол. наук, доц.; В. В. Бочаров, д-р ист. наук, проф.;
В. Б. Касевич, д-р филол. наук, проф.; В. Н. Колотов, д-р ист. наук, доц.;
Н. А. Самойлов, канд. ист. наук, доц.; А. Г. Сторожук, д-р филол. наук, доц.*

Адрес электронной почты редколлегии серии: vestnik.vf@mail.ru

Редактор *М. В. Друзин*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

**На наш журнал можно подписаться по каталогу
«Газеты и журналы» «Агентства «Роспечать»».
Подписной индекс 32779**

Подписано в печать 19.06.2009. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,65. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 500 экз. Заказ №

Адрес редакции: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.
Тел./факс 328-44-22; E-mail: vestnik@unipress.ru; <http://vestnik.unipress.ru>

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

**ПРОФЕССОР
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ИВАНОВ
(1946–2009)**

11 января 2009 г. после тяжелой болезни ушел из жизни профессор СПбГУ, доктор исторических наук Сергей Михайлович Иванов.

С.М. Иванов родился в Ленинграде 24 июля 1946 г. Его студенческие и аспирантские годы, вся трудовая жизнь были тесно связаны с Ленинградским/Санкт-Петербургским университетом. Окончив в 1969 г. отделение истории Турции Восточного факультета, С.М. Иванов обучался до 1972 г. в аспирантуре экономического факультета, по окончании которой получил должность м.н.с. на том же факультете.

В 1974 г. С.М. Иванов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и затем перешел на Восточный факультет, где более тридцати лет вел научную и педагогическую деятельность, обеспечивая комплекс лекционных и специальных курсов по истории и историографии Турции. В 1982 г. С.М. Иванов был избран доцентом кафедры истории стран Ближнего Востока.

Преподавательская и исследовательская работа С.М. Иванова охватывала широкий круг научных дисциплин. Для студентов Восточного факультета он читал лекции по истории, этнографии, физической и экономической географии Турции, государственному строю, общественно-политическому и социально-экономическому развитию этой страны в республиканский период. Им были подготовлены курсы по истории внешней политики Турции в послевоенный период, по экономической истории Османской империи в средние века и новое время. В течение ряда лет С.М. Иванов вел также занятия по истории Турции для студентов исторического факультета университета.

Главная область научных интересов и исследований С.М. Иванова — проблемы социальной и экономической истории Османской империи и республиканской Турции. Много сил и времени С.М. Иванов уделял проблемам истории русско-турецких торгово-экономических связей от Средневековья до начала XX в. Ряд его публикаций был посвящен вопросам сравнительной типологии исторического развития Российской и

Османской империй. За время работы на Восточном факультете С.М. Ивановым были подготовлены десятки научных работ, в том числе монографии «Внеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX вв.)» и «Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху» (обе работы в соавторстве).

В 2005 г. на диссертационном совете Восточного факультета С.М. Иванов блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX в.)».

В 2005 г. вышла в свет монография С.М. Иванова «Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века), которая получила самую высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов.

С 2005–2006 учебного года С.М. Иванов начал работу на факультете международных отношений СПбГУ, где получил должность профессора кафедры мировой политики.

Имя выпускника и преподавателя Восточного факультета профессора С.М. Иванова хорошо известно далеко за пределами нашего города и страны, в чем автору этих строк не раз довелось убедиться во время совместных поездок, в ходе разнообразных форумов и встреч востоковедов Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, многих зарубежных научных центров. Учеников замечательного ученого можно сегодня встретить во всех концах России, в университетах ближнего и дальнего зарубежья.

С чувством благодарности и невосполнимой утраты ученики и коллеги С.М. Иванова будут хранить светлую память об ушедшем друге и учителе.

*Заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока
Восточного факультета СПбГУ
Профессор Н.Н. Дьяков*

**СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА С.М. ИВАНОВА
С 1972 ПО 2008 г.**

1972

1. Противоречия в империалистической политике экономической помощи на современном этапе (пример помощи США Турции в 60-х годах) // Вестник Ленинградского государственного университета, 1972. № 11, вып.2.

2. Противоречия экономической политики Турции в 60-х годах // Империализм и развивающиеся страны. Тезисы. Л., 1972. С 104–106.

1975

3. Экономическая помощь США развивающимся странам в системе государственно-монополистического капитализма // Экономические науки, 1975 № 6. С. 68–76.

4. Научно-техническая революция и «третий мир» // Вестник Ленинградского государственного университета, 1975. № 17, вып. 3. (В соавторстве с О.И. Аболиным).

1977

5. Современный неокOLONиализм: некоторые вопросы теории // Востоковедение. Л.-д., 1977, № 4. С. 82–95.

6. Современный неокOLONиализм: стратегия, противоречия, перспективы. Л., 1977. 2 п.л.

1978

7. Политика и экономика современной Турции // Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 207–211. (В соавторстве с А.Д. Желтяковым).

8. Воздействие сырьевого и энергетического кризиса на национальное воспроизводство в афро-азиатских странах (к постановке вопроса в буржуазных моделях мирового экономического развития) // Развивающиеся страны: проблемы экономического развития. Тезисы научной конференции. М., 1978. С. 109–112.

1983

9. К вопросу о типологической характеристике современной Турции // Экономическое развитие современной Турции. М.: «Наука», 1983. С. 8–44.

10. Становление капитализма в Турции. Рец. на кн.: Н.Г. Киреев. Развитие капитализма Турции. Критика теории «смешанной экономики» // «Азия и Африка сегодня», 1983. № 11.

11. Рец. на кн.: Ю.Н. Розалиев. «Экономическая история Турецкой республики» // Народы Азии и Африки. 1983. № 3. С. 184–188.

1984

12. Исторические корни политики этатизма в Турции (постановка проблемы) // Тюркологический сборник 1978. М.: «Наука», 1984. С. 110–126. (В соавторстве с А.Д. Желтяковым).

13. Рец. на кн.: Фадеева И.Л. Османская империя и англо-турецкие отношения // Народы Азии и Африки 1984. № 1. С.184–187.

1985

14. Рец. на кн.: Очерки истории Турции // Народы Азии и Африки. 1985. № 1. С. 183–187. (В соавторстве с А.Д. Желтяковым).

1986

15. Эволюция государственного строя и экономики // Международные отношения на Балканах, 1856–1878 гг. М.: «Наука», 1986. С. 80–91.

16. О совершенствовании терминологического аппарата в туркологических исследованиях // *Turcologica* 1986 (к восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова). Л.: «Наука», 1986. С. 133–141.

1987

17. Обсуждение монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» // Народы Азии и Африки. 1987. № 2. С. 154–156.

1989

18. Главы II–IV. Заключение // Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX в.). М.: «Наука», 1989. С. 78–114, 114–155, 169–204, 204–211.

1991

19. О некоторых чертах переходного периода в условиях Османской империи // Восток в новое время. Экономика, государственный строй. М.: «Наука», 1991. С. 31–47.

20. Приватизация в Османской империи: уроки истории // Госсобственность, госкапитализм, приватизация: уроки истории и современность. Материалы конференции. М., 1991. С. 76–85.

1992

21. О характере и основных этапах интеграции Турции в мировое хозяйство (XVIII–XX вв.) // Восток в мировой экономической системе (XVI–XX вв.). Межвузовская конференция. М., 1992. С. 17–18.

1993

22. Несколько замечаний о потенциале русской экспортной торговли в Османской империи накануне первой мировой войны // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. Материалы к конференции. М., 1993. С. 148–162.

1994

23. Россия и Запад на Ближневосточных рынках: опыт сравнительного анализа (конец XIX — начало XX в.) // Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. Отв. ред. и составитель С.М. Иванов. СПб.: Изд-во Андреев и сыновья, 1994. С. 5–27.

24. Предисловие // Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время / Отв. ред. и составитель С.М. Иванов. СПб.: Изд-во Андреев и сыновья, 1994. С. 3–5.

25. Человек в изменяющемся экономическом пространстве Османской империи (к вопросу о зарождении капиталистического уклада в мусульманской этноконфессиональной среде) // Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994. С. 75–90.

1996

26. Политика русского правительства в вопросах торгово-экономических связей России и Турции во второй половине XIX — начале XX века. С. 71–90. Предисловие. С. 5–8. Заключение. С. 147–152 // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. Отв. ред. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996.

27. Традиционное общество Востока на перекрестке распределительных и рыночных отношений (на материале Османской империи XIX — начала XX вв.) // Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Краткое содержание докладов. Изд-во СПбГУ, 1996. С. 132–134.

1997

28. Восток и Запад глазами английского журналиста и дипломата (по работе Д. Уркарта «Дух Востока») // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 60–63.

29. Ivanov S.M. The Ottoman Empire: Socio-Cultural Aspects of International Economic Relations // Oriental Studies in the 20-th century: achievements and prospects. Abstract of the papers of CIS scholars for the 35-th ICANAS. Vol. 1. M., 1997. С. 152–153.

1999

30. Стамбул как центр формирования «экономического человека» в этнической среде османских турок // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. 8–9 апреля 1999 года. СПб., 1999. С. 150–152.

31. О научно-педагогической деятельности проф. А.Д. Новичева (1902–1987) на кафедре истории стран Ближнего Востока // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. 8–9 апреля 1999 года. СПб., 1999. С. 205–206.

32. Османская империя в мировой экономической системе (XIX — начало XX вв.) // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв). Краткое содержание докладов. Изд-во СПбГУ, 1999. С. 248–251.

2000

33. «Другой» // Восток: история и культура (Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения). СПб.: «Наука», 2000. С. 67–80.

34. Из истории русско-турецкой торговли в XVII — начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 101–155.

35. Предисловие. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) // Россия и Восток. Учебное пособие / Под ред. доц. С.М. Иванова и проф. Б.Н. Мельниченко. Изд-во СПбГУ, 2000. С. 3–9. С. 75–104.

36. Из записной книжки Абдул-Хаида II // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. Изд-во СПбГУ, 2000. С. 52–74.

37. Т. Озал об исторических судьбах Турции // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб., 2000. С. 54–57.

38. Ivanov S.M. The Problems of Westemization of the Traditional Ottoman Economic Culture (to the Theory of Economic Cultures Interaction) // Russian Orientalists to the 36-th ICANAS. M., 2000. С. 80–83.

2001

39. Экономическая история Османской империи: размышления о новых подходах к решению старых проблем // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001. С. 245–257.

40. Турция глазами учеников Мирзы Казем-Бека // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение. Доклады и сообщения международной научной конференции. Казань, 2001. С. 97–102.

41. Опыт трансформации традиционной экономической культуры Турции (к истории взаимодействия региональных экономических культур) // Восточный мир: опыты общественной трансформации. М., 2001. С. 276–296.

2002

42. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время). Предисловие. Отв. ред. раздела «Россия и Ближний Восток» // История России: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 3–9, 323–353.

43. Т.Тимур о проблемах эволюции общественного сознания в Турции // XXI научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб., 2002. С. 116–120.

44. Ivanov S.M. Osmanli-Rus Ticareti (1853–1917) // Türkler. С. 14. Ankara, 2002. S. 264–270.

45. Ivanov S.M. Russian-Turkish Economic Relations in External Trade Volume of the Ottoman Empire (1853–1917) // The Turks. Vol. 4. Ottomans / Ed. H.C. Güzel, C.C. Oğuz, O. Karatay. Ankara, 2002. S. 643–649.

2003

46. Турецкая модель вестернизации: сложный путь от османской традиционности к современности // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XX вв.). Краткое содержание докладов. Изд-во СПбГУ, 2003. С. 189–193.

47. Россия и Турция в процессе модернизации (черты типологического сходства и различия) // Вестник Восточного института Acta institutionis orientalis. Научный и учебно-методический журнал. СПб., 2003. № 1(15). Т.8. (2002 г.). С. 88–95.

2004

48. Турецкая модель развития: Запад на Востоке и Восток на Западе. М., 2004. С. 1–30 // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности». Материалы к научной конференции ИМЭМО РАН и ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля, 2004 г.) Доклады в виде отдельных брошюр. М.: «Гуманитарий», 2004.

49. Турецкая модель развития: Запад на Востоке и Восток на Западе // Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В.Я. Яшкина. М., 2004. С. 227–256.

50. Традиционализм в условиях глобализации // XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы. М., 2004. С. 336–337.

2005

51. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: Изд.-во СПбГУ, 2005. 356 с.

2006

52. М. Вебер об экономической истории Востока (по книге: Вебер М. История хозяйства. Петроград 1924) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006: Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 270–271.

53. Османская империя в XIX — начале XX в.: движение основных экономических форм // *Turgica et Ottomanica*. Сб. статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 238–248.

2007

54. Экономика Османской империи в цифрах (по работе В. Эльдема) // XXIV международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» 10–12 апреля 2007 г. Тезисы докладов. СПб., 2007. С. 74–75.

55. О профессоре А.Д. Желтякове, и не только о нем // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006: Доклады и материалы. СПб., 2007. С. 34–47.

56. О «большой идее» российской дипломатии // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 2. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 60–68.

57. On Community of Historical Destinies of Russia and Turkey in the Course of Modernization (XVIII — Early XXth Centuries) // *Demokrasi ve Politika. Hukuk Yönetim ve İktisat, Üzerine*. Ankara, 2007. S. 149–160.

2008

58. Несколько замечаний о методологии изучения современной мировой экономической системы // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 3. Сборник научных трудов. Сост. В.С. Ягья. СПб., 2008. С. 77–89.

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 930.85

К.А. Жуков

НЕКОТОРЫЕ УЗЛОВЫЕ МОМЕНТЫ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XX вв.

Изучение более чем 500-летней истории русско-турецких отношений имеет давнюю традицию, однако объем достигнутого в этой области явно уступает тому, что еще предстоит сделать исследователям [1. С. 126]. Подобное положение дел объясняется многими обстоятельствами, одним из которых следует считать тот факт, что история русско-турецких отношений относится к области мировоззренческого знания. На наш взгляд, центральной научной и мировоззренческой категорией при осмыслении истории русско-турецких отношений является понятие «Восточный вопрос» [4. С. 3–8; 8а]. В российской исторической науке XIX–XX вв. было разработано несколько, в ряде случаев отличных от западноевропейских трактовок этого термина. В частности, византинист Ф.И. Успенский раскрывал содержание этого понятия в связи с процессом становления русского национального самосознания. Согласно такому взгляду, существо Восточного вопроса заключалось в политических переменах, произошедших на Ближнем Востоке и на Балканском полуострове вследствие покорения турками христианских народностей; история Восточного вопроса состояла в попытках восстановления нарушенных государственных и территориальных прав христианских народов и в освобождении их от мусульманской власти, а способы осуществления освободительных задач в разное время были различны и диктовались политическими и материальными интересами тех государств, которые последовательно достигали наибольшего влияния в европейских делах. Что касается России, то ее первостепенная роль в разрешении Восточного вопроса определялась несколькими обстоятельствами, среди которых главное значение принадлежало вопросу о византийском наследстве, а также факту единоверия и единоплеменности с народами, поработанными турками [30. С. 649–655].

В XVIII в. русско-турецкие отношения продолжали развиваться в рамках решения Россией Восточного вопроса, без чего, как мы полагаем, было невозможно становление России как особого культурно-исторического типа, как законной наследницы Византийской империи. В этих рамках имело место столкновение двух миров: русско-православной цивилизации и мусульманской цивилизации в ее османском изводе. Особый

конфликтотенный характер русско-турецких отношений в XVIII в. был предопределен двумя крупнейшими геополитическими сдвигами второй половины XVII в.: воссоединением России с Украиной в 1654 г. и разгромом турок под Веной в 1683 г. Все это создало для России благоприятную внешнеполитическую конфигурацию, в рамках которой Петр I Великий (царь с 1682 г., правил с 1689 г.; в 1721–1725 гг. — первый российский император) приступил к территориальной экспансии на юг. Ближайшей целью Петра I было обеспечение выхода России к Черному морю и прекращение набегов на русские земли со стороны Крымского ханства.

Еще в результате русско-турецкой войны 1676–1681 гг. были установлены (впервые в истории) территориальные границы между Россией и Османской империей: границей стал Днепр, Киев был закреплен за Россией. Особой статьей Бахчисарайского перемирия 1681 г. обеспечивалось право русских паломников беспрепятственно посещать Святые Места в Палестине. Впервые, таким образом, в дипломатических сношениях между Россией и Турцией были затронуты религиозные интересы православных христиан. В дальнейшем эта тема получает стремительное развитие: уже в 1692 г. русский гонец в Крым оглашает требование о передаче Св. Мест грекам, а в 1711 г. Петр I объявляет (в грамоте славянам Адриатического побережья), что он «самоперсонально» выступает против турок, чтобы «тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить, православные церкви там украсить и Животворящий Крест возвысить» [28. С. 13–14; 30. С. 702–710].

Присоединившись в 1686 г. к антиосманской «Священной лиге» (Австрия, Польша, Венеция), Россия (по Константинопольскому миру 1700 г.) закрепила за собой завоеванный ею в 1696 г. Азов и прекратила выплату дани Крымскому хану. Кроме того, русским подданным даровалось право посещать Св. Места без уплаты пошлины. Наконец, Россия приобрела право иметь в Константинополе своего постоянного посла, пользующегося одинаковыми правами с послами других дружественных Турции держав. Первым постоянным русским послом в Турции был назначен П.А. Толстой. Посол составлял ежедневные отчеты — «статейные списки», которые затем представлялись в специальное ведомство по делам внешних сношений российского государства — Посольский приказ (1549–1720). Своим названием отчеты получили по причине того, что по установившейся практике русские послы перед своим отъездом получали письменные инструкции с отдельными вопросами («статьями»), на которые по возвращении из-за границы должны были представлять подробные ответы («отписки»). Статейные списки П.А. Толстого — одни из последних документов такого рода в истории российской дипломатии. В дальнейшем их заменила регулярная ведомственная почтовая переписка [24. С. 18–19].

Завоевания России были утрачены после неудачного для Петра I Прутского похода 1711 г. и Адрианопольского мирного договора 1713 г. [21. С. 156–158]. Единственным ценным приобретением в период этой военной кампании явился переход на сторону Петра I молдавского господаря Дмитрия Кантемира (1673–1723), который стал советником царя по турецким делам. При участии Кантемира была создана первая в России типография с арабским шрифтом. В этой типографии в Астрахани в 1722 г. во время Персидского похода Петра I на османском языке был отпечатан манифест русского императора. В Петербурге Кантемир написал несколько книг, посвященных Востоку: сочинения по турецкой музыке, исламу и истории Османской империи. Популярности сочинения Д. Кантемира «Incrementa atque decrementa aulae Othomanicae» (Возвышение и падение дома Османов) в Западной Европе способствовал его сын Антиох — дипломат

и поэт, основоположник русской сатиры [12. С. 37-40]. Интересно, что в особняке, построенном для Дм. Кантемира в новой российской столице архитектором Б.Ф. Растрелли, спустя много лет, непосредственно перед Первой мировой войной стало располагаться посольство Османской империи в Санкт-Петербурге.

При Петре I в стране полным ходом идут всеобъемлющие вестернизаторские реформы. Проводятся реформы государственного управления, в частности, Посольский приказ преобразуется в Коллегию иностранных дел (в 1802 г. она была преобразована в Министерство иностранных дел). Проводится важнейшая церковная реформа: упраздняется патриаршество, в 1721 г. создается особое духовное ведомство — Святейший Синод, и, таким образом, с этого времени православная церковь в России подчиняется государству. После завершившего Северную войну со Швецией (1700–1721) Ништадтского мира, по условиям которого Россия окончательно закрепила на Балтике, Петр I провозгласил себя императором.

Планы новой войны с Османской империей возникли в окружении императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Идеологом реванша выступил фельдмаршал Миних. Предварительно были заключены союзы с Австрией и Ираном, которому Россия вернула территории на побережье Каспийского моря, захваченные Петром I во время Персидского похода. Поводом для войны 1735–1739 гг. стали набеги крымских татар на Украину и поход против персов крымского хана Каплан-Гирея, вторгшегося по пути на Кавказ в Кабарду. В 1736 г. русские войска вошли в Крым и сожгли столицу хана г. Бахчисарай, одновременно ими был взят г. Азов. В 1737 г. войну Турции объявила Австрия, однако в 1739 г. австрийцы заключили с Турцией сепаратный мир. Несмотря на успехи армии Миниха в Молдавии (взятие крепости Хотин и г. Яссы), Россия в этих условиях при посредничестве Франции также пошла на заключение мира. По Белградскому мирному договору 1739 г. Россия вернула себе Азов и вновь получила право иметь своего постоянного резидента в Константинополе, однако Большая и Малая Кабарда, которые ранее находились под покровительством России, были признаны независимыми [18. С. 39–40].

Франция за свое посредничество была вознаграждена султаном новыми торговыми льготами — «вечными капитуляциями» 1740 г. 22 декабря 1739 г. Турция подписывает оборонительный договор со Швецией, а в 1761 г. — с Пруссией. Оба договора имели антирусскую направленность [29. С. 317].

Новая фаза Восточного вопроса наступает с воцарением Екатерины II (1762–1796). В этот период для России в полной мере проявляется связь Восточного и Польского вопросов. В результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия становится Великой державой. Победа была добыта совокупными усилиями на военном, дипломатическом (союз с Англией) и пропагандистском (поддержка «философов») фронтах. Впервые в истории русско-турецких войн в боевых действиях принял участие русский флот. В обход Европы в Средиземное море было направлено 5 эскадр, в результате чего был уничтожен турецкий флот в Чесменской бухте (1770) и установлен контроль над Архипелагом. В полевых сражениях победы обеспечивались передовой тактикой и превосходством артиллерии, в полной мере использованными таким талантливым военачальником, как П.А. Румянцев. Эта война была развязана по инициативе Турции и началась вторжением Крымского хана Крым-Гирея — последним в истории набегом крымских татар на территорию России. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Крымское ханство получило независимость; города Керчь и Еникале переходили к России, что обеспечивало ей свободный выход в Черное море. К России также отошли

Большая и Малая Кабарда. Начатые в независимом Крыму вестернизаторские реформы хана Шагин-Гирея ввергли страну в хаос, что поставило Екатерину II перед необходимостью объявить в 1783 г. о присоединении Крыма. Затем под покровительство России перешла Восточная Грузия (по Георгиевскому трактату 1783 г.).

Кючук-Кайнарджийский договор имел важные последствия во многих областях. В частности, на основе взаимности были признаны права духовного покровительства султана-халифа над крымскими татарами — с 1783 г. мусульманскими подданными Российской империи, и российской императрицы — над православными подданными османского султана; при этом договор обязывал Турцию применять в отношении российских монархов императорский титул (падишах). Семь статей договора касались различных вопросов защиты прав и интересов православных христиан Османской империи. Формулировки ряда статей давали простор для распространительных толкований, что вызвало сильное беспокойство в дипломатических кругах Англии и Франции, поскольку фактически Россия могла претендовать на статус единоличной покровительницы христиан в Турции. Это положение было ею утрачено по Парижскому трактату 1856 г. [7. С. 280, 296–302].

Военные успехи подтолкнули ближайшее окружение императрицы (Г.А. Потемкин и А.А. Безбородко) к мысли приступить к следующему этапу решения Восточного вопроса. В 1781 г. был заключен союз с Австрией, после которого на свет появился знаменитый «Греческий проект» Екатерины II. В частности, этот проект предполагал создание греческой империи (с центром в Константинополе и во главе с членом дома Романовых), образование Дакии — буферного государства на Дунае, передачу России нескольких островов Архипелага, а также передачу некоторых турецких территорий Австрии. По мнению ряда авторов, этот проект представлял собой русский вариант разрабатывавшихся в Европе планов полного изгнания турок в Азию [14. С. 273].

Следствием Кючук-Кайнарджийского договора явилось не только восстановление позиций российской дипломатии в самом Константинополе (ранг русского представителя в Константинополе повышался до посланника), но и учреждение сети российских консульств в османских провинциальных городах (Смирне, Бухаресте, Трабзоне и др.). Договор признал за русскими подданными права на капитуляционные льготы, которыми издавна пользовались в Османской империи подданные Англии и Франции. Россия получила свободу торгового мореплавания в Черном море, а ее торговые суда — право беспрепятственного прохода через Проливы. Более полно взаимные обязательства были прописаны в русско-турецком торговом договоре 1783 г., по которому Россия получила права наиболее благоприятствуемой нации. В полной мере торговыми льготами и покровительством России воспользовались греки, в скором времени занявшие доминирующие позиции как посредники не только в русско-турецкой торговле, но и в дипломатической сфере (консулы, драгомань) [27. С. 415–418].

Присоединение к России Крыма и сопредельных территорий привело к значительным разнонаправленным миграционным потокам населения. Из Крыма в Османскую империю периодически выезжали татары; сюда и в другие прилегающие регионы переселялись греки, сербы, болгары, немцы. Ногайцы-кочевники были переселены из Буджака (Южная Бессарабия) в Предкавказье, а затем — в уральские степи. Все это изменило этнодемографическую картину в Северном Причерноморье и принесло новации в экономическую жизнь края. Здесь строились новые города: Херсон, Севастополь, в 1795 г. была основана Одесса; развивались новые отрасли хозяйства, в частности ви-

ноградство и виноделие. Существенным элементом национальной политики царизма была инкорпорация местного высшего сословия (крымско-татарские мурзы и т. д.) в состав российского дворянства, а также государственная поддержка ислама: был учрежден особый муфтият (Духовное собрание мусульман Таврической губернии), шло строительство мечетей, печатался Коран (знаменитое петербургское издание Корана с 1787 г. по 1798 г. выходило не менее шести раз) [19. С. 55–63; 13. С. 52–54].

Итоги русско-турецкой войны 1787–1791 гг., начатой вновь по инициативе Турции, официально закрепили предыдущие достижения России. Война, в которой союзником России была Австрия (вновь подписавшая сепаратный мир с турками в 1790 г.), закончилась поражением Турции на суше (взятие Очакова, сражение при Рымнике, штурм Измаила) и на Черном море (сражение при мысе Калиакрия). В этих победах проявилась полководческая одаренность генерала А.В. Суворова и адмирала Ф.Ф. Ушакова. По Ясскому мирному договору 1792 г. границей между Россией и Турцией стала р. Днестр.

В России эти победы вызвали всплеск патриотических настроений и рост имперского самосознания, что в известном смысле способствовало расцвету российской культуры, особенно в сфере изящной словесности. Информированность российского общества о жизни в Османской империи возрастала на протяжении всего XVIII в. Активная переводческая деятельность способствовала тому, что в российский менталитет входили этнические и культурные стереотипы из западной научной и художественной литературы о Востоке; особенно сильным было влияние французской просветительской литературы [26. С. 8–13]. В России возникает «свое» востоковедение (Дм. Кантемир, Г.-Я. Кер). В 1776 г. в Петербурге и в 1777 г. в Москве большими тиражами была издана в русских переводах с французского знаменитая «Турецкая Грамматика» Гольдермана [12. С. 224–226]. Развитие дипломатических сношений с Турцией порождает плеяду выдающихся дипломатов екатерининской эпохи; ряд из них оставил о себе память печатными трудами, посвященными Турции [20; 22]. В 1797 г., уже при Павле I (1801–1801), при Коллегии иностранных дел было создано специальное подразделение, отвечавшее за связи с Востоком (Азиатский департамент) [11. С. 180].

В Османской империи в начале XVIII в. представления о России как о стране «Мужикистан» оставались еще на уровне «Книги путешествия» Эвлия Челеби (сер. XVII в.). Были, однако, и исключения. Например, османский первопечатник Ибрагим Мютеферрика в своем трактате «Основы мудрости», изданном в 1732 г., ставит в пример успешную деятельность Петра I по вестернизации страны. Описания-отчеты («сефарет-наме») побывавших в России османских посланников также расширяли кругозор; причем исследователи отмечают с течением времени все более «толерантный» тон сочинений этого жанра: например, Мустафа Расих-паша, посетивший Россию в 1794 г., в восторженном тоне отзываясь о военной организации и административном устройстве Российской империи [8. С. 118–119; 2. Р. 229]. Интересным феноменом придворной османской историографии стал труд Ахмеда Джавид-бея, выполненный на рубеже веков по заказу султана Селима III (1789–1807). В двух томах этого сочинения автор собрал извлечения о русско-турецких отношениях из сочинений османских историографов от Наима до Энвери. Хронологические рамки материалов, вошедших в этот труд, охватывают 1623–1799 гг. В приложении к нему дается знаменитое произведение «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди — своего рода бестселлер на тему русско-турецких отношений в XVIII в., в котором автор, в частности, сравнивает порядки в российской и османской армиях во время войны 1768–1774 гг. [3. С. 43–46].

Для истории русско-турецких отношений XVIII век заканчивается первым русско-турецким оборонительным союзом 1799 г., направленным против «безбожной» Франции (в 1805 г. этот договор был подтвержден). Еще в 1798 г. русские военные корабли впервые получили право свободного прохода через Проливы. Совместные военные операции против французов русско-турецкого флота под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова привели, в частности, к освобождению о. Корфу и созданию Республики семи островов.

Победа французов при Аустерлице над соединенной австро-русской армией подвинула Селима III признать Наполеона императором (падишахом) и разорвать союзные отношения с Англией и Россией, что, в свою очередь, привело к очередной русско-турецкой войне (1806–1812 гг.). На Средиземном море против турок действовала русская эскадра адмирала Д.Н. Сенявина (победа в морском бою у мыса Афон в 1807 г.); военные действия шли также на Кавказском и Дунайском фронтах. В Рущукском сражении 1811 г. решающее поражение турецкой армии нанес генерал М.И. Кутузов. В 1812 г. был подписан Бухарестский мир, который зафиксировал присоединение к России Бессарабии (границей стали р. Прут и р. Дунай) и Западной Грузии (здесь границы окончательно были установлены по Аккерманской конвенции 1826 г., которая также уточняла условия внутреннего самоуправления Сербского княжества).

Расширение Российской империи, включение в ее состав многочисленных азиатских народов, а также новый этап в развитии национального самосознания, вызванный борьбой с Наполеоном и победой в Отечественной войне 1812 г., — все это имело важные последствия для российской культуры. В частности, значительные успехи были сделаны в изучении Востока. Начало XIX в. было ознаменовано появлением нескольких проектов об учреждении в России «Азиатских академий» для изучения Востока и преподавания восточных языков. В частности, в 1810 г. свой «Проект Азиатской академии» представил С.С. Уваров — впоследствии президент Академии наук и министр народного просвещения. К этому времени в России уже были предприняты первые шаги к изучению востоковедных предметов в высших учебных заведениях: например, в 1806 г. в Казанском университете было введено преподавание персидского, арабского и турецкого языков. Первым профессором турецкого языка в Санкт-Петербургском университете в 1822 г. стал О.И. Сенковский, одновременно проявивший свой талант в качестве популярного писателя (автора многочисленных «восточных повестей») и успешного журналиста. В эти годы формируются первые частные коллекции восточных рукописей (одно из первых таких собраний принадлежало русскому посланнику в Константинополе А.Я. Италинскому), а также государственные собрания (в 1818 г. был образован Азиатский Музей, первым директором которого стал Хр.Д. Френ). Наконец, создается собственная школа переводчиков для дипломатической службы на Востоке. Указ о создании при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Учебного отделения восточных языков (официальное название по-французски *L'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères*; сокращенно — *Institut Oriental*) был подписан императором Александром I (1801–1825) в 1823 г. Изучение Востока в России имело две главные цели: практическую (информационное обеспечение связей с восточными государствами, а также управление восточными народами — подданными империи) и научную, которая помимо всего прочего включала в себя изучение восточных источников по истории самой России. С последним направлением отчасти была связана меценатская деятельность основателя Румянцевского музея графа Н.П. Румянцева.

В целом, однако, изучение Востока в России опиралось почти исключительно на государственную поддержку. Основными центрами преподавания восточных языков во второй половине XIX в. становятся в Москве Лазаревский институт восточных языков, выпускниками которого были известные туркологи В.А. Гордлевский и А.Е. Крымский, а в Петербурге — факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, первым деканом которого в 1855 г. стал А.К. Казем-бек. Среди выпускников факультета можно выделить основателя российской османистики В.Д. Смирнова и В.В. Бартольда [6; 13. С. 99–101; 9. С. 21–34, 153–157].

К очередной русско-турецкой войне (1828–1829 гг.) привело греческое восстание 1821 г. и последовавший за ним международный кризис. На Веронском конгрессе Священного союза с участием Англии (1822 г.) в международный дипломатический обиход впервые был введен термин «Восточный вопрос», уже понимаемый на Западе как вопрос о судьбе османского наследства. Однако на этом конгрессе само греческое восстание подверглось со стороны Великих держав формальному осуждению. Только в апреле 1826 г. между Англией и Россией был подписан Петербургский протокол относительно условий урегулирования греческого кризиса; затем к этим требованиям присоединилась Франция. Дипломатическое давление держав на султана не возымело результата, и 20 октября 1827 г. соединенный англо-русско-французский флот уничтожил в Наваринской бухте турецко-египетский флот, которым командовал Ибрагим-паша. К тому времени этот сын влиятельного султанского вассала — египетского паши Мухаммеда-Али — уже почти подавил остатки греческого сопротивления на Пелопоннесе. В ответ султан Махмуд II (1808–1839) заявил об отказе от Аккерманской конвенции 1826 г. и призвал к «священной войне» с Россией. В декабре 1827 г. послы Англии, России и Франции покинули османскую столицу, а 26 апреля 1828 г. Россия объявила войну Турции. Решающим стал 1829 г., когда генерал И.Ф. Паскевич 9 июля занял г. Эрзурум, а армия генерала И.И. Дибича, переправившись через Балканский хребет, овладела 20 августа г. Эдирне (Адрианоподем). По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. [32; 33] к России отошел г. Ахалцих и крепость Ахалкалаки в Грузии, а также побережье Черного моря до порта Св. Николая (Кобулет). Еще в 1828 г. из бывших Ереванского и Нахичеванского ханств была создана Армянская область. После заключения Адрианопольского мира сюда начинается массовый исход армянского населения из Османской империи. В 60-е годы XIX в. после завершения многолетней Кавказской войны такой же массовый характер примет переселение с Северо-Западного Кавказа в Турцию адыгов и абхазов, со временем образовавших в Османской империи многочисленную черкесскую диаспору [19. С. 70, 80–90]. По Адрианопольскому договору Сербия и Дунайские княжества (Молдавия и Валахия) получили автономию; Греция поначалу также получила автономию, а в 1830 г., в обмен на снижение Россией суммы турецкой контрибуции на 1 млн голландских дукатов, — полную независимость [17. Т. 2. С. 172–179].

После гибели в результате заговора в 1831 г. первого президента Греции И. Каподистрии (уроженца Корфу и бывшего российского статс-секретаря) русское влияние в Греции стремительно падает. В то же время значительно улучшаются отношения России с Османской империей. Николай I (1825–1855) благожелательно отозвался на просьбу Махмуда II о помощи против восставшего египетского паши Мухаммеда Али, войска которого в 1833 г. вторглись в Малую Азию. Русская эскадра вошла в Босфор, и в районе мыса Сельви Бурну высадился десант под командованием генерала Н.Н. Муравьева. Военная демонстрация возымела действие: войска мятежного паши отступили. Поззи-

ция Николая I определялась его озабоченностью в отношении Франции, оказывавшей поддержку Мухаммеду Али. Кроме того, на русского царя, на наш взгляд, должно было произвести неблагоприятное впечатление известие о деятельности в Египте сен-симонистов [15. С. 277–279, 313]. Борьба с европейской революцией, отождествляемой с распространением атеизма, по-прежнему оставалась приоритетным направлением российской внешней политики. Результатом первого египетского кризиса стал русско-турецкий Ункяр-Искелесийский союзный оборонительный договор, заключенный в 1833 г. сроком на 8 лет. По этому договору Россия гарантировала Османской империи защиту от внешней опасности; в свою очередь, султан брал на себя обязательства закрывать по требованию России Дарданеллы для иностранных военных кораблей. В том же году между Россией и Австрией была подписана конвенция в Мюнхенграце, по которой Австрия становилась вторым гарантом власти османского султана. Русское влияние в Турции поддерживалось неоднократным снижением суммы контрибуции, а его отражением стало введение лестницы турецких чинов, копирующей российскую Табель о рангах; даже новое турецкое военное и статское платье шилось по покрою русских военных мундиров и чиновничьих сюртуков [5. С. 678].

Режим Проливов был изменен после второго египетского кризиса 1839–1840 гг., закончившегося вмешательством Великих держав (за исключением Франции) и капитуляцией Мухаммеда Али. По бессрочной Лондонской конвенции 1841 г. султан был вынужден пойти на интернационализацию режима Проливов и согласиться с принципом, что в мирное время Проливы объявлялись закрытыми для военных кораблей иностранных держав [23].

Лондонская конвенция явилась свидетельством ослабления российского влияния не только на Турцию, но и на международную политику в целом. Царствование императора Николая I — это «золотой век» русской культуры. В это время Н.И. Лобачевский создает неевклидову геометрию, А.С. Пушкин — свои литературные шедевры, М.И. Глинка — русскую национальную оперу, К.И. Брюллов — картину «Гибель Помпеи». Однако экономические основы этого расцвета были недостаточно прочны. Несмотря на то что российская экономика находится на подъеме (растет экспорт хлеба в Европу и ситца в Азию), темпы ее роста значительно отстают от соответствующих показателей ведущих капиталистических стран Западной Европы.

В качестве рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья Османская империя, особенно после англо-турецкого торгового договора 1838 г., оказалась значительно более выгодным партнером для индустриальной Англии, чем Россия с ее политикой протекционизма. Экономической подоплекой во многом объясняется тот факт, что именно в эти годы в Западной Европе наблюдается всплеск русофобии, включающей в себя избитый стереотип относительно извечной агрессивности России. Позже подобные идеи найдут благоприятную почву в Турции среди османских интеллектуалов, когда, например, крупный историк и государственный деятель Ахмед Джевдет-паша будет повторять мифы относительно фальшивого «Завещания» Петра I [2. Р. 229].

Революционное движение в Европе в 1848 г. и спасение Австрийской империи русскими войсками в 1848–1849 гг. укрепили провиденциалистские убеждения Николая I в том, что Россия является последним оплотом христианства. Символично, что уже в 1829 г. был разработан архитектурный проект строительства величественного собора неподалеку от Севастополя, в Херсонесе, на месте предполагаемого крещения в X в. киевского князя Владимира Святого. Законное историческое право России на визан-

тийское наследство планировалось увековечить в камне (собор был построен только в 1860-е годы). В этих условиях старый спор между католиками и православными за преимущественные права в отношении Св. Мест в Палестине, возобновленный по инициативе Наполеона III, приобрел метафизический характер межцивилизационного столкновения между Россией и Западом, в котором Османской империи отводилась второстепенная роль. Таков был исторический контекст, который отчасти объясняет быструю кристаллизацию в русской историософской мысли второй половины XIX в. направления (Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев), для которого было характерно представление о «служебной» функциональной роли османского владычества, в течение веков предохранявшего от посягательств Запада славянские народы Балканского полуострова и сохранившего Константинополь для «расцветающего» русского культурно-исторического типа [9].

Крымская (Восточная) война 1853–1855 гг. началась вступлением русских войск в Дунайские княжества и уничтожением адмиралом П.С. Нахимовым турецкой военной эскадры в Синопской бухте 30 ноября 1853 г. 27 марта 1854 г. войну России объявили Англия и Франция. 3 июня вывода русских войск из Дунайских княжеств потребовала Австрия. В августе 1854 г. боевые действия были перенесены в Крым. 20 января 1855 г. к противникам России присоединилось Сардинское королевство. При осаде Севастополя турецкие войска выполняли в основном вспомогательные функции. Высшие офицерские должности в турецкой армии, как правило, занимали ренегаты — перешедшие в ислам польские и венгерские эмигранты-революционеры — либо английские «военные специалисты». 9 сентября русские войска оставили Севастополь. Боевые действия продолжались на Кавказском фронте: 28 ноября русскими войсками был взят Карс. По многим показателям Крымская война разительно отличалась от предыдущих военных кампаний: эта была война на истощение противника, в которой совокупный военный и экономический потенциал союзников был неизмеримо выше возможностей России, война велась с применением новых технических средств (железные дороги, паровой флот, телеграф); наконец, эта война сопровождалась мощной пропагандистской кампанией с помощью средств массовой информации [25. С. 356–359, 364, 388–389]. 13 февраля 1856 г. было заключено перемирие, а 30 марта в Париже был подписан мирный договор, в соответствии с которым была провозглашена нейтрализация Черного моря; кроме того, Россия утратила Южную Бессарабию. В текст Парижского договора было включено упоминание о султанском Хатт-и хумаюне от 18 февраля 1856 г., провозглашавшем, в частности, свободу вероисповедания и правовое равенство мусульманских и немусульманских подданных османского султана, а также дававшим обязательства провести необходимые реформы. Таким образом, этот документ стал международным обязательством Турции, в соответствии с которым европейские державы, подписавшие Парижский трактат, фактически получили права вмешиваться во внутренние дела империи под предлогом защиты христиан, хотя формально такого права им не предоставлялось.

В 1871 г. после разгрома Пруссией сначала Австрии, а затем и Франции Россия добивается отмены нейтрализации Черного моря. По Лондонскому договору Россия получает право восстановить свой военно-морской флот и укрепить на черноморском побережье свои военно-морские базы; аналогичные права получает Турция. С 1871 по 1875 г. имеет место период русско-турецкого сближения. Большим влиянием в Константинополе в это время пользуется российский посланник (с 1867 г. — посол) Н.П. Игнатьев, подде-

рживающий династические планы султана Абдул-Азиза (1861–1876). При Н.П. Игнатъеве несколько расширяется русская консульская сеть, к его приезду в Константинополь в 1864 г. уже насчитывавшая 30 учреждений, из которых 22 находились в европейской части Османской империи [31. С. 39]. Основная цель Игнатъева — всемерная поддержка эмансипационного движения балканских славян — в целом совпадала с «politique des nationalités» наполеоновской Франции, хотя одновременно ему приходилось бороться с католической пропагандой на Балканах.

Восстания в Боснии и Герцеговине (1875) и в Болгарии (1876), а также османский дефолт, частичный в октябре 1875 г. и полный в апреле 1876 г., привели к государственному перевороту в Константинополе: Абдул-Азиз был низложен, а затем убит. «Написанную под диктовку английского посла» турецкую конституцию 1876 г. и созданный турецкий парламент, просуществовавший около года, в России расценили как комедию и бутафорию; такая же оценка в свое время была дана русской дипломатией Гюльханейскому хатт-и шерифу 1839 г. После того как султанское правительство отвергло план реформ в христианских областях империи, выработанный на Константинопольской конференции Великих держав в декабре 1876 г. и на Лондонской конференции в марте 1877 г., Россия, заручившись нейтралитетом Австро-Венгрии и согласием Румынии на пропуск войск, 24 апреля 1877 г. объявила Турции войну. 18 ноября 1877 г. русские войска овладели Карсом, а 20 января 1878 г. войска генерала М.Д. Скобелева заняли Адрианополь. Ввод английской эскадры в Мраморное море вынудил Александра II (1855–1881) воздержаться от занятия Константинополя. 3 марта 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, условия которого подверглись ревизии на международном конгрессе в Берлине. По Берлинскому трактату 13 июля 1878 г. Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину. Стала независимой Румыния, на стороне России принявшая участие в боевых действиях против турок; ей также отошла Северная Добруджа. Была подтверждена независимость Сербии и Черногории. Северная Болгария стала автономным княжеством. Южная Болгария (Восточная Румелия) получила административную автономию в составе Турции. России была возвращена Южная Бессарабия. На Кавказе к России отошли Карс, Ардаган и Батум с округами.

На Турцию также была наложена контрибуция в 300 млн рублей, или по тогдашнему курсу 35 млн лир (802,5 млн франков), которую она по соглашению 1882 г. должна была выплачивать ежегодно в течение 100 лет. Россия вновь использовала контрибуцию как орудие политического воздействия на султана. Хронические задержки выплат использовались Россией с целью ограничить военные заказы Турции в Германии, а также с целью отодвинуть подальше от российских границ строительство железных дорог в Турции западными концессионерами. После младотурецкой революции, когда объединенная Болгария объявила себя самостоятельным царством (1908), Россия и Турция заключили 21 декабря 1909 г. договор, по условиям которого Россия отказалась от получения в течение 40 лет взносов в счет контрибуции на общую сумму 125 млн франков, взамен чего Болгария должна была выплачивать России в течение 75 лет 82 млн франков, то есть ту дань, которую болгары были обязаны платить Турции. По этому же договору с 1 января 1949 г. вновь бы вступили в силу обязательства Турции выплачивать России ежегодные взносы в течение 34 лет на общую сумму 270 844 000 франков [16. С. 224–227]. Однако после революции в России 7 ноября 1917 г. пришедшие к власти большевики объявили об отказе от всех «аннексий и контрибуций».

За свои услуги в период войны 1877–1878 гг. Англия еще 4 июня 1878 г. добилась от

султана Абдул-Хамида II (1876–1909) подписания конвенции об оборонительном союзе, в соответствии с которой оккупировала Кипр. Эта «оборона» привела в дальнейшем к английской оккупации Египта в 1881 г. и к поддержке Англией болгарской аннексии Восточной Румелии в 1885 г. Это воссоединение Болгарии не было признано Россией, оно привело к разрыву российско-болгарских отношений и способствовало ослаблению панславистских иллюзий в российском обществе.

В таких условиях послевоенные русско-турецкие отношения в целом развивались достаточно стабильно, в частности, увеличивался товарооборот, в основном за счет российского экспорта в Турцию. Торговые трактаты России с Турцией 1846 г. и 1862 г. меняли таможенные тарифы, но всегда подтверждали льготы российским купцам, предоставленные по торговому договору 1783 г. Торговый договор 1862 г. был заключен сроком на 14 лет, однако в целом он оставался правовой базой русско-турецких экономических связей вплоть до Первой мировой войны. Расширяло свою деятельность созданное в 1856 г. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), осуществлявшее торговые, пассажирские и почтовые перевозки между российскими черноморскими портами и основными портами Османской империи. При активном российском торговом балансе обороты с Турцией занимали около 2–2,5% в экспорте и 1–1,3% в импорте. В турецкой внешней торговле Россия занимала 5–6-е место в импорте и 8–9-е место в вывозе из Турции. В Турцию Россия ввозила зерно, муку, керосин, лес, сахар, спирт, галоши, металлоизделия, скот, хлопчатобумажные ткани; вывозила фрукты, орехи, дубильные вещества, кожи, ковры и табак [16. С. 222–223].

После поражения в войне с Японией (1904–1905) и первой русской революции (1905–1907) Россия была принуждена заключить в 1907 г. соглашение с Англией, после которого российское политическое влияние в Иране и в Турции существенно уменьшилось. Приток мусульманских интеллектуалов и политиков, эмигрировавших из России после поражения российской революции, способствовал росту популярности идей панисламизма и пантуранизма в Османской империи. Культурное влияние России в Турции было слабым. В Константинополе с 1894 г. функционировал Русский археологический институт (первый директор — Ф.И. Успенский), одна русская пятиклассная школа (учреждена в 1892 г.), Николаевская больница (открыта в 1874 г.) и несколько монашеских подворий. Сравнительно успешной была деятельность Императорского православного палестинского общества, созданного в 1882 г.

В российских правительственных кругах постепенно происходит осознание того факта, что «осуществление исторических задач России» невозможно без укрепления экономического влияния в Османской империи. В целях содействия русскому экспорту в 1910 г. в Стамбуле и Смирне при генеральных консульствах были открыты специальные торговые комитеты. В октябре 1913 г. был выработан проект экономического соглашения между Россией и Турцией, представлявшего собой копию франко-турецкого экономического соглашения 1913 г. Одновременно разрабатывались вопросы проникновения российского капитала в банковскую сферу и приобретения концессий на разработку полезных ископаемых в Турции. Особенное внимание уделялось восточным вилайетам Турции [16. С. 230–240; 10. С. 140–150].

Совместно с другими европейскими державами Россия выступала за проведение султанским правительством реформ в отношении армянского населения Османской империи. В результате этого 8 февраля 1914 г. по армянскому вопросу было подписано специальное русско-турецкое соглашение.

Фактически Османская империя вступила в Первую мировую войну 29 октября 1914 г. после нападения германо-турецкого флота на российские черноморские города. Формально Турция объявила войну России, Англии и Франции 11 ноября 1914 г. В ходе войны русские войска на Кавказском фронте овладели к 1916 г. городами Эрзурум, Эрзинджан, Трабзон и др. Еще в марте-апреле 1915 г. между союзниками было заключено соглашение о том, что после победоносного окончания войны Константинополь и Проливы отойдут к России.

После революции 7 ноября 1917 г. Советская Россия вышла из мировой войны (Брест-Литовский мир 3 марта 1918 г.). 16 марта 1921 г. между Советской Россией и кемалистской Турцией (Правительством Великого Национального Собрания Турции) был заключен Московский договор о дружбе и братстве, действующий по сей день. Этот договор отменил все соглашения, до того времени заключенные между Россией и Турцией.

Представленный нами очерк русско-турецких отношений, рассмотренных в рамках эволюции Восточного вопроса в обозначенный исторический период, на наш взгляд, дает основание придти к следующему заключению. Изучение этой проблематики, а также репрезентация полученных результатов с неизбежностью имеют мировоззренческий характер. Выбор сюжетов, ракурс их рассмотрения, расстановка акцентов и т.п. не только связаны с исторической памятью автора, с унаследованной им историографической традицией, его идеологическими предпочтениями или политической ангажированностью, но и определяются исповедуемой исследователем общей концепцией исторического процесса. Интерпретация русско-турецких отношений породила и продолжает воспроизводить различного рода мифы, из которых главным, пожалуй, является миф об «извечной агрессивности» России в отношении Турции.

Литература

1. *Ortaylı I.* XVIII. Yüzyıl Türk-Rus ilişkileri // *Türk-Rus ilişkilerinde 500 yıl 1491–1992.* Ankara, 1999. S. 125–133.
2. *Ortaylı I.* Reforms of Petrine Russia and the Ottoman Mind / *Ortaylı I.* Ottoman Studies. Istanbul, 2004. P. 223–230.
3. *Osmanlı-Rus ilişkileri tarihi (Ahmed Câvid Bey'in Müntehabâtı).* Hazırlayan A. Baycar. Istanbul, 2004. 805 s.
4. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. 434 с.
5. [Григорьев В.В.] Изафети-Маклуб. Поездка в Константинополь // *Одесский альманах на 1840 год.* Одесса, 1839. С. 642–701.
6. *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. 434 с.
7. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. 368 с.
8. *Желтяков А.Д.* Русско-турецкие культурные связи // *Россия и Восток.* СПб., 2000. С. 105–138.
- 8а. *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX вв.; критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1–2. М., 1896. Т. 1. 465 с. Т. 2. 532 с.
9. *Жуков К.А.* Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб., 2006. 227 с.

10. *Иванов С.М.* Из истории русско-турецкой торговли в XVII — начале XX в. // *Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией*: Сб. ст. М., 2000. С. 101–155.
11. *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры (дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время). М., 1987. 280 с.
12. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд. Л., 1982. 360 с.
13. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л. 1950. 298 с.
14. *Мейер М.С.* Из истории российско-турецких политических и культурных отношений: смена этапов и принципов // *Цивилизации и культуры*. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 266–280.
15. [*Муравьев Н.Н.*] Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карского). М., 1869. I–X с., 459 с., 01–092 с.
16. *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937. 312 с.
17. *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1. 314 с.; Л., 1968. Т. 2. 280 с.; Л., 1973. Т. 3. 205 с.; Л., 1978. Т. 4. 272 с.
18. *Орешкова С.Ф.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // *Вопросы истории*. 2005. № 3. С. 34–46.
19. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006. 256 с.
20. *Перминов П.* Посол III класса. М., 1992. 296 с.
21. *Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель. М., 1990. 280 с.
22. *Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II*. М., 1995. 336 с.
23. *Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)*. М., 1999. 560 с.
24. *Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.)*. М., 1985. 160 с.
25. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002. 864 с.
26. *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000. 214 с.
27. *Татищев С.С.* Внешняя политика Николая Первого. СПб., 1887. 639 с.
28. *Теплов В.* Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб., 1891. 73 с.
29. *Тверитинова А.С.* К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // *Советское востоковедение*. 1949. Т. 6. С. 312–326.
30. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. 829 с.
31. *Хевролина В.М.* Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев // *Новая и новейшая история*. 2003. № 3. С. 36–58.
32. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианонопольский мир 1829 г. М., 1975. 226 с.
33. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. 296 с.

УДК 93/94

Е.Н. Тимошенко-Оздемир

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Моему научному оппоненту
Сергею Михайловичу Иванову —
профессору, востоковеду,
влюбленному в свой предмет,
прекрасному человеку и ученому.*

Уникальное местоположение Кавказа во многом определило его роль в истории перекрестка цивилизаций, центра этнокультурных, экономических и политических связей. Столетиями Кавказ был связующим звеном Севера и Юга, Востока и Запада. Постепенно здесь сформировалась культура с особыми чертами, которые предопределили региональное единство Северного Кавказа.

Кавказ всегда славился богатством природных ресурсов. На протяжении истории этот регион полностью обеспечивал свои внутренние потребности и экспортировал сырье в другие регионы [2. S. 430]. С древних времен Кавказ был центром обмена и торговли. Для мировой цивилизации большое значение имел древний караванный путь из Китая и Индии в Европу, проходивший через Кавказ, который являлся важным транзитным районом, местом соприкосновения морских и сухопутных дорог. В эпоху Великих географических открытий были освоены морские пути в Индию и Китай, но это не уменьшило значения Северного Кавказа для мировой торговли.

Для России Кавказ имел не только торговое, но и военно-стратегическое значение. Р. Фадеев писал: «Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское» [39. С. 15]. Генерал Вильяминов в своих мемуарах сравнивал Кавказ с сильной крепостью, природная мощь которой умножена трудами ее обитателей.

В Османской империи Кавказу также принадлежало особое место: «Если бы Османская империя вместо Дунайского и Багдадского региона владела Кавказом или, наоборот, всеми тремя этими регионами, то мировая история пошла бы другим путем. Политическая карта Ближнего Востока, Причерноморья и Балкан ныне выглядела бы иначе» [5. S. 430].

«Россия была единственной страной Европы, которая после наполеоновских войн не имела территориальных претензий ни к кому из своих соседей и не собиралась ни в каком направлении расширяться», — отмечает американский историк Б. Елавич [15. С. 29]. Об этом Россия заявила в целой серии международных договоров [25. С. 134], об этом писал Николай I послу Великобритании: «Моя страна настолько обширна <...> что было бы неблагоразумно для меня, чтобы желать увеличения территории...» [6. P. 72].

В 40-е годы XIX в. англо-русское противостояние на Ближнем Востоке и на Балка-

нах привело к ослаблению роли России. До этого все проблемы на Востоке решались путем двусторонних русско-турецких переговоров. 1841 год многое изменил, так как был введен международный режим Проливов, и Великобритания с Францией стали чувствовать себя в регионе более уверенно. России надо было восстановить политические позиции на Ближнем Востоке, для чего Петербург стремился укрепить религиозное влияние в Иерусалиме. Закрепленное в фирмане 1757 г. разделение прав между христианскими конфессиями было определено как Status Quo. [35. С. 615]. Николай I, с большим уважением относившийся к вопросам религии, писал: «Религии — не свод законов. Они не составляют по мановению руки...». Российские императоры видели в православии один из факторов, способствующих стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и Балканах [24. С. 30].

В начале 1853 г. дипломатический мир был встревожен мыслями, изложенными Николаем I английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру о неминуемом распаде Османской империи. Правда, еще султан Селим III (1789–1807) осознавал, что его империя находится в смертельной опасности: «Империя гибнет, еще немного, и ее нельзя будет спасти» [46. С. 3]. Николай I хотел заранее договориться о судьбе османского наследства и предлагал Великобритании большую часть османских владений. В Лондоне полагали, что Россия может, не вынимая меча, вступить во владения своей частью наследства, между тем как Великобритания за свою часть должна будет вести кровопролитные войны.

Николай I, который вел курс на создание в Юго-Восточной Европе независимых от Турции государств, подчеркивал: «...все христианские области Турции по необходимости станут независимыми христианскими государствами и как таковые вернутся в семью христианских стран в Европе...» [46. С. 3]. Абсолютная ее гибель как самостоятельного государства привела бы к серьезным осложнениям европейской политики, так как ни одна держава не потерпит, чтобы такой «лакомый кусок» достался другой. «Восточный вопрос» — скорее вопрос «западный», и из этого родилось то курьезное положение, что даже заклятые враги Османской империи, желавшие ее гибели, сами принуждены были стараться об ее поддержании и благоденствии. Восточная политика сводится лишь к тому, что каждое государство старается быстрее других усилить свое влияние на Константинопольский кабинет «в чаянии будущих благ» [46. С. 1].

В османских газетах появились материалы антироссийской направленности. Россию обвиняли во вмешательстве во внутренние дела Порты, в частности в поддержке анти-турецкого восстания в Черногории. В унисон с османской печатью выступали западно-европейские газеты. Несмотря на это, Николай I решил заставить Османскую империю признать особые права России в защите христианского населения на ее территории. Эти права предполагалось закрепить в специальном договоре между императором и султаном, что фактически открывало бы России возможность прямого вмешательства во внутренние дела Турции. Николай I направил в Стамбул с чрезвычайной миссией князя Меншикова, который умел «применить тактику силового давления». Граф Нессельроде вручил Меншикову три документа: письмо Николая I султану, набросок договора и письмо-требование о создании специальных взаимоотношений с православной церковью, адресованные Дивану. Миссия князя Меншикова была достаточно сложной [7. Р. 3].

Борьба за Святые места была лишь видимой частью айсберга, в основании которого лежали гораздо более серьезные политические, экономические, территориальные про-

блемы, приведшие к столкновению России с Османской империей и ее союзниками: «...почти все европейские государства принимают деятельное участие в чужих делах, каждое <...> в своих целях» [30. С. 3].

Спор о Святых местах стал прологом Восточной (Крымской) войны, которая вошла в историю как война из-за ключей от Вифлеемского храма. В 1853 г., когда еще были возможности воспрепятствовать обострению конфликта между Россией и Османской империей, Великобритания и Франция сделали все, чтобы толкнуть турок на военные действия. Сопоставляя участников войны, можно сказать, что ни Россия, ни Османская империя, ни даже Франция не нуждались в ней, поскольку она противоречила интересам всех этих стран. Правда, император Наполеон III стремился решить свои внутренние проблемы с помощью внешних авантюр и занял в «восточной политике» воинственную позицию, мечтая отомстить России за поражение Наполеона Бонапарта. Больше же всего война нужна была Великобритании [44. С. 49]. В вытеснении русских с Кавказа и превращении его в британскую зону влияния английская «партия войны» видела одну из своих целей [9. Р. 47].

Ввод англо-французского флота в Черное море был демонстрацией против России, а поведение иностранных дипломатов в турецком Диване способствовало разжиганию войны между Россией и Турцией. Пальмерстон указывал, что Англия поддерживает Османскую империю «для нашего собственного дела и во имя наших собственных интересов» [22. С. 130]. Англия мечтала отодвинуть русского царя за Кубань и Терек и обещала полякам-эмигрантам за участие в войне против России на Кавказе оказать помощь в восстановлении Польского королевства от моря и до моря... Мухаммеду-Амину обещали независимую Адыгею, Шамилю — титул короля закавказского, турецкому султану — целостность его владений [29. С. 372].

Чужими руками Великобритания пыталась нанести удар по России. «Одним лишь объявлением войны, без всяких военных действий Турция, — писала уркартовская газета «The Free Press», — может за 2–3 года вычеркнуть Россию из списка наций, потому что состояние войны предоставляет Турции господство над Россией (благодаря закрытию Проливов), а свободный вывоз хлеба из Турции в Европу и Америку приведет к разорению России. Пора нанести этой державе, являющейся источником зла и причиной столкновений, удар там, где она уязвима <...> Ударьте, и ударьте так, чтобы уничтожить» [38. С. 430]. Именно Уркарт положил начало агрессивным антирусским выступлениям в печати, утверждавшим, что русская политика в Азии направлена против цивилизации и свободы народов и безопасности Англии; что политика Англии является будто бы политикой законной самообороны и бескорыстной защиты азиатских народов от русской опасности. Уркарт требовал, чтобы английское правительство приняло меры к изгнанию России с Кавказа и даже из Крыма и заставило ее вернуться на юге и на западе к государственным границам XVII в., а также чтобы английское правительство окружило Россию кольцом враждебных сил, руководимых из Лондона. Эта концепция служила прикрытием для экспансионистской политики самой Англии на Среднем и Ближнем Востоке. Какой бы захват ни замышляла Англия, он неизменно изображался в качестве «оборонительного мероприятия», призванного противодействовать русской экспансии. Статьи Уркарта стали основой для создания политических легенд против России.

Готовясь в свою очередь к войне, Порты ввозила оружие на Кавказ, по-прежнему претендуя на этот регион [11].

Россия вступила в войну переходом своих войск р. Прут и занятием Молдовы и Валахии, что было оценено в Европе как агрессия. 4 октября 1853 г. султан объявил войну России. Формальным поводом послужил отказ Османской империи, поддерживаемой Лондоном и Парижем, принять российские требования. Так спор о Святых местах перерос в крупный международный конфликт. Император серьезно ошибался в оценке британского правительства и совершенно не понимал значения антирусского общественного мнения в Великобритании [1. Р. 116].

В условиях вялотекущих боевых действий и заявлений об ограниченности войны русским войскам нужен был крупный успех. Почти одновременно победы были одержаны на Кавказе и при Синопе. Боевые действия на Кавказском театре начались с захвата турками в ночь на 16 октября 1853 г. поста Св. Николая, расположенного на берегу Черного моря южнее Поти. Как доносил царю наместник на Кавказе князь М.С. Воронцов (1782–1856), пост не считался укреплением и не способен был выдержать сильную атаку; но, так как при оном был большой запас провианта, считали нужным укрепиться там, пока успели бы весь этот провиант оттуда взять [12. С. 94–95]. На подмогу посту Св. Николая были посланы еще войска и орудия под командованием полковника Корганова, и турки наконец были выбиты.

Князь Бебутов вел боевые действия около Баяндур со 2 ноября 1853 г., так как понял, что Турция начала войну и что у Баяндур сосредоточены большие силы противника. Манифест Николая I о войне он получил лишь 6 ноября. Около Баш-Кадыкляра князь Бебутов дал бой туркам, которые считали, что кампания 1853 г. закончилась, а Ахмад-паша, видя малочисленный отряд защитников (10 тыс. человек и 32 орудия против 36 тыс. человек и 44 орудий), заявил: «...к чему нам сражаться, когда нас приходится по 4 человека на одного, свяжем их и повезем в Карс» [33. С. 86].

Турки были отброшены за реку Мавряк-чай. Баш-Кадыклярское поражение 38-тысячной турецкой армии имело большое значение для России и народов Кавказа. В это же время 18-тысячный Ардаганский турецкий корпус вел бой с малочисленным гарнизоном Ацхури, а главные силы османов блокировали Ахалцых, которые обороняли русские пехотинцы и грузинские ополченцы. Ацхурская победа в ноябре 1853 г. — первая русская победа на Кавказском фронте. За ней последовал разгром Ардаганского корпуса турок. История Кавказского фронта — это история совместных боевых действий русской армии и иррегулярных воинских формирований, состоявших из населения Закавказья, Северного и Западного Кавказа.

Синопскую победу России Европа восприняла как нарушение Николаем I обещания не бомбардировать турецкие города [18. С. 82; 34. С. 213]. 30 ноября 1853 г. турецкая эскадра была расстреляна в собственной бухте русской эскадрой П.С. Нахимова, и война России с коалицией европейских держав стала реальностью.

Санкт-Петербург праздновал победу. Николай I писал адмиралу Нахимову: «...уничтожив турецкий флот в Синопе, Вы добавили великолепную главу к военно-морской истории России» [6; Р. 76]. Однако «взрыв в Синопе» стал «взрывом против России» [26. С. 535; 10. С. 131]. Пока «шансы войны» клонились на сторону Порты, Франция и Великобритания спокойно наблюдали за происходящей борьбой, надеясь, что неудачи заставят Россию «желать мира». Но после Синопской битвы они вступили в войну (15 марта 1854 г.). В связи с этим в Петербурге прорабатывались разные варианты боевых действий. Больше всего Николая I беспокоило развертывание военных действий на Балтийском побережье, в Польше, высадка десанта в Одессе и на Кавказе. Десант в Крым

считался менее вероятным и не слишком опасным, поэтому из Крыма на Кавказ была отправлена 18-я дивизия. На первый взгляд, в период Крымской кампании война на Кавказе играла второстепенную роль. В действительности же здесь решалось, чья сила перевесит в Закавказье и во всем ближневосточном регионе. Турки начали наступление в октябре 1853 г. на двух фронтах: на Балканах и в Закавказье, [6. Р. 75] рассчитывая прорывом на Кавказ поддержать антирусский мятеж горцев-мусульман.

В 1854 г. Порты планировала захватить Кавказ и соединиться с Шамилем, который заявлял о готовности вместе с Мухаммедом-Амином нанести с двух сторон удары по русскому корпусу в Грузии. Однако если в начале войны Стамбул призывал народы Кавказа к «священной войне» с Россией, то позже предложения черкесских вождей оставил без ответа. Лондон и Париж также пытались наладить взаимодействие с кавказскими горцами, но не смогли достичь согласия по этому вопросу.

Включение Кавказа в состав России беспокоило англичан, для которых господство распадавшейся империи Османов над богатыми землями Кавказа и Закавказья было выгодно, поскольку открывало определенные возможности колониальной экспансии Великобритании [21. С. 9]. Лондон разработал проект создания единого государства Черкесия на территории Северного Кавказа под протекторатом османов или англичан. И английская, и французская печать много писала о борьбе горцев: «Кавказ — это вавилонская башня фанатизма, для удаления русских с Закавказья необходимо западным цивилизаторам подать руку помощи кавказскому пророку и, подчинив все Закавказье Турции, поставить над ними валия — султанского наместника в лице Шамиля» [45].

1854 год на Кавказе стал переломным в пользу России. Готовясь к новой кампании 1855 г. на Кавказе, союзники продолжали надеяться на соединение с Шамилем и совместные с ним действия. Именно тогда Шамиль авансом получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армий, а после взятия Тифлиса ему был обещан титул короля Закавказского.

Александр II, став императором в феврале 1855 г., хотел «закрыть» Крымское поражение большой победой на Кавказе. Для осуществления этой цели главнокомандующим кавказской армией был назначен А.М. Барятинский, который окружил Дагестан и Черкесию, полагая, что, взяв в блокаду регион, можно будет пресечь поставки оружия из Османской империи и Персии [8. С. 60].

В мае 1855 г. турецкая армия занимала Карс, Ардаган, Ольтиси, Кагызлам, Эрзурум. Карс представлял собой укрепленный лагерь, построенный по всем правилам военно-инженерного искусства, где генерал Вильямс сконцентрировал все турецкие силы [30. С. 32]. Англичане и французы считали Карс «оплотом Малой Азии».

Тогда же, в мае 1855 г., кавказский наместник Н.Н. Муравьев был назначен главнокомандующим Кавказским корпусом. В июле его войска осадили Карс, а 17 сентября он приказал штурмовать город, где вместе с османами сражались польские, венгерские и итальянские добровольцы. Штурм Карса был отбит, и турецкое командование поспешило сообщить о победе в Стамбул. Указом султана была отчеканена памятная медаль, город Карс получил титул «Победоносный», и его имя было присвоено новому турецкому пароходу. Официальная оценка Портой этого события придавала ему большее значение, чем победе под Севастополем.

Русские войска начали новую долговременную осаду Карса, которая продолжалась до 15 ноября. Омер-паша подчеркивал стратегическое значение Карса, предупреждая, что, сдав этот город, придется сдать и Эрзурум, и большую часть Малой Азии. Омер-

паша пугал союзников возможностью захвата российскими войсками коммуникации Трапезунд-Эрзерум-Тавриз, столь необходимой для британской торговли, но союзники не могли помочь Карсу [3. Р. 136]. 16 ноября 1855 г. турецкий гарнизон капитулировал: из 130 тысяч защитников 16 тысяч попали в плен. Среди них были и англичане: генерал Вильямс и полковник Лэйк, которые до конца войны находились в России [26. С. 540].

Покорение Карса стало последней операцией 1855 г. Об «успехах» османов в Азии писал Д.Розен в «Истории Турции». С его оценкой согласен А.Миллер: «Турция в этой войне играла подчиненную и жалкую роль». Забота о так называемой целостности и независимости Османской империи служила для Великобритании, Франции и Австрии «прикрытием их агрессивных планов» [27. С. 77].

Через несколько лет видный английский парламентарий Г.Синклер заявил, что эта война была «глупой и безнравственной», переложив всю вину за ее продолжение на Наполеона III [15. С. 15]. Однако, именно опираясь на французскую армию и на свой флот, англичане единожды за столетие смогли нанести удар России и устранить ее соперничество на Балканах и Ближнем Востоке. Лорд Пальмерстон выдвинул новый проект перекройки Восточной Европы: Аландские острова и Финляндию передать Швеции, восстановить Польское государство, отобрать у России Крым и Грузию, вручить их Османской империи [4. Р. 79]. Война зашла в тупик. Теперь все должны были решать дипломаты. Однако партнеры России по Священному Союзу — Австрия и Пруссия — не поддержали Россию в борьбе с Османской империей. Победа османской дипломатии заключалась в том, что она сумела сделать Австрию из формального союзника России противником, заинтересованным в ее поражении [6. Р. 77].

На Парижской конференции Россию представлял А.Орлов. Владение ключевой позицией в Малой Азии облегчало задачи российской дипломатии на переговорах. Между Великобританией и Францией, Пруссией и Австрией, англо-французским блоком и Османской империей, Сардинией и Австрией возникли противоречия. Этим умело воспользовалась русская сторона. Антироссийская коалиция была не в состоянии продолжать агрессию: слишком большими могли быть затраты и потери. Великобритания ставила под сомнение право России на территории, лежащие за Кубанью, и хотела передать их под номинальную власть османов. Франция же не была заинтересована в усилении Великобритании [32. С. 457–459].

Во время заседаний в Париже в Стамбул была направлена черкесская делегация с прошением «О присоединении Черкесии к Оттоманской империи». Турецкое правительство вместе с английским послом в Стамбуле С.Рэдклифом составило меморандум по Кавказскому вопросу, включив туда пункты о независимости Черкесии и Дагестана [28. С. 131]. Граф Валуевский по указанию Наполеона III исключил вопрос о Кавказе из повестки дня. Палата лордов настаивала на продолжении войны, так как черкесский вопрос был решен не в пользу Великобритании [22. С. 149]. На дискуссиях о русско-турецких границах Кларендон потребовал проведения границы от Азовского моря до Кубани и передачи Кавказа под номинальную власть османов.

Русские дипломаты, опираясь на 4-ю статью Адрианопольского договора и 1-ю статью конвенции 1834 г., поставили английскую дипломатию в затруднительное положение. После 17 заседаний Конгресса мирный договор был заключен 18 марта 1856 г. [28. С. 131; 47. С. 107]. Условия мира были болезненно восприняты в России, ведь с 1711 г. Россия не подписывала ни одного акта о поражении [15. С. 16].

Европа достигла своей цели [30. С. 13]. По Парижскому договору Россия была вы-

нуждена отказаться от покровительства православному населению Османской империи, потеряла Южную Бессарабию и разоружила Черноморский флот [47. С. 107–121]. Формально и турки лишились права на содержание эскадры, но их суда переправились в Средиземное море и в течение нескольких дней могли вернуться в Черное море. Протяженное Черноморское побережье в случае чрезвычайных обстоятельств оказывалось под контролем британского флота.

«Султан сохранит за собой право пропускать суда держав, не имеющих баз на Черном море, через проливы по своей воле и в любое время», — писал лорд Дж. Рассел [15. С. 16]. Для Великобритании мир был приемлемым, но не почетным. Англия не выиграла ни одного сражения, но заставила Россию отказаться от многих итогов четырех войн с Турцией (1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829) [15. С. 16]. В тексте Парижского договора Северный Кавказ не был упомянут. Когда представитель Англии заявил о необходимости вывода российских войск из Черкесии, французская делегация сочла такой шаг несвоевременным, а представитель Порты заявил, что не имеет политических претензий на Северный Кавказ и Северное Причерноморье.

Представителю Великобритании в Париже Малмесу Бори позже в Лондоне было предъявлено обвинение в том, что он не смог отстоять «независимость» Черкесии, на что он ответил: «Мы не могли стать более мусульманами, чем сами мусульмане» [15. С. 132; 13. С. 85]. Поддержка, которую черкесы оказали союзникам в Крымской кампании, не была оценена; когда по окончании войны речь зашла о будущем Северного Кавказа, представители Великобритании, Франции и Турции просто отмолчались. Дополнявшая договор конвенция разрешала «взаимное восстановление прав на завоеванное Россией в Азии и союзниками — в Европе» [26. С. 541; 34. С. 279]. Это значит, что Россия вернула османам Карс, а союзники покинули Севастополь.

Последствиям Восточной войны была посвящена брошюра П.А. Чихачева «Прочен ли Парижский мир?..», где автор доказывал, что ни война, ни Парижский договор не разрешили Восточного вопроса. Противоречия между Россией и коалицией на какое-то время утратили свою остроту, но борьба за Кавказ продолжалась, изменились только ее формы, методы.

В результате Крымской войны Великобритания достигла главной цели — ослабления России на Ближнем Востоке и на Черном море. Не добившись успеха на Кавказе, она совместно с Портой продолжала препятствовать укреплению России в регионе. Заявив, что по Парижскому договору европейские державы признали кавказских горцев независимыми и приняли их под свою защиту, англо-турецкие и французские агенты развернули на Северном Кавказе антирусскую деятельность, устраивая провокации, диверсии, направляли шхуны с боеприпасами и легионерами к берегам Кавказа. А.Н. Мошнин — российский консул в Трапезунде сообщал, что «только в 1857 г. к черкесским берегам подошло 800 баркасов с порохом и оружием, а обратно эти баркасы везли живой товар» [17. С. 176]. Князь А.И. Барятинский, главнокомандующий на Кавказе, сообщал военному министру: «...свободный доступ к черноморским берегам может иметь самые невыгодные для нас последствия и надолго замедлит наши успехи в западной части Кавказа» [20. С. 287].

Действительно, условия Парижского мира о нейтрализации Черного моря делали побережье Кавказа открытым, в т.ч. для контрабандистов. У России не было ни сил, ни средств, чтобы организовать крейсерование вдоль побережья, а объявлять берег в блокаде, по мнению правительства, было «неполитичным». А.И. Барятинский писал,

что говорить о блокаде в том смысле, как используется это слово в международном праве, нет необходимости, так как «...берег этот не есть неприятельский и принадлежит нам неоспоримо по трактатам, мы должны принять меры, какие всякое правительство имеет право принимать в пределах своих владений для поддержания существующих карантинно-таможенных постановлений» [20. С. 287].

В Черкесии активно продолжал работать Сефер-бей, который называл себя главнокомандующим всеми горскими народами, начальником турецких сил в Анапе, он организовал группу депутатов, которая была отправлена в Стамбул просить султана о принятии их в свое подданство, но получила отказ, поскольку по Парижскому договору горцы находились под властью России.

В Лондоне было организовано тайное общество «Защитники независимости Черкесии» под руководством Уркарта и Белла, ставивших целью разжечь агрессивные устремления правящих кругов Великобритании в отношении Кавказа, утверждая, что «ключ военного и торгового могущества Англии в Азии находится в Черкесии».

Хотя британское правительство и не поддержало этот план, это не помешало англо-турецкому отряду, высаженному в Туапсе 26 февраля 1857 г., действовать в Черкесии три года. Руководителем отряда были Янош Бандья (Мехмед-бей) – английский агент, бывший полковник венгерской армии, и поляк полковник Г. Лапинский (Тефик-бей). Сефер-бей писал императору России: «...черкесы, как мусульмане, от мала до велика единодушно признали подданство турецкого правительства и прибегли под покровительство его <...> и если император признает независимость нашу, то мы примем иностранных консулов для ведения торговых сношений с Россией и другими державами» [40. С. 141]. Правительства Англии и Турции критически оценило деятельность Сефер-бея, переставшего быть для них «вождем» черкесов, и они делали ставку на Мухаммеда-Амина, к которому в конце 1858 г. прибыл Омер-бей — личный адъютант военного министра Турции Риза-паши с письмом, призывавшим горцев продолжать борьбу и обещавшим помощь [19. С. 130].

Александр II в письме Барятинскому писал: «Не следует ли воспользоваться одержанным важным успехом, чтобы войти в переговоры с Шамилем» [19. С. 130]. Генерал Н.И. Евдокимов разработал план пленения Шамиля и писал Барятинскому: «Момент для решительного предприятия настал именно теперь, не должно жалеть средств, ибо они положат конец войне, столько лет истощавшей государство и стоившей ему сотни тысяч жертв...» [19. С. 131]. Чтобы скорее подчинить горцев, князем Барятинским было пущено в ход золото в таких размерах, как никогда прежде.

В том же 1859 г. войска командующего Кавказской армией князя А.Н. Барятинского сломили сопротивление чеченцев на востоке. Шамиль и его 400 мюридов отступили, заняв оборону в практически неприступном горном селении Гуниб, которое было подвергнуто массированному артиллерийскому обстрелу. 6 сентября 1859 г. Шамиль сдался в плен фельдмаршалу Барятинскому, «...на камне, где сидел князь Барятинский, принимая пленного Шамиля, было высечено: “1859 года, 23 августа, 4 часа по полудню”» [39. С. 131].

Весть о пленении Шамиля дошла до Мухаммеда-Амина. Поскольку территории абадзеков, хакучинцев, шапсугов, убыхов, часть Бжедугии еще не были заняты русскими войсками, то именно сюда перемещались черкесы из других районов. Мухаммед-Амин, принявший требования России, призвал черкесов закончить войну, но его не поддержали, и он, сдавшись в плен российскому командованию вместе со 100-тысяч-

ным отрядом абадзек, принес присягу русским властям. После смерти Сефер-бея, в декабре 1859 г., около 8 тысяч натухайцев принесли присягу русскому правительству [28. С. 199].

В «европейском отряде» Т. Лапинского началось массовое дезертирство. Легионеры бежали из Черкесии с одним желанием: никогда больше туда не возвращаться. К началу 1860 г. отряд прекратил свое существование. Как писал М. Чайковский: «...он вел себя самым постыдным образом: пьянство, драки <...> неповиновение начальству», у черкесов легионеры стали посмешищем. Проведя на Кавказе время в полном бездействии, они вернулись в Стамбул [43. С. 687].

Великобританию не устраивало усиление России на Кавказе, и английское правительство с нетерпением выжидало, чтобы вновь начать войну. Уже в 1861 г. в Черкесию прибыли османские офицеры, чтобы активизировать борьбу горцев. Летом 1861 г. абадзехи, шапсуги и убыхи созвали собрание, главным итогом которого было образование черкесского государства во главе с Советом — «Меджлисом вольности черкесской». Об этом черкесы поставили в известность правительство России и других стран. Одно из посланий черкесов британскому консулу в Сухуме, в частности, гласило: «В 17 день месяца зильхаджа 1277 г. (13 июня 1861 г.) для восстановления власти и для учреждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили учредить чрезвычайный союз и не отставать от одного <...> учредили меджлис из 15 человек улемов и умных людей. Этому меджлису дано звание “Великого свободного заседания” <...> Учреждены в нашем крае 12 округов. В каждом округе определены муфтий и кадий, а также муфтарь (старшина) <...> Они должны исполнять повеления меджлиса» [14. С. 119].

Через год черкесская делегация отправилась в Стамбул с петицией, в которой выражала просьбу о покровительстве и военной помощи для борьбы с русскими. В английской прессе «Черкесским комитетом» была развернута антирусская кампания. В Стамбуле был организован еще один «Черкесский комитет», который возглавил английский полковник Джордан, а в состав его вошли черкесские и польские эмигранты. Русский посланник в Стамбуле писал в 1863 г., что под влиянием польских эмигрантов кавказский вопрос все более привлекает общественное мнение Европы и становится орудием враждебной политической пропаганды. В то время как в Англии именно пресса создавала мнение об этой войне и черкесах, российской прессе было запрещено упоминать о Восточной войне и Кавказе. Только 16 апреля 1857 г. разрешено было публиковать в печати сведения о военных действиях на Кавказе. «Давно ли строго преследовалось нарушение тайны обо всем происходящем на Кавказе», — вопрошал по этому поводу Милютин [36. С. 136–137].

Лондонский и стамбульский «черкесские комитеты» были связаны с парижским центром польской монархической эмиграции и проводили антирусские акции в Черкесии. В ноябре 1862 г. русский посол в Лондоне сообщил, что «черкесский комитет» готовит судно для подвоза непокорным горцам оружия и военных снарядов. Руководил операцией француз Маньян, в распоряжении которого были английские корабли. Отряд легионеров под руководством польского полковника Пржевлочко находился в Черкесии с сентября 1863 г. по март 1864 г. А. Фонвилль, один из участников этой экспедиции, писал: «Поручение, возложенное на нас, состояло в доставке горцам пушек и оружия. Черкесы же, находившиеся с нами, должны были нас сопровождать и служить нам переводчиками» [41. С. 6].

Характеризуя обстановку на Кавказе в тот период (1863), Лорис-Меликов писал: «С 1859 г., когда мы начали считать этот край покоренным, проявившиеся возмущения <...> имели характер частный <...> Но вот уже более года, как принимаются всевозможные меры к удовлетворению народных потребностей <...> и в то же время горцы видят необходимость общего восстания». Хорошо зная горцев, генерал утверждал: «Это не бунт, а обдуманная цель, трудность достижения которой <...> сознает большинство населения» [16. С. 13]. Достижению этой цели помогали поляки.

Еще в конце XVIII в. после подавления восстания поляков во главе с Т. Костюшко многие его участники были сосланы на Кавказ для прохождения службы в российской действующей армии. Масса поляков-беженцев появилась тогда в Османской империи, где они создавали польский легион. Выступая против раздела Польши, турки стали ее союзником в борьбе с Россией. В свою очередь поляки видели в Порте естественного союзника и связывали надежды на освобождение Польши с военными успехами Османской империи.

В период польского восстания 1863 г. руководители «Отеля Ламбер» стремились использовать черкесский вопрос для обострения русско-турецких отношений и вовлечения Порты в антирусский блок держав, что отвечало планам Англии и Франции. После подавления восстания 1863 г. в Османскую империю прибыло много польской молодежи, которую Садык-паша (Чайковский) объединял для борьбы на Кавказе под лозунгом «За нашу и вашу победу!».

Вопрос о восстании против России обсуждался на тайной встрече османского визи́ря Фуад-паши с Витольдом Чарторийским в 1863 г. в Каире. По мнению Н.Бэрзэджа, ни одна европейская держава не оказала черкесам помощи, помощь пришла только со стороны поляков [14. С. 40]. Добровольцами они стали прибывать на Кавказ. Многие ссыльные поляки, служившие в российской армии, переходили на сторону горцев. Садык-паша-Чайковский, Чайка, организовал в окрестностях Стамбула польскую колонию Адамеполе (в честь Адама Чарторийского), в которую турки направляли поляков, дезертировавших из русской армии, прежде горцы продавали их в рабство. По совету В. Чарторийского, Чайка объединил в своем полку врагов России. Не намереваясь укреплять империю османов, поляки надеялись, что на ее руинах возродится свободная Польша. Чайка пытался привлечь к польскому делу румын, болгар, сербов и других славян, угнетенных османами [13. С. 66–67].

Между тем России в лице ее посла Новикова удалось парализовать действия «черкесских комитетов» в Стамбуле и Трапезунде и убедить Порту воздержаться от посылки на Кавказ военной экспедиции. Франко-польская экспедиция под командой Пржеволоцкого провалилась из-за недоверия к ним черкесов [23. С. 152].

Таким образом, во второй половине XIX в. Кавказский регион все больше привлекал внимание России, Османской империи и Великобритании, каждая из сторон считала необходимым взять Кавказ под свой контроль.

Интересы России были направлены на обеспечение безопасности христианских государств: Грузии (1801 г.), Восточной Армении (1828 г.) и Осетии (1774 г.), — которые вошли в состав Российской империи. В укреплении православия Россия видела один из главных факторов стабилизации обстановки на Ближнем Востоке. В то же время Кавказ для России имел и большое военно-стратегическое значение.

Османская империя видела в народах Северного Кавказа братьев-единоверцев, с которыми у нее давно сложились тесные связи. Кавказ высоко ценился османами и с

военной точки зрения. В результате регион стал важным стратегическим фактором взаимодействия Турции и России.

К этому периоду могущество Османской империи ослабло, но гибель ее как самостоятельного государства не была выгодна европейским державам, т.к. слабое государство на границе с Кавказом их устраивало больше, чем сильная Россия. Великобритания, боявшаяся усиления России на Кавказе, поддерживала Порту, которая в свою очередь без поддержки Европы не могла предпринимать сколь-либо эффективные шаги на Северо-Западном Кавказе.

Литература

1. *Anderson M. S.* The Eastern Question 1774–1923. A study in international Relations. — Macmillan: London: St. Martin's Press; New York, 1966. 435 p.
2. *Baddaley J.* Rusların Kafkasya'yı istilası ve Şeyh Şamil. İstanbul, 1989. 430 s.
3. *Blake R.* The Crimean War. Hamden, 1973. 181 p.
4. *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970. 531 p.
5. *Güneş M.* Evliya Çelebi ve Haşım Efendi Gerkesis' tan notları. İstanbul, 1969. 184 s.
6. *Karsh Efraim, Karsh Inari.* Empires of the Sand // The struggle for mastery in the Middle East 1789–1923. Harvard University Press, 1999. 409 p.
7. *Royle Trevor.* Crimean: the great Crimean War, 1854–1856. London, 2000. 564 p.
8. *Saydam A.* Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1997. 235 s.
9. *Schroeder P.W.* Austria, Great Britain and the Crimean War. London, 1972. 544 p.
10. *Türkiye Tarihi // Osmanlı Devleti 1600–1905.* İstanbul, 1995.
11. АВПР. Ф. Турецкий стол. Оп. 502а. Д. 4502, 4503.
12. *Берже А. П.* Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1866–1885. Т. I–X.
13. *Бушув С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Кабард. кн. изд., 1956. 116 с.
14. *Бэрзедж Н.* Изгнание черкесов (Причины и последствия). Майкоп, 1996. 223 с.
15. *Виноградов В.Н.* Борьба империй // Родина. 1995. № 3–4. С. 12–16.
16. *Дегоев В.* Обзор источников по проблеме: Кавказ в системе международных отношений (XIX век). Владикавказ, 1992. 443 с.
17. *Дзидзария Г.А.* Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Аламара, 1975. 526 с.
18. *Зайночковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой // Зайночковский А.М. Соч.: В 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. Т. I. 763 с.
19. *Захарова Л.* Россия и Кавказ: Взгляд из XIX в. // Россия и Кавказ сквозь два столетия. С. 126–138.
20. *Зиссерман А.* Фельдмаршал князь Барятинский // Русский архив. М., 1889. Кн. 2. Вып. 6. С. 237–291.
21. *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. 404 с.
22. *Касумов А.Х.* Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. / Рост. ун-т. Ростов н/Д., 1989. 191 с.
23. *Кельсиев В.* Польские агенты в Царьграде // Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. 1869. Т. 84. № 11–12.
24. *Киняпина Н.С.* Борьба империй // Родина. 1995. № 3–4. С. 30.

25. *Киняпина Н.* Восточный вопрос во внешней политике России кон. XVIII — нач. XX в. М., 1978. 434 с.
26. *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи / Под ред. М. Мейера. М.: Крон-пресс, 1999. 696 с.
27. *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. М., 1948. 304 с.
28. *Милютин Д.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860–1862. М., 1999. 558 с.
29. *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказ в 1855 г.: В 2 т. / Под ред. Н.Н. Муравьева. СПб.: Тип. А.Н. Демидова, 1877. Т. II. 401 с.
30. *Погодин М.П.* Письмо в редакцию газеты Le Nord. М., 1857. 17 с.
31. *Погосян А.* Карская область в составе России. Ереван, 1983. 285 с.
32. *Потемкин В.* История дипломатии. М., 1941. Т. I. 568 с.
33. *Путилов Н.И.* Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Величайшего соизволения Н.И. Путиловым. СПб., 1855. Кн. 4.
34. *Розен Д.Г.* История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1872. Ч. 2. 288 с.
35. Россия в Святой земле // Документы и материалы. М., 2000. Т. II. 660 с.
36. Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. 413 с.
37. *Синклер Д.* Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. СПб., 1878. 356 с.
38. *Тарле Е.* Крымская война. М.; Л., 1950. 656 с.
39. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Воен.-поход. тип. Гл. штаба кавк. армии, 1860. 147 с.
40. *Фелицин Е.* Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сб., 1903. Т. 10. С. 1–170.
41. *Фонвилль А.* Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Краснодар, 1927. 42 с.
42. *Фрили Джон.* Тайны Османского двора. Смоленск, 2004. 397 с.
43. *Чайковский М.* Записки Михаила Чайковского (Мехмед-Садык Паши) // Русская старина. СПб., дек. 1860 — окт. 1900. Т. 6.
44. *Чихачев П.А.* Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970. 60 с.
45. Шамиль в Париже и Шамиль поближе // Кавказ. 1854. № 95.
46. *Шкловский А.* Очерк современного политического состояния Турции. Елизаветоград, 1893. 36 с.
47. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. СПб., 1869. 296 с.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК (930.85):330.342.143

А.В. Жевелева

ОБ ИСТОКАХ ТУРЕЦКОГО ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ПО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ С. САБАНДЖИ)

Данную статью мне хотелось бы посвятить памяти моего первого учителя выдающегося русского востоковеда профессора Сергея Михайловича Иванова.

Преподавательская и исследовательская работа С.М. Иванова охватывала широкий круг научных дисциплин. Для нас, студентов Восточного факультета, он читал лекции по этнографии, физической и экономической географии, истории, общественно-политическому и социально-экономическому развитию Турции. Сергей Михайлович подготовил курсы по истории внешней политики Турции в послевоенный период, по экономической истории Османской империи в средние века и новое время. Основная сфера научных интересов С.М. Иванова — проблемы социальной и экономической истории Османской империи и республиканской Турции.

На протяжении многих лет С.М. Иванов занимался историей русско-турецких торгово-экономических связей от эпохи средневековья до начала XX в. Ряд его публикаций был посвящен вопросам сравнительной типологии исторического развития Российской и Османской империй. С.М. Иванов часто говорил, что в истории Турции XX в. его наибольшее внимание привлекает эволюция homo economicus, человека хозяйствующего, а точнее, история и специфика приобщения этнических турок к культуре рыночных отношений. Под влиянием научных взглядов С.М. Иванова мною были выбраны темы магистерской и кандидатской диссертаций. Свое исследование мне хотелось бы рассматривать как продолжение научных идей С.М. Иванова.

Представленное исследование посвящено деятельности одного из первых предпринимателей Турции Хаджи Омера Сабанджи (1906–1966 гг.). Автор использовал работы отечественных и турецких исследователей. Однако основной упор был сделан на автобиографическую работу Сақыпа Сабанджи (сына Х.О. Сабанджи).

Х.О. Сабанджи — основатель одного из самых крупных и известных холдингов Турции — холдинга «Сабанджи». К 1992 г. в мире 291 человек обладал капиталом свыше одного миллиарда долларов. Среди них был сын Х.О. Сабанджи — С. Сабанджи, унаследовавший от отца все свое состояние.

Одна из самых крупных промышленно-финансовых организаций Турции холдинг «Сабанджи» состоит из 68 предприятий. Основные области деятельности холдинга — финансирование, пищевая, химическая и текстильная промышленность, внутренняя торговля, экспорт, производство шин, цемента, крепежных деталей, энергетика, автомобилестроение. Фирмы, связанные с холдингом, работают в 18 странах мира и продают свои товары в Азии, Северной Африке, Северной и Южной Америках, на Ближнем Востоке. Среди иностранных компаньонов холдинга такие известные предприятия, как «Тойота», «Митсубиси Мотор», «Филипп Моррис», «Фербунд», «Бриджстоун», «Ситигруп», «Хилтон».

Предки Х.О. Сабанджи были бедными крестьянами из местечка под названием Девели. В те времена землю в Османской империи обрабатывали сохой (по-турецки «karasapan», или, как пишет С. Сабанджи, «karasaban»). Предки Х.О., помимо того что обрабатывали землю, также занимались производством деревянной части сохи и продавали ее соплеменникам. Согласно семейной легенде, так и появился лакап (прозвище) семьи — Сабанджи (согласно диалекту данного региона «Забанджи» — дословно «изготовители сохи», «продавцы сохи»). Впоследствии семья Сабанджи переселилась в деревушку Акчакайя близ Кайсери, где и появился на свет Хаджи Омер. Акчакайя находится на высоте 1500 метров над уровнем моря в скалистой местности близ горы Эрджийес. Поблизости располагались небольшие деревушки, населенные преимущественно не мусульманами.

Хаджи Омер родился в очень бедной крестьянской семье. Как пишет С. Сабанджи, «у семьи не было даже виноградной лозы, поэтому уровень жизни был очень низким». Отец Хаджи Омера Хаджи погиб во время военной службы в Йемене, когда сыну было всего 13 лет. Согласно тюркско-исламской традиции, после смерти мужа вдову брал в жены его брат. Так случилось и в семье Сабанджи. Дядя Хаджи Омера Ахмет (в семье его называли Бейбаба) стал мальчику приемным отцом. 13-летний Хаджи Омер обучился письму и счету в деревенской школе и начал обрабатывать крохотный участок земли, принадлежавший семье. Тем временем Бейбаба при поддержке своего друга, который занимался караванной торговлей между Акчакайя, Аданой и Джейханом, отправился на заработки в Адану. Там он сменил несколько профессий и наконец устроился на очень тяжелую работу — носильщиком хлопка на хлопкоочистительной фабрике. Впоследствии Бейбаба пригласил в Адану своего племянника. В качестве носильщика Хаджи Омер зарабатывал в день 80 курушей; 20–25 курушей тратил на еду, 10 — на жилье, оставшиеся 50 откладывал.

Автор биографии Хаджи Омера Сабанджи Садун Танжу так описывает характер юноши: «У мальчика было необыкновенное стремление. Он все время хотел работать и зарабатывать как можно больше денег. Деньги имели для него настолько большую ценность, что он боялся тратить их даже на первостепенные нужды. Его молодое тело хотело пищи. Но единственной важной для него вещью были сбереженные деньги, которые он хранил в деревянной коробке. Его безропотный и добросердечный дядя также складывал туда свой заработок. Мальчик оказывал на дядю влияние своим страстным желанием зарабатывать. На вид это был скромный послушный племянник, во всем подчиняющийся дяде. На самом деле заправлял всем Омер. Он подсчитывал, сколько они заработали, сколько потратили, сколько удалось сэкономить, и не позволял брать ни одного лишнего куруша из кассы». Возможно, подчиненное положение дяди объяснялось тем, что Бейбаба не умел писать и не знал счета. Он, безусловно, чувствовал гордость за племянника-счетовода и восхищался им.

Вскоре дядя с племянником стали заниматься торговлей хлопком. Самые большие неприятности они терпели из-за того, что у них не было весов, чтобы взвешивать хлопок. Для этого приходилось использовать чужие весы за отдельную плату. Заработав лишнюю лиру благодаря качественно выполненной работе Хаджи Омера, не задумываясь, приобрел весы-безмен. Покупку весов сын Х.О. Сабанджи считает первой удачной инвестицией своего отца.

Каким же образом Хаджи Омера за весьма короткий срок удалось накопить достаточный капитал для того, чтобы заняться предпринимательством? В 1927 г. был принят Закон о поощрении промышленности. Этим законом предусматривался ряд льгот для владельцев предприятий. Владельцы крупных предприятий получали наибольшее число льгот и поощрений. Например, они были свободны от ряда налогов, акции компаний, владевших такими предприятиями, освобождались от гербового сбора, ввоз необходимого оборудования и материалов для них не подвергался таможенным сборам, перевозка товаров этих предприятий по железным дорогам производилась по сниженным тарифам, крупным капиталистам на льготных условиях предоставлялось необходимое сырье, правительство обязывалось приобретать их продукцию даже в том случае, если ее цена на 10% превышала цену соответствующей заграничной продукции.

По мнению С. Сабанджи, важную роль в успехе отца сыграли его связи с богатыми купцами Аданы (в основном не мусульманами), а также со своими соплеменниками из Кайсери. Богатые торговцы из Кайсери пользовались случаем перевести в свое владение покинутые греками и армянами фабрики. Правительство поддерживало их инициативу. В особенном преимуществе находились те, у кого были тесные связи с уполномоченными лицами. На самом деле, у Хаджи Омера не было необходимых связей. Он сумел воспользоваться такой возможностью только благодаря очень важным для турок родоплеменным связям (землячество). Благодаря своим землякам из Кайсери Хаджи Омера удалось получить в пользование недвижимость, оставленную национальными меньшинствами. После того как ему удалось доказать свои способности и возможности в нескольких предприятиях, связанных с производством хлопковых тканей, Хаджи Омера стал владельцем нескольких мелких ателье. Когда Хаджи Омера еще работал носильщиком хлопка на хлопкоочистительной фабрике, он познакомился с Альбером Дийяпом, крупным торговцем и фабрикантом из Аданы. Альбер Дийяп в свою очередь порекомендовал его как честного и трудолюбивого юношу переехавшим из Кайсери в Адану купцам (среди них были будущие компаньоны Хаджи Омера Мустафа Озгюр, Сейит Текин, Нури Хас, Нух Наджи). Хорошие отношения были у Хаджи Омера также с купцами из местечка под названием Караиса, которые также занялись торговлей в Адане.

Конечно же, стоит упомянуть и меры правительства, направленные на то, чтобы развить национальное предпринимательство в молодой республике. Торговля теперь считалась почетным делом и всячески пропагандировалась среди турок.

Совместно с Альбером Дийяпом Хаджи Омера занимался торговлей хлопком. С Мустафой Озгюром они построили в Адане несколько лавок, отель (самый крупный в Адане), кинотеатр, ресторан, парикмахерский салон. В это время Хаджи Омера получил свой неофициальный статус «хозяина города Аданы». Музаффер Будак и Ахмед Сапмаз стали партнерами Хаджи Омера в строительстве. При их непосредственном участии было построено здание Великого Национального Собрания Турецкой Республики, Аныт Кабир, железнодорожный путь Анкара-Стамбул.

В накоплении Хаджи Омером Сабанджи капитала важную роль сыграли военные годы (Вторая мировая война). Однако в отличие от другого известного турецкого предпринимателя Вехби Коча в источниках нет никаких сведений о том, чтобы Сабанджи занимался махинациями и спекуляцией в военное время (хотя, конечно же, этого исключать нельзя). Как пишет Сакуп Сабанджи в своих мемуарах, издревле крупными землевладельцами в Адане были бывшие кочевники. Они по своему менталитету не могли и не хотели правильно заниматься земледелием, оставляя всю работу крестьянам (которые тоже не могли заниматься интенсивным ведением сельского хозяйства). Существовавшую систему можно назвать издольщиной.

Во время Второй мировой войны начался закономерный кризис в сельском хозяйстве. Это привело к падению доходов землевладельцев Аданы. Землевладельцы в 1944–1945 гг. стали массово продавать землю, думая, что дохода от нее больше никогда не будет. Тогда Хаджи Омер начал постепенно скупать земельные участки. Этот процесс продолжался и в 1960-е гг. В 1949 Хаджи Омер купил участок земли площадью 1000 гектаров в Джейхане близ Чукуровы. В 1953 он приобрел фермерское угодье Джыррык близ Аданы. В 1957 — фермерское угодье Мадама близ Чукурова. В 1961 — фермерское угодье Шакир Паша близ Аданы. Сельским хозяйством Хаджи Омер начал заниматься с умом. Согласно плану Маршалла, в Турцию завозили тракторы и прочую сельскохозяйственную технику, развилась химическая промышленность, активно вводились интенсивные методы ведения сельского хозяйства. Сельское хозяйство стало приносить прибыль, землевладельцы (в том числе и Хаджи Омер) копили капитал и постепенно переходили к предпринимательству.

Первый предпринимательский опыт Хаджи Омера Сабанджи приходится на предвоенный период. В 1939 г. Хаджи Омер и его компаньоны, фактически став монополистами в торговле хлопком в Адане, открыли небольшую хлопкоочистительную фабрику. На заводе хлопок-сырец очищали от хлопковой коробочки и от семени. Из тридцати тон хлопка-сырца получалось 15 тон хлопкового семя. Хлопковое семя занимает второе место в мире после сои как сырье для получения растительного масла: его выход составляет 16% веса семени. Кроме того, из семян хлопчатника получают муку (45%), линт (9%) и жмых (26%); на отходы остается всего 4%. В то время покупкой и переработкой хлопкового семени занималась только фабрика Саламона Рафаэля Глидо — «Фабрика по производству растительного масла». Это был иудей, бежавший из России после революции и разместившийся в Адане в 1927 г. Глидо покупал столько хлопкового семени, сколько считал нужным. Это не нравилось Хаджи Омеру. К тому же он быстро понял, что мог бы сам получать завидную прибыль от изготовления растительного масла (во время второй мировой войны цены на масло сильно выросли), будь у него такая фабрика. Хаджи Омер вместе с компаньонами пошел к Глидо и попросил его продать им фабрику. Глидо ответил отказом. Тогда компаньоны решили купить участок земли рядом с фабрикой Глидо и построить там еще одну фабрику по производству растительного масла. Хаджи Омер выяснил, что в Мерсине в это время французы строили такую же фабрику и при строительстве им помогал некий Муаммер Тасавул (12 лет жил и учился в Германии, химик). Сабанджи решил обратиться за советом к нему и впоследствии уговорил его заняться строительством новой фабрики. В годы второй мировой войны строительство несколько затянулось из-за перебоев в поставках техники из Европы. Однако турецкая фабрика по производству растительного масла в 1944 г. приступила к работе. Примечательно, что через год после запуска предприятия С.Р. Глидо продал компаньонам свою фабрику.

При оценке первого предпринимательского опыта Хаджи Омера Сабанджи можно найти несколько довольно интересных черт. Во-первых, это было совместное предприятие (помимо Сабанджи в нем участвовали еще шесть человек). Это достаточно редкий для Турции начала XX в. факт. Во-вторых, и это уже можно отнести к личностной характеристике Хаджи Омера, в этом сложном и непонятном для него самого деле (Хаджи Омер закончил только несколько классов деревенской начальной школы) он не стал полагаться на свои скудные знания или знания своих компаньонов. Он сумел найти высококвалифицированного специалиста в нужной области и пригласил его на работу. Точно так же он поступал при строительстве отеля, кинотеатра и ресторана в Адане.

В-третьих, когда строительство фабрики еще не было закончено, Хаджи Омер уже думал о новом предприятии и обсуждал его с Муаммаром Тасавулом. Его захватила идея построить фабрику по производству искусственного шелка. Когда же Муаммар Тасавул ответил, что подобную фабрику уже строит Сумербанк, Хаджи Омер возразил: «Ну и что ж! Государство построит фабрику, товар стоимостью в три куруша будет продавать за пять курушей, и все будут знать эту цену. А мы построим такую же фабрику, только будем производить более дешевый товар, а продавать его тоже за 5 курушей! Ты подумай о прибыли!».

В конце второй мировой войны в Турции один за другим было открыто два банка: Гаранти Банкасы и Япы ве Креди Банкасы. В то время Хаджи Омер понял, что для новых предприятий ему и его компаньонам нужны новые средства. Так родилась идея создать свой собственный банк. По мысли Сабанджи народ Турции в это время уже достаточно разбогател, чтобы иметь возможность (и даже необходимость) пользоваться услугами банка. Однако компаньоны Сабанджи, консервативные люди, не восприняли его идею положительно. Хаджи Омелу пришлось на некоторое время отказаться от этой идеи. Он решил все тщательно обдумать, сдружился с директором филиала Сельскохозяйственного банка в Адане Зийей Алачамом, обсуждал с ним идею создания своего банка, уговорил присоединиться к этому предприятию.

30 января 1948 г. в Адане при непосредственном участии Хаджи Омера Сабанджи и пяти его компаньонов был открыт Акбанк. Зийя Алачам стал его первым директором. Интересна история названия банка. Согласно одной легенде, «Ак» — это аббревиатура фразы «Adana'daki Kayserililer», то есть поселившиеся в Адане жители Кайсери (как известно, и Хаджи Омер, и почти все его компаньоны были родом из Кайсери). Согласно другой легенде, слово «ак» («белый») символизирует белый цвет хлопка — источника капитала Хаджи Омера сотоварищи.

В 1950-х гг. находящаяся у власти Демократическая партия поддерживала частное предпринимательство и, выдавая кредиты от Турецкого банка промышленного развития, способствовала открытию многих предприятий. Строительство текстильной фабрики «БОССА», которая является одной из самых значительных фирм группы Сабанджи, началось именно в этот период и непосредственно связано с посещением Аданы президентом Турецкой Республики Джелялем Байаром. Согласно словам Сақыпа Сабанджи, новые демократические турецкие власти в 1950-х гг. часто посещали Турцию для того, чтобы быть ближе к народу. Единственным местом в Адане, где можно было устроить прием для политических лидеров республики на должном уровне, был отель «Эрджийяс», принадлежавший Сабанджи и его компаньону.

В 1950 г. Адану посетил президент Турецкой Республики Джелял Байар. В его честь был устроен торжественный прием в отеле «Эрджийяс». На приеме присутствовал и

Хаджи Омер (не факт, что он был приглашен, возможно, он смог войти только как хозяин отеля). Во время приема у Хаджи Омера с Джемалем Байаром возник разговор относительно строительства в Адане фабрики по производству ситца с набивным рисунком и тканей. Согласно одной версии, тему поднял президент, сказав: «Я ищу человека (предпринимателя), который бы смог открыть здесь такое же текстильное производство, как в Назилли. Из здешнего хлопка мы бы сами изготавливали приданое молодым девушкам и одевали невест». Согласно второй легенде, Хаджи Омер сам обратился к Джемалу Байару: «Господин президент, мы хотели бы открыть здесь в Адане текстильную фабрику, возможно, с Вашей помощью...». Однако президент сперва не воспринял эту идею с энтузиазмом. Он сказал, что на строительство такой фабрики необходимы огромные средства. Сабанджи ответил, что готов обеспечить три четверти необходимых средств в размере 10 миллионов лир. Помимо этого Хаджи Омер сообщил, что уже нашел необходимого человека, который бы занялся производством. Такая осведомленность Хаджи Омера, а также то, что он заранее ознакомился с сутью дела, изучил рынок и даже сумел найти достойного кандидата на роль управляющего фабрикой, поразили Джемала Байара. Он ответил Сабанджи согласием. Фабрика была построена при поддержке государства совместно с сыновьями давнего компаньона Хаджи Омера Салиха Босналы. Турецкий банк промышленного развития при поддержке Международного Банка Реконструкции и Развития предоставил предпринимателям кредит. Впоследствии семья Сабанджи стала единственным хозяином «БОССЫ». Относительно названия фабрики также существуют две легенды. Согласно одной из них, слово «Босса» составлено из первых букв одного из любимых выражений Хаджи Омера: «Birlikte olalım, sanayi sahâsına atılalım» («Давайте будем едины и займемся промышленностью»). Согласно другой легенде, это сочетание первых букв фамилий Сабанджи и его компаньона.

В заключение хотелось бы проследить причины предпринимательского успеха Х.О. Сабанджи. Опираясь на выводы, представленные в коллективной работе турецких авторов под названием «Заставляющие колеса вращаться», можно решить, что характерной чертой первых предпринимателей Турции является уровень их образования (чаще всего они знали как минимум один иностранный язык, получили образования за рубежом). Х.О. Сабанджи (как, впрочем, и В. Коч) исключение из правил (оба не закончили даже сельскую школу).

Достаточно часто успешные предприниматели Турции имели близких знакомых в правительстве, практически все хотя бы какое-то время служили государственными чиновниками и были членами партии. Те, кто не имел поддержки (друзей) в правительстве, зачастую испытывали неудачи в делах и жесткую конкуренцию. Безусловно, нельзя преуменьшать роль связей Хаджи Омера с правительственными организациями в причинах его предпринимательского успеха. Здесь необходимо еще раз упомянуть и участие в правительственных заказах (строительство новой столицы Турецкой Республики), и создание текстильной фабрики «БОССА» при непосредственном участии Демократической партии. Однако, несмотря на дружбу с правительственными организациями, Хаджи Омер всегда любил повторять: «В торговле не может быть политики, а в политике милосердия».

Хаджи Омер Сабанджи всегда старался использовать современные технологии. Он остро чувствовал, что прежде всего нужно стране, что будет иметь спрос.

Причиной его успеха также можно считать отношение к работникам своих фабрик и к своему делу. Для Хаджи Омера Сабанджи фабрика была подобна ребенку, который

требует постоянной заботы, которого нельзя оставить ни на минуту. Именно из-за этого у него возникали разногласия с компаньонами, которые зачастую, быстро получив прибыль, стремились отделаться от ноши своего предприятия. Хаджи Омер часто повторял одну фразу: «Жулик глуп, а гордец — осел». Во время своей юности в Адане, когда Хаджи Омер работал грузчиком, он перенес муки унижений. Добившись положения в обществе и благополучия, он испытывал отвращение к людям, которые унижают тех, кто ниже статусом, беднее или слабее. По словам его сына, всякий раз при встрече с подобными людьми с губ Хаджи Омера слетала фраза «гордец — осел».

В биографиях самых известных и преуспевающих предпринимателей Турции мы встречаемся с махинациями, черным рынком, нечестными условиями ведения дел. Хаджи Омер не терпел жульничества и мошенничества в любых его формах (по крайней мере, согласно воспоминаниям его сына и современников).

Одной из причин успеха Хаджи Омера можно назвать вложение в разные сферы деятельности. Группа Сабанджи занималась и продолжает заниматься такими различными видами деятельности, как торговля, сельское хозяйство, банковское дело и страхование, текстильная промышленность и производство шин, а также автомобилестроение.

Хаджи Омер Сабанджи всегда очень грамотно подбирал персонал для своих предприятий (понимал свою некомпетентность в тех или иных вопросах). Как и многие других турецкие предприниматели, он часто выбирал не мусульман.

Безусловной причиной успеха является также отсутствие расточительности и склонности к роскоши. Этот факт позволил турецким бизнесменам расширить свое дело до небывалых размеров. В одной из глав своей книги С. Сабанджи говорит, что его «отец жил подобно дервишу»: «Мой отец никогда не интересовался одеждой или своим внешним видом. Я не припоминаю, чтобы когда-нибудь видел, что он чистит свою обувь. Он годами мог носить одно и то же пальто. Между отцом и мамой постоянно случались разногласия из-за его внешнего вида. Он никогда не причесывался. Раз в три–четыре месяца под нажимом жены ходил стричься. Никогда не надевал галстук. В последние годы жизни, когда отец стал тесно общаться с правящей верхушкой Турции, отсутствие галстука даже стало поводом для шуток».

Семья Сабанджи всегда жила очень экономно. Они не отказывались от любимой «еды для бедных» — ели манты даже когда стали необыкновенно богатыми. Однако Хаджи Омер тратил много на бедных (перед крупными праздниками раздавал масло, еду) и на антикварные вещи.

Хаджи Омер Сабанджи, несомненно, обладал всеми качествами современного предпринимателя. Бережливость, профессионализм в делах, стремление продвигать свое дело, вкладывать накопленный капитал в новые отрасли хозяйства — вот лишь некоторые характеристики Хаджи Омера, приведенные его современниками. Для Х.О. Сабанджи смыслом жизни было его дело. Он был талантливым предпринимателем, чей деловой успех оказал влияние на развитие предпринимательства в Турции в XX в.

Литература

1. Çarkları Döndürenler. İstanbul, 1999. 327 s.
2. *Avcıoğlu D.* Türkiye'nin Düzeni (Dün-Bugün-Yarın). Ankara, Bilgi Basımevi, 1969. 548 s.
3. *Kepenek Yakup, Yentürk Nurhan.* Türkiye Ekonomisi. İstanbul, 2007. 686 s.

4. Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi. Editör: Halil İncelik, Donald Quataert. Cilt 2. İstanbul, Eren Yayıncılık Ltd. Şti., 2004. 1136 s.
5. *Sabancı S.* Bıraktığım Yerden Hayatım. İstanbul, Doğan Kitap, 2004. 443 s.
6. *Tabakoğlu A.* Türk İktisat Tarihi. İstanbul, 2003. 376 s.
7. *Tanju S.* Hacı Ömer. İstanbul, 1984. 313 s.
8. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. *Еремеев Д.Е.* Становление республиканской Турции (1918–1939 годы). М., 2004. 218 с.
10. *Желтяков А.Д., Иванов С.М.* Исторические корни политики этатизма в Турции (постановка проблемы) // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 110–126.
11. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис Пресс, 2004. 617 с.
12. *Иванов С.М.* «Другой» // Восток (история и культура): Сб. статей. СПб.: Наука, 2000. С. 67–80.
13. *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 356 с.
14. История османского государства, общества и цивилизации. М.: Восточная литература РАН, 2006. 602 с.
15. *Киреев Н.Г.* История Турции (XX в.). М.: Крафт+ИВ РАН, 2007. 606.
16. *Киреев Н.Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982. 175 с.
17. *Розалиев Ю.Н.* Особенности развития капитализма в Турции. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 520 с.

УДК 94(520).02

*Е.М. Османов***«ХРИСТИАНСКОЕ СТОЛЕТИЕ» В ЯПОНИИ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП
К НОВОЙ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА¹**

Востоковедам известно, что одной из первых попыток активного взаимодействия западной и восточной культур на территории Японии является так называемое «христианское столетие» (1543–1639)². Несмотря на то что эта тема не раз становилась объектом исследования отечественных и зарубежных ученых, ее значимость для последующего хода японской истории переоценить невозможно. Именно в это «столетие» японцы узнали европейцев, переняли от них разносторонние теоретические и практические знания и, осознав опасность, которую миссионеры несли для независимости Японии и ее религиозных и политических институтов, огнем и мечем искоренили христианское учение и приняли меры к недопущению подобной ситуации в будущем, введя жесткие ограничения для пребывающих и покидающих японские острова. Япония добровольно отгородилась от внешнего мира. Продлившийся свыше двух столетий период самоизоляции оказал огромное влияние на все стороны жизни Японии, и его последствия заметны и в современной Японии.

Первым европейцем, который посетил Японию в XVI в., считается португалец Фернао Мендеш Пинто (Пинту) (1509–1583), оставивший довольно подробные воспоминания об этой стране в своих мемуарах³. Пинто отмечает, что он был первый, кто попытался завязать торговые отношения с Японией и познакомил японцев с огнестрельным оружием [7. Р. 132–133]. Именно благодаря этому оружию, которое в тот период японской истории оказалось как нельзя кстати, Фернао Пинто был тепло принят многими даймё различных княжеств Японии. Получив их устные заверения о готовности вести торговлю с Португалией, Пинто вернулся в Китай, где убедил своих купцов-соотечественников в необходимости начала торговых сношений с Японией. На обратном пути из Китая в Японию, судно, на котором находился Пинто, попало в сильный шторм у берегов архипелага Рюкю и было вынуждено искать убежища в гавани одного из островов архипелага. Однако, вместо того чтобы оказать помощь, местные власти арестовали всю команду, так как посчитали, что этот корабль занимается разбоем, а вся его команда — пираты, которые в не столь отдаленные времена держали в страхе Японию, Китай и Корею. После недолгих разбирательств судно и команда были освобождены и благополучно достигли Кюсю.

Мы точно не знаем, чем занимался Пинто в Японии во время второго визита, но достоверно известно, что берега Японии он покинул в 1549 г. По мнению ряда историков, покидая страну, он захватил с собой некоего японца по имени Андзиро⁴. В том же году Пинто познакомил Андзиро с Франциском Ксавье (1506–1552), который считается первым христианским миссионером, начавшим распространение этой религии в Японии. Именно эта встреча и заставила Ксавье обратить взор на Японию. Сам Ксавье так

описывал знакомство с Андзиро: «Я спросил его — если я отправлюсь в твою страну, то примут ли японцы христианство? Андзиро ответил, что возможно, но это произойдет не сразу. Сначала, пояснил он, они будут расспрашивать меня об этой религии и выяснят, согласуется ли моя собственная жизнь с христианским учением» [З. Р. 103]. Заинтригованный словами Андзиро, Ксавье принял решение отправиться в Японию.

15 августа 1549 г. Ксавье с тремя спутниками — Торресом, Фернандесом и обращенным Андзиро — сошел на берег Кагосима. До октября 1550 г. все они проживали в семье Андзиро в княжестве Сацума, занимаясь сбором сведений о Японии и обращением местных жителей в христианство. В этом княжестве христианство приняло около 150 человек, что открывало перед Ксавье большие перспективы. Однако вскоре ситуация изменилась. Владелец княжества Сацума даймё Симадзу потребовал от Ксавье, чтобы все товары, и в первую очередь оружие, прибывали в Японию, проходя через его руки. Миссионер, даже если бы и захотел, не смог бы этого добиться. В результате разгневанный даймё выслал Ксавье из княжества и запретил в нем христианскую религию. Ксавье со своими спутниками перебрался в княжество Хидзэн, где обосновался в городе Хирадо. Мечтая добраться до столицы Японии, Ксавье и его соратники совершили большое путешествие по стране, увидели города Симоносэки, Ямагути, Сакаи. В ноябре 1551 г. Ксавье, оставив своих спутников, покинул берега Японии.

Так началось знакомство японцев с чуждым и непонятным им европейским миром. Вслед за Ксавье в страну хлынул поток португальских купцов, мечтавших неплохо заработать на торговле огнестрельным оружием.

На первых порах португальцы вели себя в Японии очень осторожно, поскольку не знали и не понимали эту страну и ее возможности. Поэтому-то сначала проводилась «разведка» силами католических миссионеров (Ф. Ксавье был за это причислен Ватиканом к лику святых) и создание пятой колонны среди японцев посредством их христианизации.

Далеко не случаен и тот факт, что первыми на территорию Японии прибыли именно португальцы. В то время Португалия была одной из сильнейших морских держав и обладала весьма большим опытом в деле «освоения» чужих земель. С 1540 г. на территории Португалии начал действовать орден Иезуитов, основной задачей которого была борьба за чистоту веры и распространение христианства по всему миру. Ксавье как раз и был одним из таких миссионеров, которого орден отправил на Восток. По прошествии нескольких лет европейцы достаточно хорошо освоились в Японии, разобрались в происходящей там ситуации и начали делать все, чтобы использовать ее в своих интересах.

Христианизация Японии началась весьма успешно для португальцев, однако возникает естественный вопрос — почему Япония, которая в 40-е гг. XVI столетия постепенно прекращает все контакты с сопредельными государствами, во многом близкими ей в культурном плане, начинает активно взаимодействовать с европейцами, не имевшими ничего общего с Японией? Ответ в действительности весьма прост. За счет контактов с Китаем Япония получила нужные ей знания, и необходимость дальнейшего поддержания активных дипломатических связей постепенно уменьшилась. За счет торговых отношений с Китаем Япония получала нужные, но в тот период японской истории не жизненно необходимые товары. Когда же страна столкнулась с европейцами и познакомилась с силой их огнестрельного оружия, именно оно стало главной причиной успеха христианства и, соответственно, европейской торговли на японской земле. В условиях, когда страну раздирали нескончаемые междоусобные войны, а объединительные

процессы еще только вызревали в недрах японского общества, владение мушкетами и аркебузами давало значительное преимущество воюющим между собой князьям. Поэтому получившее в Японии название Танэгасима⁵ огнестрельное оружие стало главным проводником христианства. Стремление князей как можно больше заполучить этого оружия заставляло их поступаться собственной религией и верованиями и принимать «варварскую» религию. На основании этого можно предположить, что японцы (во всяком случае высшая прослойка японского общества) использовали христианство исключительно для достижения своих целей и не воспринимали всерьез эту религию. С такой позиции довольно легко объясним и тот факт, что окончательный запрет христианства в 30-е гг. XVII в., учитывая число принявших христианство японцев, не встретил в стране серьезного сопротивления со стороны обращенных. Так, если к 1553 г. в Японии насчитывалось несколько тысяч христиан, то к 1580 г. их число увеличилось до 150 тысяч, а в 1614 г. достигло 500 тысяч [17. С. 32].

С самого начала своей деятельности в Японии миссионеры в первую очередь стремились обратить в христианство князей и представителей высшей знати. Ловко используя отсутствие единой централизованной власти и неспособность разобщенных князей наладить международные отношения и крупномасштабную легальную торговлю, миссионеры вели ограниченную торговлю на местном уровне, что создавало весьма благоприятные условия для их деятельности. Дела Иезуитов облегчались и тем фактом, что они нашли поддержку у первого объединителя Японии — Ода Нобунага (1534–1582). Причины, по которым он поддержал миссионеров, ничем не отличались от тех, по которым христианство находило поддержку среди других князей. В то же время существенную роль сыграла борьба, которую Нобунага начал против крупных буддийских монастырей, представлявших реальную угрозу его деятельности. Христианство быстро распространялось и среди простого народа, который был измучен непрекращавшимися войнами и голодом. Поэтому далеко не случайно, что известный довоенный японский историк Ёсабуро Такэкоси, говоря о произведенном первыми португальцами впечатлении на японцев, отмечал следующее: «Воспринимать чуждую цивилизацию и вступать в дружеские отношения с этим богатым и сильным народом стало всеобщим желанием. Три понятия: иностранцы, торговля и католичество — стали синонимами» [8. Р. 291].

К 80-м гг. XVI в., во многом благодаря португальским миссионерам и купцам, такие населенные пункты, как Сацума и Хирадо, стали крупными торговыми городами. Когда португальцы обнаружили чрезвычайно удобную бухту у Нагасаки, это разительным образом сказалось на судьбе этого города. Нагасаки стал быстро развиваться, причем его архитектурный облик складывался в португальских градостроительных традициях. Благодаря усилиям местных властей часть земли около города была отдана во владение Иезуитов, с которой они получали весьма неплохой доход. Уже с 1571 г. в японских документах Нагасаки упоминается как крупный торговый порт.

К этому времени созданный португальцами торговый маршрут Гоа—Малакка—Макао—Нагасаки привел к значительному оживлению торговли. Между Макао и Нагасаки регулярно курсировало португальское судно «Торговый корабль» — «Nan de Trato» [17. С. 32].

Помимо португальских судов, гавань Нагасаки посещали уже и испанские корабли. Одновременно туда прибывали торговцы из Китая, Южной Азии, с островов Южных морей (Индонезии) и Филиппин [15. С. 19]. Несмотря на прекращение официальных контактов с Китаем, частная торговля велась довольно успешно, о чем свидетельствовали большое число китайцев и особый китайский квартал в Нагасаки.

Преследуя выгоду от торговли, местный даймё отдал приказ о проведении насильственной христианизации населения Нагасаки и прилегающих территорий. К 80-м гг. XVI в. все крупные дома на Кюсю приняли христианство. Казалось, что полная христианизация Японии — дело нескольких ближайших лет. Однако ситуация стала развиваться в совершенно ином ключе, причем серьезные изменения произошли как в Европе, так и в Японии.

В 1580 г. Португалия была оккупирована Испанией и потеряла независимость. Борьба за господство началась между Испанией и Голландией. В 1582 г. был убит Ода Нобунага и начатое им дело объединения страны продолжил один из его военачальников — Тоётоми Хидэёси (1536–1598).

В этот переломный период состоялось весьма интересное событие. Речь идет о первом японском посольстве в Европу, состоявшемся в 1582–1590 гг. Подготовкой и отправкой этого посольства занимался иезуит Алессандро Валиньяно (1539–1606), который находился в Японии с 1579 г. Изучив Японию и лично общаясь с Нобунага, Валиньяно пришел к весьма справедливому выводу о том, что христиане, несмотря на все их успехи, полностью зависят от внутривнутриполитического расклада сил в Японии. Для «исправления» ситуации и закладки более прочных основ католицизма Валиньяно и задумал отправить японское посольство в Европу.

Посольство, покинувшее Нагасаки в феврале 1582 г., состояло из четырех родственников принявших христианство даймё, двух слуг и мальчика-китайца [11. С. 141]. Отправляя это посольство, сам Валиньяно отмечал, что в его задачу входило «показать <...> христианскую Европу, чтобы они воочию увидели благотворность нашей религии и величие дворов Лиссабона и Рима <...> По возвращении в Японию через них японский народ поймет, чего мы хотим добиться у них...» [11. С. 142].

Особый статус миссии, которого добивался Валиньяно, должен был гарантировать Иезуитам исключительные права на деятельность в Японии. Преследовало посольство и вполне прагматичную для ордена цель — добиться у Папы выделения средств на их деятельность [2].

В августе 1584 г. посольство достигло Лиссабона, а в октябре прибыло в Мадрид, где было удостоено встречи с королем Испании Филиппом II. Затем посольство отправилось в Италию, где в марте 1585 г. состоялась встреча с Папой Григорием XIII. Проведя почти полгода в Италии, японская миссия тем же маршрутом, которым она прибыла в Рим, отправилось в обратный путь. Берегов Японии посланцы достигли только в 1590 г.

Если говорить об итогах миссии, то, несомненно, больше пользы она принесла Иезуитам, нежели японцам. Так, во многом благодаря посольству, в 1585 г. орден получил от Папы право монопольной деятельности в Японии. Иная ситуация сложилась в Японии. Ко времени возвращения посольства отношение к христианам в стране изменилось в корне, причем в худшую сторону, что во многом было связано с наступлением завершающей стадии объединения страны и как следствие этого — уменьшением необходимости в огнестрельном оружии и внешней торговле. Поэтому возвращение посольства никакой иной реакции, кроме житейского любопытства, не вызвало.

Что же произошло в Японии за время, проведенное посольством в Европе? Как уже было замечено, на пути объединения страны Ода Нобунага сменил Тоётоми Хидэёси. На первых порах Хидэёси относился к христианским миссионерам благожелательно и не чинил им никаких препятствий. Однако, начав в 1587 г. военный поход против

юго-западных районов страны, где еще оставались непокорные князья, Хидэёси впервые увидел масштабы охватившей Японию христианизации. Осознав, что дальнейшая деятельность миссионеров может разрушить страну, он резко изменил свое отношение к христианам.

В августе 1587 г. Хидэёси издает первый указ о запрещении христианства в Японии и изгнании миссионеров. Согласно этому указу, все иностранные проповедники должны были в двадцатидневный срок покинуть пределы Японии, для чего им было предписано собраться в Хирадо. Правда, при этом указ не распространялся на торговцев и их суда. Однако, несмотря на всю строгость, этот первый эдикт остался невыполненным, чему в немалой степени способствовали обращенные советники в окружении Хидэёси, которые убедили его в невозможности исполнения указа по причине отсутствия необходимых судов для высылки миссионеров. Тем не менее, несмотря на отсутствие практических результатов, указ явно продемонстрировал изменение политики Хидэёси к миссионерам и проповедуемой ими религии.

Одной из причин изменения отношения Хидэёси к христианству, возможно, стали его собственные честолюбивые планы в отношении соседних с Японией государств, и в первую очередь Кореи, о чем подробнее будет сказано ниже.

В 1593 г. в Японию прибыла группа испанских монахов-францисканцев во главе со священником Педро Баптите. Началась борьба за влияние между Иезуитами и Францисканским орденом. Преследуя свои собственные цели, каждая из сторон раскрывала истинные карты другой стороны, что дало Тоётоми Хидэёси полное представление об истинной цели миссионерской деятельности и еще больше усилило его стремление к полному искоренению христианства в Японии.

Почувствовав серьезность намерений Хидэёси, испанцы изменили свою политику и перешли к прямым угрозам, заявляя, что, если гонения на христиан продолжатся, они будут вынуждены просить помощи у испанской армии и флота. Более того, примерно в то же время Хидэёси увидел у одного из капитанов испанских судов карту владений Испании. На вопрос Хидэёси, как король смог увеличить подвластную ему территорию, капитан прямо ответил: «Король сначала посылает в чужие страны миссионеров для проповедей и обращения народа, а затем — солдат для завоевания этих стран» [10. С. 344].

Такие откровения привели Хидэёси в бешенство. Незамедлительно в начале 1597 г. был издан новый указ, который запрещал не только христианство, но и любую деятельность иностранцев на территории Японии. Началось разрушение церквей и выселение миссионеров. Даймё было запрещено принимать христианство и крестить крестьян. Всем миссионерам вновь было строго предписано покинуть страну. В подтверждение серьезности намерений Хидэёси по всей стране было казнено порядка 80 миссионеров. При этом 26 человек были проведены через всю страну и распяты в Нагасаки как центре, откуда и пошла христианская ересь [15. С. 35].

Однако и на этот раз окончательно искоренить христианство в Японии не удалось. Во-первых, у Хидэёси, который был занят войной в Корее, просто не хватало на это времени. Во-вторых, он, вероятно, опасался, что изгнание миссионеров негативно скажется на торговле с Испанией, от которой на данном этапе он отказываться еще не собирался. Наконец, в третьих, мы не знаем, что планировал Хидэёси после «корейского похода», поскольку в самый его разгар он умер.

Поход Хидэёси в Корею, известный в корейской историографии как Имчжинская

война 1592–1598 гг., до сих пор вызывает серьезный резонанс как в японском, так и в корейском обществе.

По мнению многих отечественных и зарубежных историков, непосредственной причиной японской внешней экспансии стали именно контакты с европейцами и полученные от них знания. Немалую роль в этом сыграли и личностные качества и характер Тоётоми Хидэёси, который рассчитывал не только успокоить войной недовольных самураев внутри Японии, но и получить значительные экономические выгоды. Еще при жизни Ода Нобунага в 1573 г. Хидэёси сказал ему о своих планах в отношении Китая и Кореи, заявив: «Я сделаю это с такой легкостью, как свертывают циновку и уносят ее под мышкой» [19. С. 293].

В 1583 г. он направил в Корею особого посла с требованием уплаты дани корейским королем, что автоматически означало подчинение Кореи Японии. Естественно, японский эмиссар вернулся ни с чем.

Так же как и в XIX — начале XX в., Корея в планах Японии не была конечной целью устремлений, а рассматривалась лишь как ступень к захвату Китая. Известно, что кроме Кореи и Китая, Хидэёси планировал операцию и по захвату Филиппин, о чем сообщал христианскому миссионеру Педро Бланкесу в 1593 г. Правда, эта операция должна была начаться после захвата Китая, «когда японские войска окажутся не у дел» [4. Р. 111]. Также известно, что Хидэёси обращался к Иезуитам с просьбой помочь ему в войне за счет предоставления двух вооруженных судов с укомплектованной командой.

В 1587 г. Хидэёси отдал приказ даймё Со Ёсисигэ (1532–1588) с острова Цусима, который был вовлечен в тесные торговые отношения с Кореей, захватить в плен кого-нибудь из членов корейской королевской семьи. Когда эта авантюра не удалась, Ёсисигэ был казнен [9. С. 307].

Планируя захват Кореи, Хидэёси нашел вполне приемлемое «объяснение» этого шага, ссылаясь на события трехсотлетней давности, когда корейское государство Корё участвовало в попытках Хубилая захватить Японию. Укоряя Корею в помощи монголам, Хидэёси выдвинул корейскому королю требование о совместном выступлении против Китая. Получив отказ, он приступил к немедленной подготовке войск для ведения войны на полуострове.

Наряду с этим шло формирование еще одного идеологического обоснования похода, которое заключалось в том, что еще императрица Дзингу на заре японской истории предприняла поход в Корею, считая ее нераздельной частью великой страны Ямато. «Наконец настало время осуществить извечную мечту Японии и вернуть “блудную дочь” в прародительское лоно» [9. С. 308]. Корейцы, которые были осведомлены о намерениях Японии, не предприняли никаких реальных шагов по укреплению обороны страны.

К 90-м гг. XVI в. все приготовления к войне в Японии были завершены. Разработанный Хидэёси план включал молниеносный захват Кореи, затем вторжение в Китай, что в итоге должно было привести к созданию огромной империи под его началом. С этой стороны план и перспективы оказались весьма удачны, поскольку возможность получить земли на материке охватила умы многих даймё и рядовых самураев и отвлекла их от собственных политических амбиций внутри Японии.

В 1588 г. в Корею прибыло очередное японское посольство, которое, хотя и не было принято королем, тем не менее, вернулось с его предложением, которое заключалось в том, что король примет послов, если они привезут несколько японских пиратов для

казни. Пираты были отправлены, и в августе японское посольство было принято королем Кореи. Интересно, что это посольство преподнесло королю несколько европейских мушкетов, которые на корейской земле стали первыми образцами огнестрельного оружия и должны были продемонстрировать мощь Японии.

За год до начала военных действий, в 1591 г., на переговоры в Корею была отправлена очередная миссия, возглавлял которую князь Со Ёситомо (1568–1615) из княжества Цусима. Миссия везла корейскому королю послание Хидэёси, составленное в чрезвычайно резкой и грубой форме (интересно, что о факте отправки письма в Корею Хидэёси немедленно сообщил императору Китая и генерал-губернатору Индии).

Послание, в частности, гласило: «Наша страна издавна была разделена на шестьдесят с лишним провинций. В стране отсутствовал порядок, приказы не выполнялись. Все это вызывало во мне гнев, и я в течение трех-четырёх лет подчинил непокорных вассалов и строго покарал неверных. Я всемогущ <...> Если я начинаю войну, то непременно побеждаю. Если я нападаю, то не было и не будет случая, чтобы враг не был покорен. Власть моя теперь простирается далеко <...> Несмотря на дальность расстояния и преграждающие путь горы и реки, я думаю вторгнуться в великое царство Мин, одним ударом покорить его 400 княжеств и установить там на сотни миллионов лет обычаи и законы нашей страны <...> Мое желание есть не что иное, как прославить мое имя в трех царствах» [14. С. 6]. Кроме того, в письме были такие слова: «Когда я родился, моя мать увидела, что на меня упал луч солнца. Прорицатель истолковал это так: “Пока светит солнце, он [Хидэёси] будет освещать своим правлением страну. Когда он возмужает, 8 сторон света будут подвластны ему 4 моря узнают славу его имени. Никто не может усомниться в этом!”» [5. Р. 466].

Не получив никакого ответа на послание, Хидэёси отдал приказ о начале военных действий.

Мы не будем вдаваться в подробности хода войны [20], в целом укажем лишь, что можно разделить на три этапа:

1592–1593 гг. — ввод японских войск и их первоначальные успехи. Оккупация всех крупных центров страны, включая Сеул и Пхеньян. Большую роль в этом успехе сыграло закупленное у европейцев огнестрельное оружие. Однако, одержав победу на суше, японский флот, против которого действовал адмирал Ли Сунсин (1545–1598), понес значительные потери. В начале 1593 г. на помощь корейским войскам пришла китайская армия. Благодаря совместным действиям, японцы были выбиты из Пхеньяна, а вскоре и со всей северной части полуострова. С лета 1593 г. широкомасштабные военные действия прекратились.

1593–1596 гг. характеризовались продолжавшейся оккупацией юга Кореи и попытками ведения трехсторонних переговоров о мире. Предложение Хидэёси восстановить мир на условиях сохранения за Японией юга корейского полуострова получило отказ. В это же время Япония инспирировала различные интриги, в результате которых Ли Сунсин был разжалован в рядовые, а корейский флот понес существенные потери.

1596–1598 гг. — новая попытка Японии установить контроль над всем полуостровом. Возвращение Ли Сунсина на пост командующего корейскими морскими силами и разгром японского флота.

Что касается дипломатической стороны этих событий, то она выглядела следующим образом: на корейский полуостров Хидэёси направил армию общей численностью 157 тыс. человек [12. С. 104] (по другим данным — 158 тысяч [13. 229]). Значительная

часть японской армии находилась под командованием принявшего христианство даймё Кониси Юкинага (1558–1600). Первоначальные успехи кампании чрезвычайно радовали Хидэёси. Узнав о захвате Сеула, он писал своему племяннику Хидэцугу: «...Столица Кореи — Сеул — через 20 дней (с начала войны. — *Е.О.*) пала. Продолжая переправляться через море, мы покорим Китай и я сделаю тебя князем — военным наместником этой страны <...> В столице Китая будет резиденция императора (японского. — *Е.О.*), и он поедет туда через два года» [14. С. 8]. Далее послание гласило: «Когда его величество император соизволит отправиться в Китай, его путешествие будет обставлено со всей церемонией. Завоевание Кореи и Китая не займет много времени» [19. С. 311]. Кроме того, спустя менее месяца с начала войны Хидэёси уже планировал порядок дележа Кореи и Китая между своими вассалами, а сам собирался обосноваться в китайском городе Нинбо.

Однако сопутствующие японцам успехи заставили корейское руководство обратиться за военной помощью к Китаю. Поскольку в планах Хидэёси была война и с Китаем, минская династия не только стала оказывать помощь Корее, но и выступила за скорейшее начало мирных переговоров.

Вообще, вопрос о мире был поднят японской стороной в 1593 г., когда военная ситуация начала круто меняться, и был связан с попыткой Японии использовать перерыв в военных действиях для перегруппировки войск и изменения ситуации в свою пользу. Переговоры о мире продолжались почти 4 года, но не принесли конкретных результатов.

Весной 1593 г. китайская и корейская стороны договорились прекратить преследование японских войск и их уничтожение, если Кониси Юкинага согласится на полную эвакуацию своих войск с полуострова. На тот момент у Юкинага не было другого выбора, в чем он долго пытался убедить Хидэёси. 18 мая 1593 г. началась частичная эвакуация японских войск, а в июне в Японию для встречи с Хидэёси и разработки условий мирного договора прибыла миссия от минской династии.

Проведя почти месяц в Нагоя и несмотря на то, что Китай согласился отозвать большую часть своих войск из Кореи, китайские послы так ничего и не добились. Виной всему была непоколебимая позиция Хидэёси, который требовал, чтобы китайский император отдал ему в жены свою дочь Ван Ли и возобновил в полном объеме торговые отношения с Японией (как частные, так и официальные). При условии заключения мира Хидэёси намеревался возвратить под корейский протекторат лишь четыре северные провинции полуострова, включая Сеул, а южную часть оставить за Японией. Кроме того, Корея должна была отправить в Японию принцев, которые, по замыслу Хидэёси, служили бы гарантом стабильности отношений, а по сути стали бы обычными заложниками. В итоге миссия ни с чем вернулась в Китай.

В начале 1595 г. китайский император принял посла от Хидэёси и сообщил ему, что... он впервые слышит о каких-либо переговорах. Умышленно затягивая вопрос достижения мира, китайский император пообещал послу Японии, что к Хидэёси вскоре будет отправлена официальная делегация.

В начале 1596 г. эта делегация прибыла в Японию. Однако она лишь вручила подарки Хидэёси и его окружению, а в переговоры о мире не вступила, заявив, что не обладает необходимыми для этого полномочиями.

Выдвинутые японской стороной окончательные условия мира из семи статей осенью 1596 г. были представлены отправленным в Пекин посольством, но китайский император даже не принял японских послов.

Действительно, весь ход переговоров был весьма странен. Каждая из сторон умышленно искажала их суть и характер требований, скрывала правду и сообщала лишь то, что могло быть воспринято благосклонно другой стороной [9. С. 328]. Интересно и то, что переговоры велись исключительно между Китаем и Японией. Мнение же «виновницы» событий — Кореи — ни одной из сторон в расчет не принималось.

Тем не менее японские требования Китай не устраивали. Тем более не могли они быть приняты корейцами. Поэтому война, правда, в менее значительных масштабах, вновь продолжилась.

Несмотря на то что к осени 1596 г. большая часть японских войск покинула территорию полуострова, дальнейшее затягивание переговоров грозило их срывом и, как следствие, началом нового вторжения японских войск. Поэтому в октябре 1596 г. минский посол вновь встретился с Хидэёси и представил ему условия китайского императора, которые заключались в том, что в случае полной эвакуации японской армии из Кореи император признает верховное положение Хидэёси, но только в пределах Японии. Интересно, что, принимая послов, Хидэёси демонстративно переоделся в подаренную послами китайскую одежду, тем самым пытаясь показать свой будущий статус [1. Р. 415–421]. Однако послы не восприняли данный «знак» и даже не упомянули о представленных ранее семи требованиях Хидэёси. Вместо этого они продолжали утверждать, что единственной привилегией, которую китайский император жалует Японии, является признание его верховенства в Японии и вассальной зависимости от Китая. Именно в знак признания верховенства Хидэёси в Японии и была подарена китайская одежда. Естественно, последние слова послов привели Хидэёси в ярость. Переговоры были незамедлительно прерваны, и Хидэёси приступил к переброске войск в Корею.

С 1597 г. ожесточенная война вновь стала набирать обороты. Однако ситуация на этот раз складывалась далеко не в пользу Японии. О том, что происходило в Корее во время второй волны японского вторжения, хорошо свидетельствуют слова буддийского монаха Кэйнэн, который в 1597 г. находился на полуострове. «Именно здесь и находится ад», — отмечал он, видя горы трупов, выжженные поля и уничтоженные деревни [6. Р. 293].

Предпринятое в конце 1597 г. наступление на Сеул провалилось. Совместные действия корейских и китайских войск и успешные операции Ли Сунсина на морском театре военных действий привели к фактически полному разгрому японских войск. Остатки японского флота пытались спешно увести оставшиеся немногочисленные войска с полуострова. Однако в ноябре 1598 г. Ли Сунсин совместно с китайским флотом нанес решительный удар по японскому флоту. Несмотря на то что в этом последнем сражении погиб и сам корейский флотоводец, японские войска были полностью разбиты. «Только 50 вражеских кораблей смогли спастись от полного разгрома и унести Кониси Юкинага и несколько других японских полководцев» [14. С. 48].

Так как задача Японии на последнем этапе войны заключалась в том, чтобы как можно быстрее отозвать войска домой, вопрос о мирных переговорах так и не был поднят. Стороны, желавшие как можно скорее завершить длившуюся 6 лет войну, ограничились лишь констатацией факта окончания войны.

Последняя фаза войны проходила уже без Хидэёси. Он умер 18 августа 1598 г., но сведения о его смерти, чтобы окончательно не деморализовать войска, дошли до Кореи только в середине сентября. В это тяжелое для Японии время уже по инициативе Кониси Юкинага была сделана очередная попытка возобновить переговоры о мире. Иници-

ативу поиска путей к этому взял на себя Со Ёситомо, который хотел вступить в прямой контакт с Ли Сунсином. Однако последний не был склонен начинать переговоры, что дало бы Японии вновь необходимую передышку. К тому же в отличие от предыдущих попыток мирного урегулирования эта предпринималась в условиях почти полного разгрома японских войск. Поэтому условия диктовались уже не японскими, а корейско-китайскими войсками.

Таким образом, войной в Корею Хидэёси ничего не достиг. Мечтая использовать полуостров в качестве коридора в Китай, он не только не дошел до пограничной реки Ялу, но и не смог хоть сколь-нибудь прочно закрепиться в Корею.

Неудачная военная авантюра Хидэёси стала первым проявлением внешней экспансии Японского государства. Со второй половины XIX в. сторонники очередной «теории покорения Кореи» открыто сожалели о неудаче Хидэёси и выступали как продолжатели дела великого полководца.

После смерти Тоётоми Хидэёси к 1600 г. самым сильным даймё в стране стал Токугава Иэясу (1542–1616), который завершил объединение страны и в 1603 г. получил титул сёгун. Так же как и при Хидэёси, отношение к христианам при Токугава продолжало ухудшаться, хотя первое время после его прихода к власти он и не предпринимал никаких серьезных действий.

Отмена монополии Иезуитов на проповедь в Японии Папой Климентом VIII в 1600 г. привела к тому, что помимо португальцев и испанцев в Японию стали прибывать представители других европейских стран — Голландии и Англии. На удивление, их довольно тепло встретили в Японии, что, по-видимому, объясняется желанием Иэясу использовать их для ослабления влияния португальцев и испанцев. К тому же, голландцы и англичане не собирались христианизировать Японию, а имели вполне утилитарную цель — налаживание торговых связей. Поскольку на первых порах Иэясу благоволил торговле с иностранцами, появление в Японии новых торговых партнеров было в его интересах.

История появления в Японии представителей Голландии и Англии выглядит следующим образом: в 1600 г. к берегам страны подошло голландское судно «Лифде» («Милосердие»), капитаном которого был англичанин Уильям Адамс (1564–1620). По приказу Иэясу Адамс был доставлен к нему и произвел столь сильное впечатление, что Иэясу сделал его своим советником [18]. Во многом добиться расположения Иэясу Адамсу помогло то, что он не только обладал познаниями в научной области, но и оказывал реальную помощь и поддержку Иэясу. Так, во время знаменитой битвы при Сэкигахара в 1600 г., в которой Токугава Иэясу одержал победу и стал полновластным правителем всей Японии, чрезвычайно большую помощь оказали пушки, снятые с судна, на котором прибыл Адамс [16. С. 115].

За счет своих способностей и личных качеств Адамс все больше и больше входил в доверие к Иэясу. Проявлявшаяся в беседах ненависть Адамса к португальцам и испанцам чрезвычайно ласкала слух сёгуна. Адамсу было пожаловано поместье и звание самурая, что для иностранца в Японии того времени было неслыханным делом. Адамс сменил имя на японское — Миура Андзин, под которым он и известен в современной Японии.

В 1600 г. была создана английская Ост-Индская компания, а спустя три года Ост-Индская компания была организована и в Голландии. В задачу этих компаний входило установление торговых связей со странами Востока, в том числе и с Японией. Узнав о

том положении, которое Адамс достиг при дворе Иэясу, эти страны активизировали усилия, чтобы при его посредничестве начать торговлю с Японией.

В 1609 г. к берегам Японии прибыли торговые суда Голландии. Благодаря усилиям Адамса капитаны кораблей были приняты сёгуном и получили разрешение обосноваться в Хирадо. В 1611 г. сёгун издал специальный указ, предписывавший местным властям оказывать голландцам разнообразную помощь, а спустя год к берегам Японии подошло первое судно с грузом голландских товаров. В 1613 г. в Японии появились и английские купцы. Капитан судна «Clove» передал сёгуну послание короля Якова I, которое стало первым посланием европейского монарха фактическому правителю Японии. Послание гласило: «Яков I волею всемогущего Господа, король Великой Британии, Франции и Ирландии, защитник христианской веры, и прочее, и прочее приветствует светлейшего и могущественного императора (речь идет о сёгуне. — Е.О.) Японии <...> Мы осмелились поручить нашим подданным отправиться в Вашу страну, чтобы снискать Вашу дружбу и наладить с Вами отношения, дабы обмениваться такими товарами наших стран, которые представляют взаимный интерес для обеих держав <...> Мы не сомневаемся, <...> что Вы не только примите наших представителей <...>, но и окажете им всяческую поддержку, <...> дабы помочь им основать в Вашей стране торговую факторию, обладающую такой свободой и гарантиями, которые способствовали бы получению взаимовыгодных прибылей для обеих сторон.<...> Написано в Вестминстерском дворце января восьмого года нашего правления...» [18. С. 54].

Так же как и голландцы, англичане были тепло встречены японскими властями и в том же году получили право открыть в Хирадо торговую факторию. Более того, в ответном письме английскому королю Иэясу писал: «Минамото но Иэясу из Японии отвечает Его Чести Правителю Игаратэйра (Англии) через морского посланника, проделавшего изнурительный и долгий путь. Мы впервые получили от Вас письмо, из которого узнали, что правительство Вашей почтенной страны, как это явствует из письма, следует истинному пути <...> Я последую Вашим советам относительно развития дружественных отношений и налаживания взаимных торговых контактов <...> Несмотря на то что нас разделяют десять тысяч лиг туч и волн, наши страны, как оказалось, близки друг другу <...> Выражаю свое почтение. Берегите себя: все в этом мире изменчиво. 18-й год эпохи Кэйтё (1613 г.)» [18. С. 56–57].

Несмотря на то что вначале Хидэёси, а затем и Иэясу отказались от поддержки христианства, они, тем не менее, не только не прекратили торговые отношения с внешним миром, но и сами уделяли ему большое внимание. Во многом именно благодаря знакомству с Европой Хидэёси предпринял попытку военного захвата Корейского полуострова. Да и Иэясу также не отказывался от планов продвижения Японии. Так, он всерьез рассматривал вопрос о проникновении в Америку, слухи об огромных богатствах которой до него донесли испанцы. «Иэясу, так же как и Хидэёси, сделал национальную экспансию Японии основой политики правительства. Однако <...> он отказался от военных завоеваний и захватов других стран. <...> Япония должна была стать крупнейшим коммерческим и финансовым центром Азии. Иэясу стремился установить торговые отношения с Америкой и даже Европой, лелея мечту сделать Японию экономически сильнейшей страной мира» [16. С. 119]. С этим утверждением можно поспорить, однако оно, тем не менее, весьма четко формулирует причины, по которым японские власти, с одной стороны, были настроены против европейцев, а с другой — всячески их поддерживали. Во внешней политике правителей страны были явные противоречия: они,

взяв курс на искоренение христианства, одновременно с этим стремились к расширению торговли с Западом.

Однако в то время Япония пыталась установить торговые связи не только с европейскими странами. В 1608 г. по приказу Иэясу японское посольство, в составе которого находился Адамс, было отправлено на Филиппины. Цель этой миссии заключалась в установлении отношений, расширении торговли и открытии испанских портов для торговых судов Японии. Миссия оказалась плодотворной: между Филиппинами и Японией был установлен торговый маршрут. В 1610 г. с помощью губернатора Филиппин Родриго де Виверо построенное Адамсом судно, на борту которого находилось посольство в Мексику, пересекло Тихий океан. Это стало первым в истории Японии фактом, когда смешанная японско-испанская команда на японском судне европейского типа совершила столь длительный и сложный поход. В 1611 г. с Филиппин было отправлено ответное посольство, возглавлял которое Себастьян Вискайно.

Кроме этого, еще в 80-е гг. XVI в. в японские порты прибывали суда из Китая и архипелага Рюкю. В 1600 г. появилась японская компания «Итоваппу», занимавшаяся ввозом в Японию исключительно китайского шелка. В целом на этом этапе своей истории Япония пыталась проводить точно такую же политику, как и страны Запада. Характерно, что внешняя политика Японии первой половины XX в., и особенно 30–40-х гг. во многом базировалась на целях и принципах, сложившихся во времена Хидэёси и Иэясу.

Помимо рассмотренного христианского посольства в Европу 1582 г. и посольства 1610 г. Япония в 1613 г. отправило еще одно посольство в Рим и Мадрид, что стало вторым фактом пересечения Тихого океана по большей части силами самих японцев. Правда, в отличие от предыдущего посольства в Европу цели новой миссии были совершенно иные. Японское правительство хотело выяснить, действительно ли европейские страны так сильны, как об этом говорят миссионеры, и узнать реакцию западного мира на проводимые гонения на христиан.

Что касается взаимоотношений представителей западных стран на территории Японии, то вначале соседство англичан и голландцев было довольно мирным, что было связано с наличием общих врагов и конкурентов — Испании и Португалии. По мере того как положение последних в Японии с каждым годом ухудшалось (в 1612 г. они были объявлены врагами государства и Будды), англо-голландские отношения также становились все более напряженными. Тем не менее в 1619 г. между англичанами и голландцами был заключен так называемый «договор о защите» — документ, предусматривавший совместные действия против испанских и португальских судов. Однако это соглашение носило временный характер, поскольку, ослабив конкурентов, Англия и Голландия начали борьбу друг с другом. Победителем из этой борьбы вышла Голландия. Однако до того момента произошло множество событий.

В 1616 г. умер Токугава Иэясу. Его сын Хидэтада стал полновластным правителем страны. Получив власть, Хидэтада сразу же изменил проводимую Иэясу политику в отношении иностранцев, поскольку не благоволил не только миссионерам, но и купцам. По этой причине он отказался расширить полномочия английских торговцев, несмотря на активное посредничество Уильяма Адамса. Более того, Хидэтада отказался дать ответ на второе послание короля Англии. Личные отношения между сёгуном и Адамсом стремительно ухудшались. Усиливались и англо-голландские противоречия. В 1620 г. умер Адамс. Английские купцы потеряли в Японии всякую поддержку, хотя английс-

кая торговая фактория еще некоторое время продолжала свою деятельность. В 1622 г. прекратил существование «договор о защите». Одновременно с этим английская фактория в Хирадо получила предписание головной конторы Ост-Индской компании о прекращении деятельности в Японии. Причина такого решения заключалась в неспособности Англии конкурировать с Голландией, вследствие чего деятельность фактории не приносила желаемой прибыли. 23 февраля 1623 г. английская торговая фактория в Японии прекратила существование. В англо-японских отношениях наступил перерыв, продлившийся более двух столетий.

После удаления Англии на территории Японии осталось три европейских страны, которые еще могли вести торговлю. Однако позиции Испании и Португалии с каждым годом слабели, в то время как голландская торговля набирала все возрастающий вес.

Понимая, что Хидэтада весьма недоволен политикой иностранцев, голландские купцы принимали все необходимые меры, чтобы добиться расположения сёгуна. Поэтому Голландия не вела никакой миссионерской деятельности в Японии и не вмешивалась во внутренние дела страны, а сосредоточила все усилия исключительно на торговле, в которой преобладали товары, наиболее интересовавшие японцев. Благодаря этому голландцы добились своего. Хидэтада так отзывался о них: «Если бы голландцы были так же черны, как дьяволы, вышедшие из ада, то все равно, раз они добросовестно интересуются только торговлей, с ними можно обращаться как с ангелами, сошедшими с неба» [16. С. 126]. Помимо явной симпатии к голландским купцам слова сёгуна свидетельствуют и о его познаниях в христианстве, в борьбе с которым он продолжил политику своего отца.

Несмотря на то что вернувшееся из Европы японское посольство 1613 г. доложило о том, что притеснения христиан в Японии не вызывают серьезной опасности со стороны Запада, полностью искоренить христианство, несмотря даже на самые крутые меры, было не так просто. За время, прошедшее со дня появления в Японии первых миссионеров, христианство прочно утвердилось во всех слоях японского общества. Поэтому борьба Хидэада и сменившего его на посту сёгуна Иэмицу с христианством велась последовательно и постоянно. Так, с 1616 по 1629 г. в Японии было казнено порядка 750 христиан [15. С. 40]. В 1619, а затем в 1621 г. появляются законы, запрещавшие торговлю людьми, которая осуществлялась руками христианских миссионеров. В 1621 г. издается указ, запрещавший японцам покидать пределы страны и служить иностранцам. В 1624 г. издается еще один указ, по которому не только высылались испанские миссионеры, но и прекращались все торговые отношения с этой страной. Таким образом, право ведения торговли с Японией из европейских стран было сохранено за Голландией и отчасти Португалией. Таким образом, Япония постепенно двигалась к политике самоизоляции, известной в японской историографии под термином «сакоку сэйсаку» — «политики страны на цепи».

В 1633 и 1636 г. Иэмицу издал два указа, которые запрещали японским судам покидать пределы территориальных вод Японии. Для того чтобы это правило действовало эффективно, указ запрещал строительство крупнотоннажных кораблей, а имевшиеся в наличии суда водоизмещением больше установленной нормы подлежали уничтожению.

Однако основной и окончательный удар по христианству был нанесен в 1637–1638 гг., когда на Кюсю, который был христианским центром Японии, вспыхнуло одно из самых мощных в японской истории народных восстаний, проходившее под христианскими

лозунгами и направленное против тирании местного даймё. Восстание быстро охватило довольно обширный район, вследствие чего правительство было вынуждено направить на его подавление сотысячную армию. Восставшие укрылись в замке Хара, взять который силы бакуфу были не в состоянии. Вот в этот напряженный момент свои «услуги» сёгуну предложили голландцы. Голландские суда открыли огонь из пушек и пробили брешу в стенах замка. Остальное сделали войска бакуфу. Из 38 тысяч мятежников в живых осталось не более сотни.

Подавление восстания стало последним аккордом христианства в Японии. В 1639 г. был опубликован указ о полном запрещении христианства на японской земле. Согласно этому указу, все отношения прекращались с Португалией. Исключение, за «неоценимые заслуги» в помощи подавления восстания, было сделано только для Голландии, которая на протяжении последующих двух столетий была единственной из европейских стран, имевших торговые отношения с Японией. Несмотря на то что за свою «помощь» голландцы подверглись жесткой критике со стороны Папы, они не прогадали. Монополия в торговле с Японией долгое время приносила им неплохой доход.

Помимо уже рассмотренных фактов, у японской стороны были и другие аргументы против христианизации. Во-первых, это явное несоответствие поведения христиан проповедуемой ими религии (здесь вполне уместно вспомнить беседу Ксавье с Андзи́ро). Во-вторых, противоречивость христианства с точки зрения логики японцев. Наконец, в-третьих, несовместимость христианства с основами японской культуры, сформировавшейся в русле синто и буддизма. Раздражали объявлением всех других религий и вероучений ересью и претензии христианства на монополию в Японии.

Таким образом, пройдя сложный путь от поддержки христианства до его запрета и от активных торговых контактов с Западом к практически полному их прекращению, к концу 30-х гг. XVII в. Япония закрывает двери во внешний мир и вступает в период самоизоляции, продлившийся до 1868 г.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

² Указанные даты отражают точку зрения автора. Многие исследователи датой начала «христианского столетия» считают 1549 г., когда в Японию прибыл миссионер Франциск Ксавье.

³ Время первого путешествия Пинто в Японию до сих пор точно не установлено, но большинство исследователей называют 1542 или 1543 г. Подробнее см.: [2].

⁴ Известен также под именем Пауло де Санта Фе, или Павел. Считается первым японцем, принявшим христианство и работавшим переводчиком при португальских миссионерах. По другим данным, Андзи́ро, совершивший тяжкое преступление на родине, сам прибыл в Малакку в 1547 г. для встречи с Ксавье, о котором он узнал от Пинто.

⁵ По названию острова, на котором впервые высадились европейцы.

Литература

1. *Boscaro Adriana*. An introduction to the private correspondence of Toyotomi Hideyoshi // *Monumenta Nipponica*. 1972. Vol. 27, Issue 4. P. 415–421.

2. *Boxer Ch. R.* The Christian Century in Japan, 1549–1650. Berkeley and Los Angeles, California, 1967. 535 p.

3. *Brodrick S.J.* Saint Francis Xavier (1506–1552). Wicklow Press, 1952. P. 103.
4. *Cooper Michael.* They Came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640. Berkeley: Univ. of California Press, 1965. P. 111.
5. *Donald Keene, Theodore de Bary.* Sources of Japanese Tradition. New York: Columbia Univ. Press, 2002. P. 466.
6. *Elisonas Jurgis.* Japan's Relationship with China and Korea // The Cambridge History of Japan. CU Press, Cambridge, 1991. Vol. IV. P. 293.
7. *Fernao Mendes Pinto.* The Travels of Mendes Pinto. University of Chicago Press, 1990. P. 132–133.
8. *Takekoshi Y.* The economic aspects of the History of the Civilization of Japan. Tokyo, 1930. Vol. 1. P. 291.
9. *Искендеров А.А.* Тоётоми Хидэёси. М., 1984.
10. История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. М., 1998. Т.1.
11. *Ким Э.Г.* Первое японское посольство в Европу 1582–1585 гг. // История и культура Японии. М., 2001.
12. *Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицин И.М.* История Японии. М., 1988.
13. *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи. СПб., 2002. С. 229.
14. *Ли Чен Вон.* Имдинская отечественная война 1592–1598 гг. Пхеньян: Департамент культурной связи с границей министерства культуры и пропаганды КНДР, 1953. С. 6.
15. *Навлицкая Г.Б.* Нагасаки. М., 1979. С. 19.
16. *Попов К.М.* Япония: Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1967. С. 115.
17. *Решетова И.* Христианское столетие в Японии // Япония сегодня. 2002. №9. С.32.
18. *Роджерс Ф.Дж.* Первый англичанин в Японии / Пер. с англ. М., 1987. 96 с.
19. *Стивен Тернбулл.* Самураи. Военная история. СПб, 1999. С. 293.
20. *Вата Тадати.* Тёсэн но эки (Война в Корее) // Нихон но сэнси (Военная история Японии). Токио: Кюсамбохобу (Бывший генеральный штаб), 1965. 232 с.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 299.21:811.34:11.115

В.В. Емельянов

ИДЕЯ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ШУМЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Идея вечного возвращения играла значительную роль в культуре шумеров. Но, к сожалению, она до сих пор не стала предметом специального рассмотрения. Настоящая работа носит ознакомительный характер и призвана ввести читателя в материал, который во всей своей полноте будет рассмотрен позднее.

«Возвращение» передается в шумерском языке следующими глаголами: gi_4 , gur , bal , ni_6in . Все они в различных контекстах могут иметь следующие значения: «вращать», «возвращать», «братъ назад, отнимать», «оборачиваться», «переворачиваться», «удалять, устранять» [10. S. 1332–1336; 9. P. 48]¹. Однако интересующий нас процесс вечного возвращения выражается только глаголом gi_4 .

В шумерском языке есть два словосочетания, передающих идею возвращения: $ki-bi-še_3 gi_4$ ‘на место свое вернуть’, $ama(-ra)-gi_4$ ‘вернуть к матери’. Тексты показывают, что оба эти термина связаны с идеей календарного возвращения времени. Но время воспринимается не как таковое, а в связи с совершаемым действием.

Enki and the World Order, 451–453³

⁴⁵¹ i_3 -ne-eš₃ šag₄ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵²šag₄ /^dEn-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵³šag₄ gu₂-bi gi₄-a nam-lu₃-u₁₈-lu-ka

Ныне сердце к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Сердце Энлиля к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Возвращение сердца к своему берегу — судьба человечества!

Этим строкам вторят первые строки Цилиндра А Гудеа:

¹*Al. Iud* /an ki\ -a nam tar-[re]-/da\

²*Al. 2/Lagaš* \[^{ki}\ -e me-gal-la [saḡ] an-še₃ mi-ni-ib₂-il₂

³*Al. 3^dEn-lil₂-e en-^dNin-ḡir₂-su₂-še₃ igi-zid mu-ši-bar*

⁴*Al. 4iri-me-a ni₃-du₇ pa nam-ed₂*

⁵Al.5šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁶Al.6šag₄-^dEn-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄

⁷Al.7šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁸Al.8a-ḡi₆ uru₁₆ nam-mul ni₂ il₂-il₂

⁹Al.9šag₄-^dEn-lil₂-la₂-ke₄^{id} Idigna-am₃ a-dug₃-ga nam-de₆

Когда судьбы Неба-Земли были определены,
Лагаш в великих МЕ голову к Небу поднял,
Энлил на владыку Нингирсу взглянул благосклонно,
(И) в городе нашем необходимое явным стало:
Сердце к берегу своему вернулось,
Сердце Энлиля к берегу своему поднялось,
Сердце к берегу своему поднялось,
Могучие волны сверкнули, страх нагоняя,
Сердце Энлиля — Тигр — благодатную воду принесло.

Итак, возвращение Шумера «на свое место», а именно — начало года, связано здесь с разливом реки Тигр (она разливается раньше Евфрата). Страна возвращается на место, когда к своему берегу возвращается «сердце Энлиля» и начинается половодье, несущее благодатную воду, дарующую изобилие. Заметим, что в Цилиндре А начало половодья непосредственно связано с определением судеб всего мироздания. То есть Страна возвращается на место сразу после того, как происходит определение судеб Неба и Земли и Земле посылается весенний разлив рек.

Если Страна возвращается на место, то новый месяц «входит в свой дом», т.е. возвращается из странствия по небу.

⁸⁶³B3.5mu ḡen-na-am₃ iti til-la-am₂

⁸⁶⁴B3.6mu-gibil an-na im-ma-gub

⁸⁶⁵B3.7iti e₂-ba ba-a-kur₉

⁸⁶⁶B3.8iti-bi ud 3-am₃ im-ta-zal

⁸⁶⁷B3.9^dNin-ḡir₂-su Eredu^{ki}-ta ḡen-am₃

⁸⁶⁸B3.10i₃-ti sa-sa im-ed₂

⁸⁶⁹B3.11kalam-ma ud mu-ḡal₂ E₂-ninnu^dSuen u₃-tu-da

⁸⁷⁰B3.12saḡ im-ma-da-ab-sa₂

Год прошел, месяц закончился,
Новый год на Небе встал,
Месяц в дом свой вошел,
Третий день его прошел.
Нингирсу из Эреду пришел —
Месяц свет испустил,
В Стране свет воссиял, Энинну с новорожденным Зуэном
Сравнился.

Этот трудный фрагмент нуждается в пояснении. Здесь сказано, что в конце года месяц не был виден на протяжении трех дней. Новолуние совпало с возвращением Нингирсу из путешествия к своему отцу. После этого лунный свет (свет новорожденного бога луны Зуэна) осветил храм Нингирсу Энинну. От света луны и свечения храма засияла и вся страна. Мы видим два синхронных события — возвращение лунного диска

в свой дом по прошествии месяца и возвращение бога Нингирсу в свой храм из длительного путешествия. Оба возвращения приурочены к концу года.

Таким образом, «возвращение на свое место» — прежде всего событие календарное, но не умно-философское, а переживаемое и эмпирически ощутимое. Каждый житель Шумера мог наблюдать весенний разлив рек и даже оказаться его жертвой, и точно так же каждый мог смотреть на вечернее небо, ожидая новой луны и Нового года.

Дальнейшие метаморфозы идеи возвращения относятся уже к области идеологии. В царских надписях и царских гимнах «возвращать на свое место» можно: а) город; б) храм или любое другое строение; в) посвятельную стелу или пограничную стелу⁴. Автор Цилиндров Гудеа говорит о храме Эннину, возведенном этим правителем для бога Нингирсу, именно как о «возвращенном на свое место» (А XXX 13). Почему же идея возвращения применяется у шумеров к строительным объектам? Ответ на этот вопрос дают плачи по городам, где богов, устроивших потоп, призывают вернуть на место разрушенные храмы и жилища людей. Автор обращается к богине, оплакивающей свой погибший город:

Ur Lament, 382–384

^{382d}En-lil₂ lugal-kur-kur-ra-ke₄ nam-zu he₂-eb-tar-re

³⁸³uru₂-zu ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

³⁸⁴Nibru^{ki} ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

Энлил, царь всех стран, судьбу твою пусть определит:

Город твой на место пусть для тебя вернет — владычество в нем верши,

Ниппур на место пусть для тебя вернет — владычество в нем верши!

Отсюда ясно, что город, храм или Страна восстанавливаются после своего временного уничтожения, которое может иметь климатический или социальный характер. Аналогичным образом герой мифа о потопе говорит:

Deluge 3 ⁴nin-tu-ra ni₃-dim₂-dim₂-ma-ġu₁₀ sig₁₀-[sig₁₀]-/bi\-[a] ga-ba-ni-ib-gi₄-gi₄

Ради Нинту уничтожение моих тварей вернуть (=прекратить) я хочу!

Следовательно, «возвращение на свое место» означает прекращение неких деструктивных процессов, нарушающих мировой порядок, и восстановление этого порядка в пространственном и временном аспектах⁵. Порядок утверждается высоким зданием или стелой, или совокупностью зданий (город), или появлением на небе новой луны, или приходом благодатной воды после разрушительного потопа⁶.

Обратимся теперь к рассмотрению идеи ama-gi₄ «возвращение (к) матери». В известных нам шумерских текстах она связана с освобождением человека из состояния не-свободы. Первоначальную суть этой идеи хорошо демонстрируют слова Гильгамеша, обращенные к Энкиду в эпической песни «Гильгамеш и Хувава». Победив Хуваву, Гильгамеш хочет отпустить пленника на свободу и говорит: mušen-dab₅-ba ki-bi-še₃ ha-ba-ġin / ġuruš-dab₅-ba ur₂-ama-na-še₃ he₂-gi₄-gi₄ 'Пусть пойманная птица на место свое вернется, пусть пойманный молодец к лону матери своей вернется!' (Gilgamesh and Huwawa A, 161–162). Сравнение освобождения пленника с отпуском птицы на свободу име-

ет отнюдь не случайный характер. Вспоминается весенний обряд выпуска на волю пленных птиц. В.К. Шилейко замечает, что этот обряд, проводимый у христиан во время весеннего праздника Благовещения, впервые зафиксирован в вавилонском заклинании, которое мы приводим в его переводе:

Ты, небесная птица, порождение Ану!
Я — человек, порождение Эа,
западня птицелова есть у меня,
Я пленил твою душу, я явил тебе свет:
ты, о Шамаш, храни меня:
как этой птице жизнь подарил я,
мне мою жизнь ты подари.

В.К. Шилейко пишет: «Символику обряда, сопровождающегося вавилонским заклинанием, нетрудно разгадать. Жизнь и свобода возвращаются воздушной пленнице как выкуп за жизнь освободителя. Этот благодный выкуп противоположен жестокому обряду жертвы, при котором жизнь покупается ценой уничтожения и смерти» [16. С. 80–81].

Стало быть, можно предположить, что идея «возвращения к матери» как освобождения ассоциировалась с неким весенним обрядом выпуска на волю птиц в качестве выкупа за жизнь освободителя⁷. Такой же могла быть и логика Гильгамеша, желавшего отпустить Хуаву «к лону своей матери», дабы не прогневать своим поведением великих богов. Однако заметим, что освобождение здесь — не просто возврат на прежнее место, а именно возврат к исходному состоянию, изначально определенному богами⁸.

Разумеется, творцы политической идеологии не преминули по-своему истолковать «возвращение к матери», связав эту идею с идеями амнистии и социальной справедливости. Так, в надписях Энметены и Урукагины, равно как и в шумерских юридических текстах, неоднократно встречаются утверждения о «возвращении к матери» как освобождении долговых рабов, освобождении граждан от наказаний, повинностей или от уплаты налогов⁹. Уже в послешумерское время государи I династии Исина периодически объявляли *ama-gi₄* (аккад. *andurārum*) или *mīšarum* ‘справедливость’ как полное очищение времени от долговых обязательств, сделок о кабальном рабстве, как прощение недоимок по налогам и сборам, а иногда и отмену сделок купли-продажи полей и возвращение их первоначальным владельцам [14. С. 326]. Корни такого политического обновления времен, несомненно, лежат в шумерской традиции, из которой до нас дошел только один зафиксированный на письме пример очищения времени от событий — текст так называемых «реформ» Урукагины. В предпоследней части текста, завершая перечисление своих законодательных деяний, этот правитель пишет: *dumu-Lagaš^{ki} ur₅-ra ti-lu gur-gub-ba še-si-ga ni₃-zuh-a saḡ-ḡiš-ra-a e₂-eš₂-bi e-luh ama-gi₄-bi e-ḡar* ‘Сыновей Лагаша от процентов (по долгу) жизни, “меры положенной”, “насыпание зерна”¹⁰, воровства, убийства, заключения он очистил, их возвращение к матери установил’ (Ukg. 4 XII 14–22 = 5 XI 12–29). Это означает, что были одновременно проведены амнистия преступников и освобождение граждан от непосильных долгов и повинностей.

Единственный раз в известных мне текстах религиозного характера идеи «возвращения на свое место» и «возвращения к матери» встретились в гимне Шульги:

ki mi-ni-ib₂-dib-be₂-na-mu-u₃ ama-gi₄ he₂-mi-du₁₁
un-lu-a ki-tuš-ki-ġar-ra-bi-e šu-a he₂-im-mi-gi₄

Где я ни прохожу — (всюду) возвращение к матери провозглашаю,
Многочисленных людей на прочные места их проживания я возвращаю!

В аккадской литературе существовала калька с шумерского оборота ki-bi-še₃ gi₄: *ana aš-ri-šu târu*¹¹¹ ‘на свое место вернуть’ [10. S. 83]. В большинстве случаев это аккадское выражение означало «восстанавливать (культовый объект)», реже «возвращать больному здоровье» (выражение из заговоров) [2. P. 401]. Чрезвычайно показательно в этом случае сравнение одного и того же мифологического мотива в шумерской и аккадской версиях эпоса о Гильгамеше.

В Прологе (I 39–41) аккадского эпоса [8] одно за другим упоминаются два события — путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму и восстановление Гильгамешем святилищ, разрушенных потопом.

[ha]-a-a-iṭ kib-ra-a-ti muš-te-'u-u₂ ba-la₂-ṭi
ka-ši-id dan-nu-us-su a-na^m Ut-ZI ru-u-qi₂
[mu]-tir ma-ha-zi ana aš₂-ri-šu-nu ša₂ u₂-hal-li-qu a-bu-bu

Исходивший все страны света в поисках жизни,
Достигший своей мощью дальнего Утнапишти,
Вернувший на свои места святилища, погубленные потопом.

В тексте «Смерть Гильгамеша» сказано, что после похода на Хуаву Гильгамеш посетил жилище Зиусудры (шумерское имя праведника, известное по тексту мифа о потопе), после чего восстановил все МЕ, культовые сооружения и обряды, некогда уничтоженные потопом. Таким образом, становится известен прототип строк Пролога.

har-ra-an di-id-bi-a a-na-am₃ me-a-bi /^{si}erin ġiš dili kur-bi ga-an-/e-de₃\ / ⁴Hu-wa-wa tir-bi-ta saġ ġiš
ra-ra-za / na-ru₂ -a ud ul-la₂ -še₃ me-gub-bu-uš me-da ud-še₃ / e₂ dingir-re-e-ne ki ġar-ġar-ra-a-ba / Zi-
ud-su₃-ta¹-aš ki-tuš-bi-a saġ im-ma-ni-/tig₄\ /me ki-en-gi-ra-ke₄ ki ud-ba ha-la-me-eš ud ul-li-še₃ / a₂
aġ₂-ġa₂ bi-lu-da₁₀ kalam-ma-aš im-ta-/a²-ni\ / šu /luh\ ka /luh\ X (X) /si mu-un-si-sa₂\-e

“После того как все пути ты изведаль, кедр, ценное дерево, с гор его вывел, Хуаву в лесу его убил, установив на вечные времена, на постоянные МЕ стелу, на (вечные) дни — храмы богов, Зиусудры в его жилище ты достиг, МЕ Шумера, которые были забыты навсегда, советы, обряды в Страну вернул (?), обряды омовения рук, омовения уст в порядок привел...” (GD, Tell-Hadad F, 10–18).

Мы видим, что в шумерском тексте Гильгамеш возвращает в Страну старый порядок, существовавший до потопы. Этот порядок состоит из установленных стел, восстановленных храмов и возобновленных обрядов, сопровождающих жертвоприношения. В Прологе ассирийской версии речь идет только о реставрации старых храмов, погубленных потопом. Налицо редукция шумерской идеи возвращения порядка к починке старого материального объекта (пусть и имеющего сакральное значение).

Категория «возвращение к матери» аккадской калки не получила. Но самое интересное заключается в том, что понятие «возвращение» часто имело в аккадской словесности семантику деструктивного превращения (что соответствует шумер. *bal, gur*). Некое целое могло быть уничтожено через редукцию к своим частям или к первоначальной основе. В частности, устойчивым было выражение «вернуть в глину». Например, в аккадском эпосе о Гильгамеше спасенный праведник видит после потопа следующую картину:

XI 133 *ap-pal-sa-am-ma UD-ma ša₂-kin qu-lu*
 134 *u₃ kul-lat te-ne₂-še-e-ti i-tu-ra a-na ti-iṭ-ṭi*

Я взглянул на день – тишина установилась,
 И все человечество возвратилось в глину.

В эпосе об Эрре семеро демонов требуют, чтобы Эрра проклял и тем самым уничтожил всех зверей Вавилонии [6]:

I 74 *[bu]-lum li-ru-ur-ma li-tur a-na ti-iṭ-[ṭi]*

Зверя пусть он проклянет, да возвратит (его) в глину.

В эпосе о Нинурте и Анзу Таблица судеб, захваченная злодеем Анзу, способна уничтожить лук Нинурты путем возвращения-превращения частей лука в их первоначальный материал [1].

II 63 *qa-nu-um-ma љa₂ [tal]-li-ku tu-ri a-pu-uk-ka*
 64 *tu-um-m[u GIŠ.BAN] <a>-na qi₂-ša₂-ti-ki*
 65 *šer₂-a-nu a-na ša₂-šal-li UDU.NITA₂ kap-pu ana iṣ-ṣu-ri GUR.MEŠ*

Ты, стрела летящая, стань снова тростинкой!
 Ты, рама лука, стань ветвью древа!
 Ты, тетива, — сухожильем барана! Перья, вернитесь к птицам!

Точно так же будет обращено в глину любое существо, которое захочет сразиться со злодеем Анзу, захватившим Таблицы судеб. Герои, которых Собрание богов умоляет одолеть злодеев, отказываются от подвига и мотивируют это так:

I 127 *[a-bi a-na ša₂-ad la 'a-ri li-hiš man-nu]*
 128 *[a-a-u₂ ka-a]m an-zi-i i-na DINGIR.MEŠ DUMU.MEŠ-ka*
 129 *[DUB.NAM.ME]Š <ik-šu>-d[a qa-tuš-šu]*
 130 *[^dEN.LIL₂-u₂-t]i il-te-<qe₂> [na-du-u₂ par-ṣi]*
 131 *[an-zu-u ip-p]a-riš-ma KUR-[us-su ig]-guš*
 132 *[it-tab-ši ṣi-it p]i-i-šu₂ ki-i DINGIR DINGIR DUR.AN.KI*
 133 *[iq-bi-ma ša₂ ir-ra-ru im-me ti-iṭ-ṭi -iš*
 134 *[a-na ṣi-it pi]-<i-šu> DINGIR.MEŠ i-šah-hu-hu*

Отец! Кто пойдет в недоступные горы?
 Кто справится с Анзу из твоих сынов, богов великих?

Таблицу судеб рука его настигла,
 Эллильство схватила, ниспровергла обряды,
 Взлетел Анзу, на гору свою поднялся,
 Выходящее из его уст подобно богу Дуранки,
 Кого Анзу проклянет — тот обратится в глину,
 Выходящего из его уст все боги должны опасаться!

В вавилонском эпосе об Атрахасисе богиня, проклиная день, когда было принято решение о потопе, восклицает (Atr. III 34–35): «Да померкнет день тот, во мрак да вернется!» [15. С. 82] (пер. В.К. Афанасьевой). Возвращение дня во мрак означает его небытие, но никак не благоприятное «возвращение к матери» (т.е. к истокам). Аналогичная ситуация возникает в XI таблице эпоса о Гильгамеше, когда та же самая богиня восклицает: UD-mi ul-lu-u₂ a-na ði-ið-ði lu-u₂ i-tur-ma ‘Пусть тот день возвратится в глину!’ (XI 119).

Весьма своеобразно понимается в аккадской литературе и «возвращение к матери». В Таблице IV эпоса об Эрре правитель города, уstraшенный безысходностью существования и близостью гибели, обращается к своей матери со следующими словами:

IV 89<i>-[n]a u₄-mi tu-li-din-ni lu-u₂ ap-pa-rik ina ŠA₃-bi-[ki]
 90 [n]a-[p]iš-ta-ni lu-u₂ iq-<tu>-ma lu-u₂ ni-mut <it>-[ti?]
 91 [a?]-ha-m[iš₂?]

В день, когда ты меня родила, мне бы в утробе остаться,
 Испустить бы нам дух, умереть бы нам вместе!
 (Перевод В.А. Якобсона)

Совершенно очевидно, что возвращение в утробу матери понимается здесь как прекращение жизни, испускание духа.

Таким образом, мы видим существенное расхождение шумерских и аккадских текстов в семантике возвращения. В шумерских текстах «возвращать», помимо буквально-го смысла, означает также «возрождать, восстанавливать» либо «прекращать (в смысле “положить конец какому-либо бедствию”)». То есть восприятие возвращения исключительно позитивно. В аккадской литературе и культуре идея возвращения имела совсем иной смысл. Возвращение понималось либо нейтрально — как реставрация материи, существовавшей в прошлом, либо в негативном ключе — как умерщвление целого путем его превращения в первоначальный материал. Но шумерский пафос вечного обновления миропорядка и возрождения справедливости здесь совершенно отсутствует, поскольку у вавилонян было представление о линейном ходе времени, а значит — и о невозвратности прошедшего.

* * *

Идея вечного возвращения была обстоятельно рассмотрена М. Элиаде в монографии «Миф о вечном возвращении» (1949). Исследователь цитирует многочисленные свидетельства существования у разных народов мира представлений о вечном возвращении времени и делает следующие выводы:

«Приведенные нами примеры можно было бы умножить, но мы не собираемся давать исчерпывающий анализ всех затронутых в нашем очерке тем, а всего лишь раз-

мещаем их согласно общей его направленности: выявлению необходимости периодического обновления путем отмены времени, существовавшего в архаическом обществе. Как коллективные, так и индивидуальные, как циклические, так и спорадические, все обряды возрождения всегда содержат в своей структуре и своем значении элемент возрождения посредством воспроизведения архетипического деяния, преимущественно космогонического действия. Мы же должны подчеркнуть, что эти архаические системы, отменяя конкретное время, пытаются таким образом избавиться от истории. Отказ хранить память о прошлом, даже о самом недавнем, кажется нам признаком особого устройства человеческого менталитета. Это, если говорить кратко, отказ архаического человека воспринимать свое бытие как историческое, отказ наделять значимостью “память” и, как следствие, нерегулярные события (т.е. события, не имеющие архетипической модели), которые, в сущности, и составляют конкретное течение времени. В конечном счете мы полагаем, что глубинный смысл всех этих обрядов и установок состоит в *стремлении обесценить время*. Доведя эти обычаи и варианты установочного поведения, о которых мы упомянули выше, до их логических пределов, можно прийти к следующему заключению: если времени не придают никакого значения, стало быть, оно не существует; более того, как только время начинают ощущать (из-за “прегрешений” человека, т.е. тех случаев, когда человек удаляется от архетипа и попадает в течение времени), его беспрепятственно аннулируют. В сущности, если представить себе подлинную перспективу жизни архаического человека (жизнь, сведенную к повторению архетипических деяний, т.е. к *категориям*, а не к *событиям*, к беспрестанному воспроизведению одних и тех же первомиффов и т.д.), то, хотя она и протекает во времени, человек, тем не менее, не ощущает его бремени, не замечает необратимости событий, иными словами, совершенно не отдает себе отчета в том, что характеризует и определяет осознание времени. Подобно мистика или же человеку глубоко религиозному, первобытный человек всегда живет в настоящем. (Именно в этом смысле можно сказать, что религиозный человек является человеком “примитивным”; он *повторяет* деяния *некоего другого*, и благодаря этому повторению постоянно живет во вневременном настоящем.) <...>

Следует подчеркнуть, что доминирующим аспектом всех лунарных космофологических теорий является циклическое возвращение того, что было раньше, иначе говоря, “вечное возвращение”. Также в них прослеживается мотив *повторения* архетипического деяния, проецируемого на все уровни: космический, биологический, исторический, социальный и т.д. И в этом мы также усматриваем циклическую структуру времени, возрождающегося при каждом новом “рождении”, на каком бы уровне оно ни происходило. Подобное “вечное возвращение” свидетельствует об онтологии, не затронутой проблемами времени и становления. Подобно тому, как греки мифом о вечном возвращении пытались удовлетворить свою метафизическую жажду “оптического” и “статичного” (ибо с точки зрения бесконечности становление вещей, постоянно возвращающихся в прежнее состояние, имплицитно аннулируется, и, таким образом, можно утверждать, что “мир остается на месте”), также и “примитивный” человек, наделяя время циклическостью, аннулирует его необратимость. Прошлое — это всего лишь предопределение будущего. Ни одно событие не является необратимым, и никакое изменение не является окончательным. В определенном смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, ибо все, что есть, — это всего лишь повторение прежних первичных архетипов; данное повторение, актуализируя мифическое время, в которое было совершено архетипическое деяние, постоянно поддерживает мир в одном

и том же всеобщем изначальном времени. Время всего лишь делает возможным появление и существование вещей. Но никакого решающего влияния оно на их бытие не оказывает, ибо оно само постоянно возрождается» [17. С. 131–132, 138–139].

Вряд ли можно усомниться в справедливости сказанного М. Элиаде относительно самого представления о возвращении времени в архаических культурах мира. Однако вызывает возражение стремление приписать древнему человеку исконную любовь к неким «первичным архетипам» и «архетипическим деяниям». Такая тенденция обнаружит себя достаточно поздно, в конце II тыс. до н.э. (тогда будут созданы первые комментарии к древним ритуалам). И объясняется это тем, что для стремления к традиции нужна длительная рефлексия этой традиции, позиционирующая ее как совокупность не просто норм жизни, но вечных ценностей бытия. Ценности становятся вечными после того, как проходят осмысление в письменной культуре. Но письменная культура становится способна к интерпретации и сакрализации ранней древности только к концу II тыс. до н.э. Следовательно, не стоит думать об идее возвращения времени как об исторически неизменном желании древних людей вернуться к первичным образцам поведения и сознания.

Что же можно теперь сказать по поводу идеи возвращения времени в шумерской культуре? Вопреки Элиаде, шумеры желали этого возвращения не ради отказа от исторического сознания, не ради целительного приобщения к религиозным архетипам, а по причине невозможности существования коллективного земледельческого хозяйства без весенних разливов Тигра и Евфрата. С весной были связаны надежды людей на новую жизнь, поэтому и политическая история приобрела в сознании шумеров черты календаря. Весенний разлив возвращается к своему берегу после длительного отсутствия благодатной воды, первый месяц года возвращается в свой дом после небесных странствий, плененный человек возвращается к матери после пребывания в зависимости или в плену, разрушенный город восстанавливается после потопа. Между этими событиями установилась прочная ассоциация, они попали в единое семантическое поле под названием «возвращение/возрождение». Но никакой альтернативы такому мировосприятию шумерская культура не знала. Поэтому мы имеем дело не с традиционализмом, а с естественным включением человеческой деятельности и человеческого сознания в ритмы окружающей природы.

Примечания

¹ В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

² Семантика глаголов возвращения в шумерском языке еще не изучена. На сегодня можно сказать, что *gi*₄ часто может означать ‘поворачивать назад’, ‘отходить, отступить’, ‘передать назад’ (т.е. он связан по преимуществу с попятным движением) [10. S. 1332; 5. S. 138–140]. Глагол *bal* устойчиво связан со значением перевоза, передачи, транспортировки, а также делегирования полномочий. В качестве второго значения, как видно из текстов, выступает вражда как ‘обращивание кого-то против кого-то’, на третьем месте — разрушение как деструктивное изменение материи [9. P. 48]. Глагол *niĝin* связан преимущественно с кругом и круговым движением [10. S. 1005, 1205, 1332]. Исходное значение *gur* мне неизвестно, но чаще всего этот глагол встречается в значении ‘вернуться откуда-либо’ [10. S. 1007, 1011, 1332, 1335; 4. Shulgi A, 61].

³ Здесь и далее все шумерские тексты, кроме царских надписей, цитируются по [4]. Царские надписи старошумерского периода цитируются по [5]. Указываются кодовые сокращения, номера колонок и строк. Аккадские тексты цитируются по печатным изданиям с соблюдением тех же условий.

⁴ [^dNin-ġ]ir₂-su-ra Gir₂-su^{ki} [ki]-be₂ mu-na-gi 'Богу Нингирсу (город) Гирсу он на место его вернул' (Ean. 2, 3:4–6; Ean. 3, 3:3–5); u₄...^dNin-dar lugal-uru₁₆-ra e₂-ni ki-be₂ mu-ni-gi₄-a 'Когда он... Ниндару, могучему царю, храм его на место его вернул' (En. I 20, 1:9–2:3); na-ru₂-a-Me-salim-ma ki-be₂ bi₂-gi₄ 'Стелу Месилима он на место ее вернул' (Ent. 28, 2:6–8 = 29, 2:23–25).

⁵ В этой связи характерно выражение из Цилиндра В Гудеа: ni₃-erim₂ e₂-ba im-ma-an-/gi₄\ 'Вражду в ее дом он вернул' (В XVIII 3) (т.е. Гудеа прекратил все распри в городе на время праздника освящения храма).

⁶ В царских гимнах и плачах эпохи Исина и Ларсы вместо gi₄ возможен глагол ġar 'устанавливать' (здесь — в значении 'восстанавливать'): ni₃ babbar-bi sag₂ ba-ab-dug₂-ga-ba sug-ge, ba-ab-gu₇-a ^den-lil₂ lugal kur-kur-ra-ke₄ ki-bi-še₃ in-ġar-ra-am₃ 'Его (Ниппура. — В.Е.) сияющее имущество, рассеянное, уничтоженное, Энлиль, царь стран, на месте его поставил' (Nippur Lament, 268–269). См. также Siniddinam, E: ⁷³ġiš-hur me mah-bi ⁷⁴ki-bi mi-ni-in-kiġ₂-kiġ₂ 'Он восстановил (букв.: 'на место свое вработал') предначертания и высокие МЕ (трона Ишкура)' (73–74).

⁷ Ср. *arnī MUŠEN ana šamē lišēli* 'пусть птица унесет мой грех на небо' [7 XV, 140:22] (Lipšur). Напротив, в шумерском календаре из Ура четвертый месяц был назван в честь праздника ezen-u₅-bi₂ ^{мульен}-ku₂ 'праздник поедания птицы уби' [11 III, 342; 12 IV, 228; 3. P. 147–148]. Эта же птица упоминается в школьном тексте о собирании всех птиц богиней Нанше (к сожалению, контекст разбит [3. P. 148]). Интересно, что И.М. Дьяконов переводит название месяца «Праздник поедания птицы искупления» [13. С. 293], т.е. он полагает, что эту птицу (или этих птиц) убивали во искупление провинностей общинников перед богами. Вполне возможно, что в раннее время птиц приносили в жертву силам плодородия, и только одной из них даровалось помилование. Позднее же жертвоприношение было заменено ритуалом искупительного выпускания всех птиц. Впрочем, это только гипотеза.

⁸ Следует заметить, что представление о возвращении всего сущего к первоистоку в равной мере распространялось и на явления природы, ср. шумерское наименование ночи u₄-ama-bi-še₃-gi₄-a 'возвращение дня к своей матери' (аккад. *liliātum*; [10. S. 552]).

⁹ Контексты собраны в [9, А 3, ama-ar-gi₄]. Самым ранним является контекст из надписи Энметены: ^dNanše E₂-engur-ra-zu₂-lum-ma mu-na-du₃ mu-ni-tum₂ ama-gi₄-Lagaš^{ki} [e]-ġar ama dumu i₃-ni-gi₄ dumu ama i₃-ni-gi₄ ama-gi₄-še-ur₅-ka e-ġar u₄-ba En-me:te-na-ke₄ ^dLugal-e₂-muš₃-ra E₂-muš₃-pa₅-ti-bir₅-ra-ki-ka...mu-na-du₃ ki-be₂ mu-na-gi₄ dumu-Unug^{ki} dumu-Larsa^{ki} dumu-Pa₅-ti-bir₅-ra-ka [ama]-gi₄-bi e-ġar ^dInnīn-ra Unug^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ ^dUtu-[ra] Larsa^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ ^dLugal-e₂-muš₃-r[a] E₂-muš₃-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ 'Для Нанше Ээнгурразулумма он построил, ей преподнес, возвращение к матери (для) Лагаша он установил: мать к сыну своему вернулась, сын к матери своей вернулся. Возвращение к матери для выплаты долгов по зерну в рост он установил. Когда Энметена для Лугальэмуша Эмуш в Бад-Тибире... построил, на место его вернул, — для сыновей Урука, Ларсы и Бад-Тибире возвращение к матери он установил: к Инанне в Урук вернул, к Уту в Ларсу вернул, к Лугальэмушу в Эмуш вернул' (Ent. 79, 3:6–6:6). Здесь не просто отождествляются, а ставятся в каузальную связь три разноплановых факта: восстановление старого храма, отмена долговых обязательств по выплате ячменя с процентами, освобождение и возвращение домой граждан других городов. Вполне возможно, что все эти события происходили в начале года.

¹⁰ Термины, означающие различные виды взяток, которые общинники давали чиновникам и жрецам.

¹¹ Основными значениями аккадского глагола *tāru(m)* являются 'поворачивать, поворачивать назад; вновь становиться (кем или чем-либо)'; затем идет 'превращать(ся)' [2. P. 401]. Для вавилонянина "возвращение" — это "вращение назад" или "превращение", но не повторение всего цикла в шумерском смысле. Тем не менее в ассирово-вавилонских текстах иногда встречаются упоминания о возвращении нового месяца "на свое место" или о возвращении процессии "на

свое место” из ритуального путешествия. Однако это только шумерские клише, переведенные на аккадский язык и не имевшие самостоятельного значения в поздние периоды месопотамской истории.

Литература

1. *Annus A.* The Standard Babylonian Epic of Anzu. Helsinki, 2001. 61 с.
2. *Black J., George A.R., Postgate N.A.* Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000. 450 с.
3. *Cohen M.E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993. 504 с.
4. *Black J.A., Cunningham G., Flückiger-Hawker E., Robson E., Zolyómi G.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998–). URL: <http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/>
5. *Behrens H., Steible H.* Glossar zu den Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983. 424 с.
6. *Cagni L.* L'epopea di Erra. Roma, 1969. 325 с.
7. Journal of the Near Eastern Studies.
8. *Parpola S.* The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Helsinki, 1997. 165 с.
9. Pennsylvania Sumerian Dictionary. Philadelphia, 1984–
10. *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1956–1981.
11. Ur Excavation Texts.
12. Yale Oriental Series.
13. *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990. 428 с.
14. История Древнего Востока. М., 1983. Ч. I. Древняя Месопотамия. 534 с.
15. «Когда Ану сотворил Небо...» Литература древней Месопотамии. М., 2000. 455 с.
16. *Шилейко В.К.* Родная старина // Восток. Пг., 1922. Кн. 1. С. 80–81.
17. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 1998. 249 с.

УДК 94

Ю.С. Мыльникова

**ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ
В КНИГЕ ЧАН КАЙШИ «СУДЬБА КИТАЯ»¹**

После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. на роль его духовного наследника и толкователя его учения претендовали многие деятели и идеологи ГМД — Ляо Чжукай, Ху Ханьминь, Ван Цзинвэй, Сунь Фо, Дай Цзитао. Они пытались приспособить учение Сунь Ятсена к новой политической ситуации, сложившейся после распада единого фронта. Чан тогда рассматривался как военная сила, политическая фигура. Однако по мере укрепления его власти и авторитета он все более берет на себя функции политического лидера и идеолога Китая. За его подписью выходят теоретические труды, подготовленные не без помощи гоминьдановских историков, философов. Эти работы становятся идеологической основой политики ГМД.

Война с КПК и Японией привела к расцвету авторитаризма в партии и сращению государственного и партийного аппарата. Этому способствовало прежде всего изменение социального состава опоры ГМД. Идеология партии начала переориентироваться на возрождение традиционных моральных ценностей. Неизбежно новый курс должен был основываться на конфуцианстве. В основе этого лежал тезис о необходимости приведения конфуцианской морали в соответствие с духом времени при незыблемости основ конфуцианской этики. Определяющей темой в идеях Чан Кайши была апелляция к ортодоксальным имперским конфуцианским представлениям в версии конца XIX в.

Взгляды Чан Кайши на проблемы послевоенного устройства страны были изложены в его книгах «Судьба Китая» и «Китайская экономическая теория». Целью книги «Судьба Китая» объявлялось указание китайскому народу дороги в будущее, извлекая уроки из опыта минувшего столетия. Сразу следует оговорить, что перевод названия книги «Чжунго чжи миньюнь» большинством отечественных авторов как «Судьбы Китая» не совсем корректный, т.к. Чан Кайши в своей книге указывал на единственно возможную судьбу Китая, которая, по его мысли, должна быть вверена Гоминьдану.

На протяжении четырех месяцев с ноября 1942 г., воспользовавшись отсутствием мадам Чан Кайши, которая вместе с сестрой и племянницей пребывала в США, Чан был занят написанием книги «Судьба Китая» [1. Р. 246]. Первое издание книги относится к марту 1943 г. (Чунцин), второе — к 1944 г. Первый тираж книги, несмотря на жесткую экономию бумаги, составил 200 тыс. экземпляров, а к концу 1943 г. было выпущено 2 млн копий [5. С.95].

Существует мнение, сложившееся не без участия китайской коммунистической пропаганды, что истинным автором книги является глава основного печатного органа ГМД газеты «Чжунъян жибао» и спичрайтер Чан Кайши — Тао Сишэн. Вероятнее всего, Тао Сишэн правил черновик, переданный ему Чаном, работал над стилистикой произведения. Многочисленные цитаты китайских мудрецов и философов явно были отобраны человеком с очень хорошим классическим образованием.

К моменту выхода в свет книги «Судьба Китая» Китай вел жестокую и кровопролитную войну за свое существование как государства и даже как нации. Политическая, духовная, социальная, экономическая, этическая сферы жизни китайского общества оказались под воздействием исходящего извне, зависели от японских захватчиков, кризиса. Прежде чем приниматься за разрешение последствий кризиса, проводить модернизацию страны, необходимо было проанализировать сложившуюся историческую ситуацию и разобраться в ее истоках.

Чан Кайши справедливо отмечает, что китайская нация на протяжении своей истории неоднократно переживала периоды взлетов и падений, расцвета и упадка. Однако никогда не было столь опасного положения, как в последнем столетии. Главная, впрочем, и единственная причина, по Чану, всех бед и трудностей Китая кроется в гнете и узах, наложенных на Китай неравноправными договорами, в результате чего страна столкнулась с всесторонним кризисом. «Ухудшение позиций китайской нации и низкая мораль народа на протяжении последних ста лет могут быть в большей степени отнесены на счет неравноправных договоров» [3. С.43].

Отечественные и китайские историки укоряют Чан Кайши в том, что большая часть книги «Судьба Китая» посвящена именно анализу воздействия системы неравноправных договоров на китайское общество. В частности, Г.Д. Сухарчук считает, что подобное объяснение причин упадка страны крайне односторонне. И раз Чан обходит молчанием такой существенный фактор, как проблемы социального и экономического плана, то подразумевается, что данный аспект не сыграл отрицательной роли в судьбе Китая. Видимо, подобное расставление акцентов связано с причинами, побудившими Чан Кайши написать «Судьбу Китая». Это прежде всего два обстоятельства — отмена неравноправных договоров и заключение новых.

Стоит отметить, что еще до публикации книги некоторые руководители ГМД выступили с критикой содержания «Судьбы Китая». Больше всего критических замечаний было высказано в отношении оценок неравноправных договоров. Однако Чан Кайши так и не внес коррективы в текст книги. В этом его поддержал Тао Сишэн, заметив, что «если убрать соответствующие главы, то вся книга потеряет смысл» [4].

Видимо, Чан сделал акцент на неравноправные договоры как главную причину всех бед Китая потому, что именно ему удалось добиться отмены этой действительно унижительной для Китая системы. Пусть даже при стечении благоприятных для этого условий. Подчеркивая этот свой внешнеполитический успех, Чан, во-первых, поднимал личный престиж как вождя Китая, а во-вторых, стремился убедить людей, что дальше, без неравноправных договоров, все пойдет прекрасно, стоит лишь победить японцев.

Как бы то ни было, главная концептуальная линия книги «Судьба Китая» заключается в том, что причинами упадка страны объявлялось иностранное порабощение, а восстановление порядков старого времени видится как залог успеха в деле возрождения и дальнейшего расцвета страны.

Историческую вину за роковые уступки перед державами Чан Кайши возлагал на цинскую династию (кстати, в этом вопросе Чан оказался единомышленником Мао Цзэдуна). Во времена ее правления, утверждал он, произошел упадок наук, исследовательская деятельность стала вестись в отрыве от основных принципов управления и экономики. «Наука периодов Цянлун и Цзяцина отошла от практического прикладного подхода Гу и Хуана и сосредоточилась на изучении терминов, слов и фраз². В результате она была

отделена от жизни людей так же, как и от политики <...> Таким образом, в течение 260 лет правления маньчжуров наш народ не видел ни одного дня света» [3. С. 48].

Несмотря на приверженность идее «единой семьи», «единокровности» всех обитателей Поднебесной, Чан, с тем чтобы подчеркнуть решающую роль внешнего фактора в истории Китая, вынужден безапелляционно вынести приговор маньчжурам, недвусмысленно определяя Синьхайскую революцию как национальную и антиманьчжурскую. Но в своем осуждении маньчжурского владычества он все же не до конца последователен: «Тем не менее широкие и далеко идущие меры в деле государственной организации, совершенные и детальные политические установления, и правовые акты цинской династии являлись достойным продолжением достижений ханьской и танской династий, превосходили сунские и минские и определенно оставили далеко позади то, что было совершено в юаньскую эпоху» [3. С. 41]. Единственное, в чем маньчжуры были точно повинны, так это в установлении режима абсолютной монархии. Как верно подметил автор критических комментариев к нью-йоркскому изданию книги американский публицист Джаффи, критика маньчжурской династии у Чан Кайши носит характер сожаления по поводу ошибок старшего брата [2. Р. 307].

Далее в своей книге Чан скрупулезно описывает разрушительное влияние системы неравноправных договоров на внутреннее устройство Китая. Так, например, до иностранного вторжения экономика страны развивалась равномерно. А образование промышленных центров вдоль восточного побережья, в договорных портах нарушило эту равномерность. Именно потому, что индустриальные центры возникали в портах, подконтрольных иностранцам, они стали уязвимыми пунктами в оборонной системе страны. Современные коммуникации и связь ориентировались на договорные порты, и невозможно было попасть из одного внутреннего района в другой, минуя их. «Таким образом, экономика достигла такого положения, при котором государство не могло защитить само себя, а народ едва мог существовать» [3. С. 37].

Чан представляет читателю анализ воздействия режима неравноправных договоров на состояние китайского общества. Он играет на контрастах, сначала описывая идеальное, по его представлению, китайское общество, лишенное внутренних противоречий. Но идиллия была нарушена вторжением иностранцев, которые пошатнули былые основы социального порядка, «благополучие сельскохозяйственных поселений сменилось упадком, в то время как жизнь в городах стала расточительной и разнузданной. Добродетель взаимопомощи была вытеснена конкуренцией и завистью. Общественное регулирование было забыто, и никто не стал интересоваться общими делами. Китайское общество лишилось стимула к поощрению доброго и искоренению дурного, страна в целом утратила почву для строгой и единообразной политики в области управления и экономического развития <...> Красивые и процветающие города превратились в ад нищеты и хаоса. Насчитывающая пять тысяч лет китайская традиция прилежания, бережливости и простоты, употребления бумажных одежд и простой пищи, когда женщины пряли, а мужчины возделывали землю, была полностью подорвана опиумом, азартными играми и бандитами из [иностранных] концессий» [3. С. 35].

В результате поменялись и сами люди: в них появилось стремление поживиться за чужой счет, личные интересы ставились выше общего дела, они оказались неспособными понимать природу государства и нации, «развращенные и безнравственные личности пробрались к власти в деревнях, а интриганы в городах шли незаконными путями, принося в жертву своим эгоистическим целям общественное благополучие и счастье

других людей» [3. С. 38]. И что самое страшное, по мнению Чана, люди стали видеть пример для подражания в иностранцах и стыдиться своей истории, своего прошлого. «В результате чего нация превратилась в блюдо ничем не связанных собою песчинок (образное выражение, которое употребил Сунь Ятсен в своих “Трех народных принципах”» [3. С. 42].

Итак, помимо прочего, Чан Кайши видел вред неравноправных договоров и в том, что в Китае появились и нашли отклик идеи из стран Европы и Америки, и это привело к забвению исконных национальных добродетелей.

Чан был убежден, что отмена неравноправных договоров — достижение и успех го-миньдановского правительства и его лично приведут к колоссальному росту национального самосознания.

Совершая экскурс в уже недавнюю историю, Чан всячески подчеркивал успешное, с его точки зрения, решение некоторых задач, поставленных Сунь Ятсеном перед страной в его «Программе строительства страны». Правда, он признавал, что восстановление экономики в период нанкинского правительства на деле отставало от намеченных планов «из-за вмешательства империалистов и саботажа контрреволюционеров» [3. С. 50].

Будущее политическое устройство Китая Чан видел в осуществлении трех народных принципов Сунь Ятсена — национализме, народовласти и народном благосостоянии. Вслед за доктором Сунем Чан Кайши настаивал на существовании системы пяти властей, основанной на переработанной еще Кан Ювэем теории Трех Эр, творчески воспринятой доктором Сунем. Эта система предусматривала существование в государстве пяти ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной (все они существуют поныне на Тайване). Реализация же указанной системы предусматривала чередование трех политических периодов правления: военной власти, политической опеки и конституционного правления. Чан подчеркивал, что на каждом из этапов приоритетными являются вопросы образования и воспитания, военного дела (т.е. вопросы обороны и безопасности) и экономического строительства. Интересно, что, по мысли Чан Кайши, все эти аспекты тесно взаимосвязаны и не могут быть отделены друг от друга. Отсюда следовало, что «мы в первую очередь должны добиться единства обучения, военного дела и экономики, прежде чем мы будем в состоянии решить общую задачу национальной реконструкции» [3. С. 65].

Кстати, продолжение политической линии «военного правления» и «политической опеки», отсрочка перехода к «конституционному правлению» трактовались коммунистами как стремление лидеров ГМД к фашизации страны.

Этический аспект проблемы политической реконструкции по Чан Кайши был выражен требованием от граждан Китая развивать дух старания и опоры на свои силы. Если этого не делать, то «придет день, когда независимость и свобода, которые мы приобрели, будут потеряны» [3. С. 70].

Однако специально оговаривалось: «Само собой разумеется, демократический строй в Китае не будет скопирован с демократических теорий индивидуализма и классового сознания XIX в. Европы и США» [3. С. 169].

Осуществление поставленной цели, т.е. исправление положения в государстве, должно начинаться с «полного выяснения существа», что означает — создать ясное представление о действительности, уяснить суть событий, выделить главное в проблеме, а также на деле проверить любую теорию (включая изучение предлагаемых ею методов и мотивов создания), чтобы не осталось ничего не определенного и ничто не принималось на

веру³. Чан, подразумевая коммунистов и либералов, предостерегал, что чем искуснее доводы в пользу всякого рода теорий и предложений, тем они вреднее и опаснее для государства. В подкрепление он вновь ссылается якобы на Конфуция, выделявшего пять «смертных грехов»: мятежные наклонности, аморальное поведение, лживые речи, глубокие познания в нежелательной области, потворство ложному поведению, — «нельзя допустить, чтобы человек, повинный хоть в одном из перечисленных грехов, избежал наказания» [3. С. 197]. Так устами Учителя 10-ти тысяч поколений Чан предупреждал всех инакомыслящих, чтобы они не ожидали пощады за «предательство своей нации».

Чан Кайши подводит читателя к идее «неразрывности» Китая и ГМД, поскольку первый как национальное государство существует и может существовать только под руководством партии, ставящей цели национального возрождения и национального величия: «Пока существует ГМД, до тех пор будет существовать и Китай»⁴. Существование других партий и групп (помимо ГМД и «Саньминьчжуй туань») допускалось лишь в случае, если оно не противоречит «пользе государства, нации и революционного строительства» [3. С. 222].

Специфика исторической ситуации требовала неотложного проведения многоплановой широкомасштабной модернизации китайского общества сразу после окончания антияпонской войны. По мысли Чан Кайши, модернизация Китая неизбежна и должна была привести прежде всего к возрождению норм традиционной морали и традиционного образа жизни. Ее путеводной звездой оставались три народных принципа Сунь Ятсена — национализм, народовластие и народное благосостояние. Однако Чан Кайши предпринял конфуцианизацию учения Сунь Ятсена, постепенно освобождая его от западных заимствований в пользу традиционных идей, таких как доктрина Да тун.

Принцип национализма, весьма шовинистически окрашенный, по Чан Кайши заключался в вопросе об отмене неравноправных договоров. Принцип народовластия, как отмечалось выше, подразумевал существование в стране системы пяти властей и трех периодов правления. Учение о народном благосостоянии, вероятно, является наиболее консервативной частью оригинальной программы Чан Кайши. При этом, как ни парадоксально, именно здесь проявилось его теоретическое новаторство. Принципиально новым в данном контексте стало появление идеи многоотраслевого преобразования, затрагивающего не только экономику. Осуществление национальной реконструкции (цзяньго, дословно — «строительство государства») должно основываться на единстве обучения, военного дела и экономики, включая пять фундаментальных направлений:

- **Психология** — перестройка ее в духе чистоты, аскетизма, практицизма и серьезности в делах, а также искоренение воздействия неравноправных договоров.
- **Этика** — возвышение приоритетов государства над приоритетами семьи и индивидуума.
- **Общество** — переустройство его в рамках «Движения за новую жизнь», акцент на значимости деревни.
- **Политика** — установление демократического строя в духе опоры на собственные силы, без индивидуализма и классового сознания.
- **Экономика** — индустриализация в условиях плановой экономики и развитого социального законодательства. Условие возрождения экономики — превращение частного капитала в государственный.

Среди намеченных пяти направлений первостепенное место занимает психология. Перестройка психологии является первым шагом в цепочке взаимосвязанных преоб-

разований. «Если же мы желаем, чтобы политическая реконструкция была здоровой и действенной, мы должны добиться, чтобы социальная реконструкция подготовила прочную основу для политических мер. А для успеха социальной реконструкции необходимо покончить с характерным в прошлом пассивным и негативным отношением людей к государству и нации. Отсюда началом всех преобразований является психологическое и этическое перевоспитание населения⁵» [З. С. 162].

Целью национальной реконструкции, окрашенной Чаном в альтруистические тона, является истребление индивидуалистического эгоизма во имя спасения народа от страданий и опасностей. Он требует полного самоотречения и самоотверженности во имя общего дела: «Если потребуются отдавать жизнь за добродетель и справедливость, мы должны сделать это с охотой и без страха» [З. С. 159].

Чан придавал большое значение вопросу об участии молодежи в деле модернизации страны. По его словам, юношество, легко поддающееся «постороннему влиянию», «подобно чистому листу бумаги, на котором можно рисовать и красным, и черным, и серым, и желтым»⁶. Развивая свою мысль в более широком этическом плане, он настоятельно советовал не искать примеров за границей, ведь в Китае есть своя традиция альтруизма и отказа от поисков личной выгоды, постановки на первое место интересов государства по сравнению с интересами семьи.

Основой социального аспекта национального строительства Китая, по мысли Чана, должно стать «движение за новую жизнь». Провозглашенное Чан Кайши еще 19 февраля 1934 г. «Движение на новую жизнь» (синь шэнхэ юньдун) декларировалось как движение, направленное на установление в Китае справедливого общественного строя, долженствующего привести Поднебесную к состоянию Да тун [З. С. 135–137]. Основой для установления такого строя было возрождение национального духа и культуры, искони присущих Китаю, в особенности конфуцианской морали — главной из ценностей.

Основными нравственными качествами китайцев, воплотившими этические принципы конфуцианства, согласно Чан Кайши, являются «верность/преданность» (чжун) и «сыновняя почтительность/уважение к старшим братьям» (сяо-ти), в новых условиях их следует понимать как «преданность государству» и «преданность нации». Важнейшими компонентами конфуцианства провозглашались «исполнение ритуала-ли», «долга/справедливости» (и), «скромности и стыдливости» (цянью и чи). Данные качества, по мысли Чана, способны сплотить разобщенное китайское общество. Очень характерно, что культ Конфуция, унаследованный от имперских времен, был в 1934 г. полностью восстановлен.

Строжайшая регламентация между социальными, профессиональными и возрастными группами, внутрисемейными и межличностными связями в глазах Чан Кайши были образцом современного китайского общества [З. С. 66–67].

Для Чан Кайши характерна апология традиционных сельских социальных институтов Китая, в частности кровнородственной общины и системы круговой поруки бао-цзя и кланово-патриархальной системы вообще. Так как деревенская община была основной политико-административной и хозяйственной единицей Китая на протяжении тысячелетий, она, согласно Чан Кайши, представляла собой «дух народной основы, народного правления» [З. С. 136]. В значительной степени община осуществляла принципы взаимопомощи и взаимной ответственности, так что весь традиционный деревенский уклад жизни воплощал в жизнь идеалы Конфуция и системы цзин-тянь

Мэн-цзы [3. С. 61–63]. Именно этот идеальный уклад общинной патриархальности следовало возродить.

Основной задачей ГМД указанного периода был поиск модели модернизации страны, отвечающей специфике Китая. Поэтому попытки Чан Кайши выработать специфический путь развития страны закономерны и понятны. Эти поиски можно объяснить и тем, что адекватному восприятию западных идей препятствовало не только отличие китайского мировоззрения от европейского, но и то, что основной понятийный аппарат западной политической науки перенимался посредством японского языка.

Итак, судя по всему, Чан был убежден в существовании для китайской революции перспективы самостоятельного, национального пути развития без учета революционного опыта СССР, которого придерживались некоторые руководители китайских коммунистов, находившиеся под влиянием установок Коминтерна. Делая ставку на особый путь развития страны, Чан Кайши вписал его в традиционную конфуцианскую парадигму.

Государственную идеологию ГМД можно охарактеризовать как попытку синтеза традиционных конфуцианских представлений и идеологии суньятсенизма. В целом социально-политические усилия, прилагаемые ГМД, и прежде всего Чан Кайши, для модернизации традиционного общества, оказались недостаточными. Программа преобразований Чан Кайши оказалась непригодна в обстановке тотального кризиса страны и гражданской войны.

ГМД в значительной мере растратил свои силы на выполнение задачи национально-го объединения и сохранения от распада государственности и культуры. Война с Японией, ведение идеологической войны с КПК привели к тому, что ГМД утратил стимулы к дальнейшему развитию. ГМД изначально делал ставку на передовые городские слои, крайне немногочисленные, что и предопределило узость социальной базы. Это сделало невозможным решение стоящих перед страной стратегических задач. ГМД был вынужден отдавать все свои силы на борьбу с КПК и Японией, при этом жертвуя репутацией у населения.

Программа Чан Кайши при всех ее недостатках опережала свое реальное историческое время: ведь только сейчас КНР выходит к тем позициям, о которых так или иначе говорилось в программе лидера ГМД. Лишь после определенных испытаний (форсирование социальных преобразований, попытки коммунизации, катаклизм «культурной революции») КНР вернулась на путь, во многом напоминающий намеченную программу Чан Кайши.

Прежде всего, поменялось отношение к культурному наследию страны, а конфуцианские ценностные ориентиры приобрели новое звучание. В подтверждении этого стоит вспомнить принятую накануне XVI съезда КПК «Программу построения норм гражданской морали», которая воплотила принцип «управлять страной на основании добродетели» (и дэ чжи го). Творцы программы свели основные ценности к следующим пяти моральным установкам: «любовь к родине и исполнение закона» (爱国守法), «четкое следование правилам поведения, искренность и доверие» (明礼诚信), «сплоченность и дружелюбие» (团结友善), «трудолюбие, бережливость и самоусиление» (勤俭自强), «служение своему делу» (敬业奉献). Многие из 40 пунктов программы имеют прямое или косвенное отношение к конфуцианской морали и являются продолжением все той же традиции, которой беззаветно следовал лидер Гоминьдана.

Представляется, что отечественное китаеведение в силу определенных причин не

рассматривало идеи и взгляды Чан Кайши как цельную систему или концепцию. Однако в своей книге «Судьба Китая» Чан Кайши изложил именно программу комплексной модернизации страны, отчасти предвосхитив Дэн Сяопина с его идеей «четырех модернизаций».

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

² «Гу и Хуан» — Гу Яньбу (1613–1682) и Хуан Цзунси (1610–1695), ученые конца периода Мин — начала Цин, конфуцианцы — «патриоты».

³ Кстати, подобные рассуждения очень напоминают формулу Дэн Сяопина — «практика — единственный критерий истины», которую он использовал накануне начала экономических реформ и политики открытости, чтобы дезавуировать положение о «двух абсолютах» и другие установки Мао, которые стали одиозными.

⁴ Крайне любопытно вспомнить, что позднее, уже в годы гражданской войны 1946–1949 гг., пропаганда КПК по сути перехватила этот слоган Чан Кайши и ГМД: «Без коммунистов нет Китая!». Слова знаменитой песни, которую знала наизусть даже дочь Мао. Да и вообще, представляется, что идеологи КПК немало идей «заимствовали» у Чана и других лидеров ГМД. В настоящее время это наблюдается особенно четко. Конфуцианская гармония, а не марксистская идея классовой борьбы оказалась непреходящей ценностью, к которой вновь, уже на современном этапе, обратилось китайское общество.

⁵ Интересно, что и Мао Цзэдун после 1949 г. начинал все вопросы общества и государства с одного — перестройки сознания людей. Стоит хотя бы вспомнить кампанию по идейному перевоспитанию интеллигенции 1951–1952 гг.

⁶ Очень уж эти слова напоминают знаменитое изречение Мао Цзэдуна.

Литература

1. *Brian Crozier. The man who lost China: the first full biography of Chiang Kai-shek.* New York, 1976.

2. *Chiang Kai-shek. China's destiny and Chinese Economic Theory (with notes and commentary by Philip Jaffe).* New York, 1947. 260 p.

3. 蒋介石。 中国之命运。 Чан Кайши. Чжунго чжи минюнь. (Судьба Китая). Шанхай, 1945.

4. 李扬. “陶希圣代书《中国之命运》”一说新解 // 中国社会导刊. Ли Ян. “Тао Сишэн дайшу «Чжунго чжи минюнь»” — и шо синь цзе. (Новая трактовка версии, что «Тао Сишэн — автор книги «Судьба Китая»») // Чжунго шэхуэй даокань. Пекин, VII–2008. Ч. 1. URL: <http://www.govpam.com/index.php?edition-view-4148-1.shtml> (дата обращения: 28.03.2009).

5. 张云. 中国历史命运的大抉择: 从蒋介石到毛泽东. Чжан Юнь. Чжунго лиши минюнь дэ да цзюе цзэ: цун Цзян Цзэши дао Мао Цзэдун. (Великий выбор судьбы истории Китая — от Чан Кайши до Мао Цзэдуна). Шанхай, 1994.

УДК 7.067.2

Н.А. Сомкина

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ: СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ¹

Благопожелания — неотъемлемый элемент интеракции в любой культуре, однако в Китае эта традиция достигла без преувеличения всеохватного масштаба. Помимо актов дарения и здравниц, благопожелательные формулы, воплощенные в вербальной, графической и скульптурной форме, встречаются в литературе, искусстве, в декоративных элементах, предметах быта, детских игрушках, рекламных слоганах, на обрядовом и государственном уровнях, одним словом — везде.

Особое место в китайской традиции благопожеланий занимают животные и растения, что объясняется особенностью мировосприятия китайцев, которое во многом базировалось на натурфилософских концепциях, в узком смысле — на идее нерасторжимости единства человека и природы. Именно поэтому ряд важнейших историко-культурных феноменов, включая благопожелания, получили осмысление именно в зоо- и вегетоморфном ключе.

Известны три основных принципа построения благопожеланий:

- на омофоничности или схожести звучания слов;
- на графическом сходстве иероглифов (которое можно считать подвидом предыдущей категории, поскольку в древности такие иероглифы скорее всего имели одинаковое чтение);
- на символических или биологических свойствах животного или растения.

Техническое исполнение формулы вариативно: благопожелание может быть вписано в устойчивое выражение, чаще всего состоящее из четырех иероглифов; устойчивое благопожелательное выражение может быть закодировано в визуальной форме (рисунок, скульптура, вырезка из бумаги и т.п.); благопожелания, основанные на «идейной наполненности» животного или растения, могут сводиться к дарению изображения такого животного или растения.

К наиболее распространенным благопожелательным символам относятся четверка благовещих животных (дракон, феникс, цилинь, черепаха), предполагаемый потомок дракона *писю*, рыба, золотая жаба, летучая мышь и др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Дракон, будучи одним из древнейших составляющих китайской картины мира, воплотил в себе все известные категории блага. Именно поэтому он является одним из наиболее распространенных благопожелательных объектов и самым универсальным из зооморфной их части. Причина в том, что две главные ипостаси образа — управление водной стихией и олицетворение государя — фактически отражали два важнейших столпа китайского общества на протяжении тысячелетий: земледелие и императорскую власть. Изображение дракона встречается повсеместно; подарить дракона — значит пожелать процветания, могущества, счастья, удачи в деловом предприятии, творческих

Рис. 1. Благопожелательная вырезка из красной бумаги — иероглиф «счастье», наполненная драконами (автор Синь Айин).

Рис. 2. Писю.

будучи солярным и в целом янским символом, птица *фэнхуан*, по нормам китайского языка, — существо женского пола. Таким образом, феникс олицетворяет собой Великий Предел, единство противоположностей и, как следствие, состояние совершенной гармонии.

Соотнесение феникса с началами *инь* и *ян* — весьма любопытный вопрос. Философская концепция *инь-ян* и учение о пяти стихиях получили значительное распространение в V–IV вв. до н.э., переработав ряд уже известных явлений и мифологем китайской культуры, в том числе дракона и феникса. Так, в этот период появляются парные изображения дракона и феникса в форме известного круга великого предела тайцзи, т.е. вписанных в круг головами к хвостам друг друга. Часто между ними была расположена

успехов, славы и выдающихся достижений (рис. 1); сравнить человека с драконом — означает сделать ему наивысший комплимент. В настоящее время дракон является, пожалуй, наиболее популярным элементом логотипов компаний, предприятий или учреждений. Наконец, во всем мире дракон ассоциируется с Китаем, будучи наряду с пандой символом страны в целом [4. С. 86–87].

Помимо самого дракона, известны также девять его сыновей, состав которых варьируется в зависимости от источника; наиболее выдающимся из них в рамках благопожелательной темы можно назвать неканонического отпрыска — *писю* (貔貅, в северных диалектах *бисе* 避邪) — существо с головой дракона, телом лошади и копытами цилиня, внешне похожее на льва, серо-белого цвета и умеющее летать (рис. 2). Полагали, что оно в свирепости способно пожрать великое множество вещей и не исторгнуть ни одно из них естественным путем. Именно поэтому его считали талисманом, способствующим обогащению.

Особую популярность *писю* приобрел среди предпринимателей — основных получателей такого подарка. Статую волшебного существа непременно устанавливают в офисе или на объектах хозяйствования. При этом, согласно поверью, *писю* не помогает тем, кто занимается нечестным бизнесом, поскольку отличается добродетелью и душевной чистотой.

Феникс. Китайский феникс (凤凰, *фэнхуан*) прежде всего всегда почитался китайцами птицей божественной и в высшей степени благовещей, символизирующей красоту и гармонию. В самом имени птицы скрыта его двойственная природа, поскольку *фэн*, будучи самцом, представляет янское начало, а *хуан*, самка, — иньское; при этом,

огненная жемчужина или даже само изображение тайцзи. Феникс, представитель огненной стихии, на таком изображении выступал в качестве носителя начала *ян*, дракон же, будучи повелителем воды, — начала *инь*. Однако, если речь шла о гендерных отношениях, распределение начал менялось зеркальным образом: дракон олицетворял мужчину (жениха, императора), т.е. *ян*, а феникс — женщину (невесту, императрицу) и соответственно *инь*. Парное изображение дракона и феникса — один из наиболее популярных благопожелательных, особенно свадебных, рисунков (рис. 3).

Еще одно распространенное свадебное пожелание — «Феникс и луань [живут в] дружбе и гармонии» (凤友鸾谐, *фэн ю луань се*) либо «Вместе поют луань и феникс» (鸾凤和鸣, *луань фэн хэ мин*) — пожелание счастливого супружества, поскольку птица луань иногда выступала в качестве самки *фэнхуана* вместо птицы *хуан*.

Помимо матримониальной символики, феникс фигурировал также в государственной. Так, довольно широкое распространение получило изображение «Феникс поет, обратившись к солнцу» (凤鸣朝阳, *фэн мин чжао ян*). Согласно преданию, феникс появлялся только тогда, когда Поднебесной управлял достойный, совершенномудрый государь, и потому такая картинка символизировала спокойствие в стране. Кроме того, в подобного рода изображениях солнце воплощало императора, и в этом случае дополнительное значение композиции — «благородный муж взирает на государя», т.е. высокому таланту нашлось достойное применение. Наиболее выдающихся и добродетельных благородных мужей сравнивали также с вышеупомянутой птицей луань, что способствовало появлению благопожелательной картинке «луань с ленточкой» (鸾鸟绶带, *луаньян шоудай*) (рис. 4).

Иероглиф *绶* (*шоу*) в слове *绶带* (*шоудай*, «лента») созвучен с иероглифом *受* (*шоу*) — «получать», а иероглиф *带* отдельно означает «пояс»; таким образом, выражение приобрело значение «луань получает пояс», т.е. занимает чиновничью должность. Картинка «Луань с ленточкой» и в настоящее время служит пожеланием блестящей карьеры.

Цилинь. Китайский единорог цилинь занимает третье место в четверке «благовещих» животных и, подобно фениксу, представляет собой единение двух начал, пяти элементов, пяти доблестей и пяти символических цветов. В самом его имени, состоя-

Рис. 3. Свадебная вырезка из бумаги: дракон, феникс и иероглиф «двойная радость», неотъемлемый атрибут китайской свадьбы.

Рис. 4. Луань с ленточкой.

шем из иероглифов *ци* (麒麟) — самец-единорог и *лин* (麟) — самка единорога, отражает гармонию единства противоположностей, которая и обусловила его символическую нагрузку.

Однако применительно к традиции благопожелания вспомнить в первую очередь следует об ассоциации цилиня с деторождением, в частности с рождением сыновей. Спускающийся с неба цилинь приносит сына (麒麟送子, *цилин* сун *цзы*) — традиционный сюжет благопожелательных лубков и народных вырезок из цветной бумаги. Чтобы пожелать семье рождения мальчиков, дарили изображение цилиня либо кирпич под названием «мост цилиня» (麒麟桥, *цилин* цяо) (пожелание основывалось на игре слов: «кирпич» (砖, *чжуань*) был созвучен со словом «передавать по наследству» (传, *чуань*), которые вместе с упоминанием цилиня должны были возыметь желаемый эффект). Кроме того, картинками с изображением цилиня в окружении детей (либо богини Гуаньинь верхом на единороге с младенцем на руках) часто украшали стены спальни, дабы способствовать появлению многочисленного потомства. Поздравление с рождением сына звучало как «радость линия» (麟喜, *лин* си). Полагают, что истоки этого обычая лежат в предании о рождении Конфуция, о котором возвестило явление цилиня его матери, либо, по другой версии, о зачатии Конфуция после того, как его мать прошла по следам цилиня. Однако наиболее вероятно, что данная традиция связана с фаллической символикой цилиня, свойственной единорогам и в западной культуре.

Черепаша. Главные свойства черепахи, замеченные не только китайцами, — долголетие, неторопливость и крепость природного доспеха — сделали ее олицетворением вечности и незыблемости. В благопожелательных формулах черепаха чаще всего фигурирует вместе с журавлем, также признанным китайским долгожителем. Так, одним из центральных поздравлений на день рождения по сию пору остается пожелание «черепаших лет и журавлиного долголетия» (龟年鹤寿, *гуй нянь хэ шю*). Изображение черепахи встречается намного реже и в основном представлено Сюань-у — стражем Севера из четверки духов-покровителей сторон света, черепахи, обвитой змеей. Связано это с тем, что отношение к черепахе было двойственным: китайцы приписывали ей способность производить детей на свет без участия в этом отца и превращаться в женщину для соблазнения мужчин (исключительно из соображений похоти), поэтому один из обиднейших китайских эпитетов и по сей день звучит как «сын черепахи», эквивалентного бастарду и прочим производным от него. Поэтому большинство благопожелательных формул включают в себя уточнение «черепашины годы» (龟年, *гуй нянь*, или 龟龄, *гуй лин*).

Гораздо более однозначен образ морской черепахи *аоюй* (鳌鱼), которая в компании с драконом украшала лестницу во дворец Сына Неба начиная с сунского времени (960–1279). В тот же период появился обычай выстраивать на этой лестнице новообращенных *цзиньши* — обладателей высшей степени на государственном экзамене, который проводился раз в три года и только в столице. При этом показавший наилучшие результаты *цзиньши* оказывался как раз по соседству с вырезанной из камня головой черепахи *ао*. Именно отсюда появилось выражение «стоять на голове черепахи *ао*» (独占鳌头), которое означало «показать блестящие результаты на государствен-

Рис. 5.

ных экзаменах» (рис. 5); данная речевая форма (иногда в виде картинка) употреблялась и в благопожелательном значении с тем же смыслом.

Рыба. Новый год по китайскому лунно-солнечному календарю не обходится без подарка в виде рыбы; связано это с тем, что «изобилие» и «рыба» при различном написании читаются одинаково — *юй* (余、魚). Такой подарок является закодированным пожеланием *年年有余* (魚) — «[Пусть] достаток множится год от года». «Золотая рыбка» (金魚 *jin yu*) была созвучна с «золотом и нефритом» (金玉), поэтому изображение ее соответствовало одной из формул пожеланий богатства «Полный зал золота и нефрита» (金玉滿堂 *jin yu man tang*) [6. С. 86].

Известным новогодним пожеланием является также картинка, изображающая двух сомов и два мандарина (рис. 6):

Сом (鮰, *нянь*) созвучен со словом год (年), а иероглиф мандарин (桔, *цзю*) содержит графему «удача» (吉, *цзи*), таким образом картинку следует расшифровывать как «[Пусть] удача множится с каждым годом».

Еще одно популярное «рыбье» пожелание представляет собой картинку, на которой изображена цапля, поедающая рыбу. В древнем языке иероглиф «цапля» (鹭, *лу*) был созвучен иероглифу «множество» (多, *до*), рыба же, как уже упоминалось, замещала иероглиф «изобилие». Иероглиф «есть» (食, *ши*), в свою очередь, является омофоном для иероглифа «десять» (十); таким образом, фраза «цапля поедает рыбу» (一鹭食鱼, *и лу ши юй*) оказывалось закодированным пожеланием «одного множества и десяти излишков» (一多十, *и до ши юй*), т.е. богатства и процветания.

В императорском Китае рыбу (карпа) дарили перед сдачей экзамена на чиновничью должность, поскольку, согласно традиционным верованиям, карп мог превратиться в дракона, если, невзирая на преграды, ему удавалось добраться до ущелья Лунмэнь и преодолеть его. В широком смысле этот пример указывал на возможность достижения небывалых высот посредством упорной борьбы и самосовершенствования и был зафиксирован в ряде фразеологизмов-чэньюй: (鱼跃龙门, *юй юэ Лун мэнь* — Рыба прыгает через Ворота Дракона, 鱼龙百变, *юй лун бай бянь*, — [От] рыбы [к] дракону — сто превращений).

Летучая мышь. Иероглиф 蝠 (*фу*), обозначающий летучую мышь, созвучен с иероглифом 福 — «счастье». Ее стилизованное изображение напоминает навершие жезла Жу-и, распространенный атрибут буддийских и даосских святых, и часто используется в декоративных целях. Кроме того, популярным подарком является летучая мышь, вырезанная из нефрита. Наиболее же распространенной формой благопожелания выступает орнамент из пяти летучих мышей, вписанных в круг, что символизирует «пять составляющих счастья» — долголетие, здоровье, богатство, добродетель и естественную смерть (рис. 7, 8) [1. С. 84].

Олень. Олень (鹿, *лу*) созвучен иероглифу «жалование чиновника» (禄), поэтому статуэтки и картины с изображением оленя выступали пожеланием карьерного роста. Кроме того, родственность благовещему цилиню, а также семейственность косуле, первой из смертных внявшей проповеди Будды, сделали оленя символом спокойствия и благополучия. Наконец, олень был одним из символов долголетия, чем обязан прежде

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

всего даосскому ученому и алхимику Гэ Хуну, который в трактате «Бао пу-цзы» первым отметил: «Олень живет тысячу лет, по достижении пятисот лет становится белого цвета» [6. С. 90].

Рис. 9.

Обезьяна. (猴, *хоу*) созвучна с титулом *хоу* (侯) (наследственный титул, второй из пяти высших титулов знати), а потому ее часто изображали на картинках «с подтекстом»; например, обезьяна верхом на лошади (马上, *машан*) означала быстрое продвижение по службе, а обезьяна, сидящая на спине (背, *бэй*) другой обезьяны — передавать титул из поколения в поколение (辈, *бэй*) (рис. 9). Кроме того, свою роль сыграло и созвучие со словом «обильный, щедрый» (厚, *хоу*).

Ящерица. 蜥蜴 (*си и*), созвучная с иероглифом 喜 (*си*) — «счастье», приобрела значительную популярность в последние годы, особенно в качестве персонажа электронных поздравительных открыток.

Барсук. (獾, *хуань*) не столь широко известен, однако, будучи созвучным со словом 欢乐 (*хуаньлэ*) — «радость», также появлялся на благопожелательных картинках.

Птицы занимают главенствующую позицию главным образом в свадебной символике ханьцев, что обусловлено прежде всего культурно-эстетической традицией, в рамках которой любовь устойчиво ассоциировалась с пернатыми.

Во-первых, в день свадьбы в семьях жениха и невесты было принято украшать двери в доме и во дворе картинками и вырезками «Сороки расселись на ветвях» (喜鹊登枝, *сицюэ дэн чжи*) и «Мандаринки резвятся в воде» (鸳鸯戏水, *юаньян си шуй*) [6. С. 127]. **Сорока** выступала в роли своеобразного «купилона»; согласно известной легенде, двое влюбленных, Небесный Пастух и Небесная Ткачиха, могли раз в год встретиться на перекинутом через Млечный Путь мосту из этих самых сорок. **Мандариновые утки** же, как и прочие птицы, которые в дикой природе живут моногамными парами, символизировали супружескую верность, так как существовало поверье, что, будучи разлученными, они умирают от тоски. Те же самые качества приписывали **гусю**. Так как

гуси всегда летают парами, они стали символом брака и распространенным подарком на помолвку. Считалось, что гуси никогда не заводят пару второй раз. Кроме того, одинокий гусь лейтмотивом прошел через классическую китайскую поэзию, олицетворяя страдания разлученных влюбленных [1. С. 147, 216–217]. Одним из матримониальных символов была также одноглазая и однокрылая птица **биу** (比翼鸟). По преданию, она могла летать только совместно с другой птицей, тесно прижавшись к ней, а потому неразлучная пара стала символом гармоничного супружества. В современном Китае на свадьбах до сих пор запускают воздушных змеев в виде **биу**, а также прочих вышеупомянутых птиц [8. С. 42].

Еще одна известная птица счастья — **журавль**, который считался волшебным благодаря способности преодолевать значительные расстояния, красоте и изяществу. Согласно преданиям, на нем путешествовали даосские бессмертные, и роль посредника между миром живых и миром святых наложила на птицу отпечаток долголетия [5. С. 16–17]. Картина с изображением журавля, часто в сопровождении сосны — еще одного символа долгой жизни — вкупе с пожеланиями прожить «тысячи журавлиных лет» (鹤寿千年, *хэ шуо цянъ нянь*) считались лучшими подарками юбиляру.

Широкую популярность снискал также петух, во многом благодаря созвучию иероглифов **цзи** (цзи, петух) и **джи** (цзи, удача). Помимо распространенного практически по всему ханьскому Китаю дарения изображений и фигурок петуха, известен также благопожелательный дуэт петуха и пиона. Иероглиф «головка цветка пиона» (花冠, *хуагуань*) омонимичен иероглифу **гуань** (гуань) — «чиновник», равно как и иероглиф, обозначающий петушиный гребешок, **цзигуань** (цзигуань), поэтому картинка с изображением петуха и пиона трактовалась как «чиновник за чиновником» (官上加官, *гуань шан цзя гуань*), т.е. пожелание того, чтобы все поколения мужчин в семье получали высокие должности.

Иногда вокруг петуха изображают пять маленьких цыплят, под которыми подразумеваются пять сыновей сунского историка Доу Юйцзюня, ставшие чиновниками высоких рангов [7. С. 42].

Кошка. Особняком в ряду благопожелательных животных стоит кошка, «приманивающая богатство», особенно популярная среди частных предпринимателей. Наиболее интересным в кошке представляется то, что китайцы заимствовали ее образ из соседней Японии. Любопытно, что на архипелаге своих кошек изначально не водилось, и первые представители вида были завезены в V в. вместе с буддийскими сутрами, чтобы отражать нападения грызунов на слово Будды [3. С. 115–116]. Развитие образа на новом месте и привело к рождению «манэки нэко» (招き猫) (дословно — «кошка приглашающая» или «приманивающая») — статуэтки кошки, запечатленной в момент умывания (рис. 10). Движения кошачьей лапки напоминали призывный жест, что, впрочем, было замечено не только японцами — в русской культуре также известна примета «Кошка умывается — гостей зазывает». Считается, что манэки нэко стала популярной во второй половине периода Эдо (1603–1867); возвращение ее на историческую родину относится к середине XIX в. [2].

Рис. 10.

Золотая жаба. Отличительной чертой приносящей удачу жабы было отсутствие четвертой ноги, поскольку определение «трехногая» (三足, *саньцзу*) соответствовало понятию «три достатка». Кроме того, такая жаба всегда держала во рту монету или связку монет. В народе верили, что тот, кто поймает ее, непременно разбогатеет. В настоящее время ее устанавливают в организациях, связанных с финансами, предприятиях малого бизнеса и в казино.

Рис. 11.

Иероглиф «слон» (象, *сян*) созвучен иероглифу «счастливое знамение» (祥); на картинках слона изображают с ребенком, жезлом Жу-и, а чаще с вазой на спине. В первых двух случаях картинка представляет собой закодированное пожелание счастья и исполнения желаний (吉祥如意, *цзи сянь жу и*), поскольку «счастливое знамение» 吉祥 (*цзи сянь*) созвучно сочетанию «верхом на слоне» (骑象, *ци сянь*), а ребенок держит в руках чудесный жезл Жу-и [б. С. 89]. В третьем случае ваза (瓶, *пин*) олицетворяет «мир» (平, *пин*), а слон символизирует слово 气象 (*цисянь*) — «погода» либо 景象 (*цзинсянь*) — «вид», поэтому картинку следует расшифровывать как 太平有象 (*тай пин ю сянь*) — «спокойная погода» либо «мирный пейзаж», что в обоих случаях означает спокойствие в стране и, таким образом, пожелание спокойствия и благополучия реципиенту (рис. 11).

Свинья. Образ этого животного добрых ассоциаций в китайцах не рождал, что и отразилось в обилии поговорок, выставляющих свинью в неприглядном свете. Однако само звучание слова «свинья» (猪, *чжу*) гармонирует со словом «богатство» (珠, *чжу*), а потому животное стало одним из распространенных пожеланий материального достатка [б. С. 89].

Паук. Картинка с пауком, спускающимся из паутины, называется 喜蛛 (*сичжу*) — «счастливый паук», и является пожеланием скорейшего нисхождения с неба счастья (喜从天降,

си цун тянь Цзянь). В старом Китае пауков никогда не убивали и считали приносящими удачу — вероятно, из-за того, что в паучьи сети попадались менее любимые в народе мухи и комары.

Рис. 12.

Овца/коза. Оба животных обозначаются в китайском языке иероглифом 羊 (*ян*), графически похожим на иероглиф «счастливое знамение» 祥 (*сянь*), с одной стороны, и омонимичным иероглифу 阳 (*ян*) — с другой, поэтому одиночные изображения барана были хоть и не слишком распространенным, но все же благопожелательным изображением. Куда большую известность приобрела

картинка с тремя баранами (иногда — с двумя баранами и одной козой), актуальная в преддверии нового года (рис. 12).

Картинка представляет собой зашифрованную отсылку к цитате из «И цзина» («Книга перемен», V–III вв. до н.э.) 三阳开泰 (*сань ян кай тай*), которую комментаторы трактовали как «вслед за зимой приходит весна» и считали благоприятным исходом гадания [7. С. 244].

Что касается растений, то к главным благопожелательным символам относились следующие:

Лотос символизировал чистоту и благородного мужа *цзюньцзы*, поскольку цветок его прорастает из грязи, но при этом остается незапятнанным.

Бамбук, известный не только благодаря скорости роста, но и коленчатой структуре ствола, олицетворял преемственность поколений и в качестве благопожелательной картинки содержал формулу 节节高升 (*цзе цзе гао шэн*) — «из поколения в поколение подниматься все выше».

Персик и **сосна** символизировали долголетие, при этом в паре с персиком изображали ребенка, а в паре с сосной — журавля.

Гранат благодаря большому количеству семян и сегодня считается пожеланием многочисленного потомства.

Среди растительных благопожеланий-омофонов наиболее популярны следующие:

Яблоко — 苹果, *пинго*, созвучен иероглифу «спокойствие» (平, *пин*), пожеланием чего и являлось яблоко.

Слива — 梅, *мэй*, созвучен иероглифу «красота» (美, *мэй*), кроме того, поскольку слива цветет даже во время холодов, то ее считали воплощением стойкости.

Личи — 荔枝, *личжи*, созвучен иероглифу 利 (*ли*) — «выгода», «благополучие».

Тыква-горлянка — 葫芦, *хулу*, созвучен с иероглифом, обозначающим счастье и жалование чиновника (福禄, *фулу*).

Перец служил для пожелания удачи в делах, поскольку его атрибуты «красный» (红, *хун*) и огненный (火, *хо*) составляют слово 红火 (*хунхо*) — «процветающий».

В качестве примера флористического благопожелания можно привести композицию из гибискуса, корицы и родеи (рис. 13). Иероглиф гибискуса изменчивого (*Hibiscus*

Рис. 13.

mutabilis, известный в Китае как «лотосовое дерево») 芙蓉 (*фужун*) созвучен с иероглифом (富) — «богатство», корицы (桂, *гуй*) — омофон иероглифа 贵, «знатность»; родою же в Китае называют 万年青 (*вань нянь цин*) — «вечнозеленая». Таким образом, подобная композиция расшифровывается как 富贵万年 (*фу гуй вань нянь*) — пожелание «десяти тысяч лет в богатстве и знатности».

Подводя итоги, следует отметить, что в последние годы китайские благопожелания стали весьма популярны и за пределами Китая, однако зачастую далеко не все из них могут быть поняты вне китайского культурного контекста. Для адекватного восприятия порой недостаточно только знания китайского языка, поскольку значение тех или иных формул не всегда известно даже некоторым китайцам.

Традиция благопожеланий представляет собой сложную структуру, включающую не только прямые отсылки к культурно-историческим и лингвистическим явлениям, но многоступенчатый ассоциативный ряд, на примере которого можно вычленить механизмы когнитивной мироорганизации древних китайцев.

Примечание

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 г.

Литература

1. Williams C.A.S. Chinese symbolism and Art motifs. Singapore, 1999. 472 p.
2. Schumacher M. Maneki neko // GODS of Japan, A to Z Photo Dictionary of Japanese Buddhism (Buddhist & Shinto Deities) [электронная энциклопедия] — URL: <http://www.onmarkproductions.com/html/maneki-neko.shtml> (дата обращения: 07.09.2009).
3. Мецзяков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М., 2004. 556 с.
4. Ли Ин, Ли Бэйбэй. Фу лу шоу си: Чжунго Чуньцзе сису гудянь. Пекин, 2002. (黎莹. 福禄寿禧: 中国春节习俗典故) — Счастье, жалование чиновника, долголетие, радость: Китайские новогодние народные изречения. 342 с.
5. Пан Цзинь. Чжунго фэн вэньхуа. (庞进. 中国风文化) — Культура китайского феникса. Чунцин, 2007. 294 с.
6. Сюй Бансюэ. Минцзянь цифу цзэци туншу (徐帮学. 民间祈福择吉通书) — Народный календарь прошений о счастье и выборов благоприятных дней. Пекин, 2006. 232 с.
7. Чжэн Цзюнь. Чжунго фу лу шоу си ту'ань. (郑军. 中国福禄寿喜图案) — Китайские картины о счастье, жаловании чиновника, долголетию и радости. Шэньян, 2000. 262 с.
8. Юнь Чжунтянь. Фэнчжэн / Юньюань дэ фэнцзин — Чжунго миньсу вэньхуа. (云中天. 风筝/ 永远的风景—中国民俗文化) — Воздушные змеи / Вечный пейзаж — китайская народная культура. Наньчан, 2006. 134 с.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 299.21:811.34:11.115

А.С. Матвеев

СООБЩЕНИЕ АЛ-МАС'УДЙ О СЛАВЯНСКИХ СВЯТИЛИЩАХ: ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Сочинения средневековых арабских авторов являются одними из наиболее важных источников по раннему периоду истории славян и других народов Восточной и Северной Европы в период раннего средневековья, так что не случайно они стали предметом внимания отечественной арабистики начиная с XIX в. Исследования Х. Френа, А.Я. Гаркави, А. Куника, В. Розена, А.П. Ковалевского, Б.Н. Заходера и др., продолженные современными российскими востоковедами, внесли важный вклад в изучение этого пласта средневековой арабской словесности. Тем не менее процесс изучения арабских источников и осмысления содержащейся в них информации еще далек от завершения.

Статья посвящена анализу одного из таких источников — сообщению о славянских святилищах, которое вошло в книгу арабского географа и историка ал-Мас'удй «*Мур'удж аз-захаб*» («Золотые луга»)¹, составленную в середине X в. Уникальность и важность тематики этого сообщения заставили многих исследователей обращаться к его изучению [6; 12. С. 139–140, 170–174; 16 и др.]. Тем не менее вопрос о понимании и интерпретации информации, приведенной ал-Мас'удй, по-прежнему остается открытым.

1. Текстология

Прежде чем перейти к анализу информации о славянских языческих святилищах необходимо провести определенную текстологическую работу, чтобы дать максимально точный перевод рассматриваемого текста. Для этого нами были привлечены основные печатные издания сочинения ал-Мас'удй (издание Барбье де Мейнара [1. V. IV. P. 58–60], дополненное и уточненное Шарлем Пелла [3. V. II. P. 389–390], а также современное арабское бейрутское издание [2. V. II. P. 234–236]) и 5 рукописей, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале ИВ (ИВР) РАН и дающих ряд важных вариантов текста: 3 рукописи из коллекции А.Италинского — Д-157 (фол. 1556–156а; гл. 64), Д-175 (фол. 1446–145а) и Д-176 (фол. 159а), а также рукопись барона В.Р.Розена (В-602, фол. 162а–162б) и не представляющая самостоятельной ценности рукопись Х.Френа В-600–601 (фол. 2406–241а), являющаяся копией Азхарской рукописи. Разумеется, анализ недоступных для нас

зарубежных рукописей сочинения был бы желателен, однако большая их часть была учтена при подготовке издания де Мейнара-Пелла и бейрутских изданий, так что имеющийся материал представляется достаточным для наших целей.

Кроме того, были учтены и сочинения более поздних авторов, использовавших сообщение ал-Мас'удӣ, в том числе Абӯ 'Убайд ал-Бакрӣ «*ал-Масәлик ва-л-мамәлик*» [26. С.21], Закарийя' ал-Қазвӣнӣ «*Асәр ал-биләд ва ахбәр ал-'ибәд*» [8. С.253], Ибн Фадлалләх ал-'Умарӣ «*Масәлик ал-абсәр фӣ мамәлик ал-амсәр*» [9. С.71] и ал-Бакувӣ «*Талхӣс ал-асәр ва 'аджә'иб ал-малик ал-қаххәр*» [7. С. 112]. Можно выделить два направления заимствования информации ал-Мас'удӣ о славянских святилищах. На мусульманском Западе сочинения ал-Мас'удӣ были использованы крупнейшим испано-арабским географом XI в. ал-Бакрӣ, а затем, уже у ал-Бакрӣ, эти сведения были заимствованы египетским автором XIV в. ал-'Умарӣ, который цитирует отрывки из «*ал-Масәлик ва-л-мамәлик*» ал-Бакрӣ и добавляет к ним свои комментарии. На востоке мусульманского мира работы ал-Мас'удӣ широко использовал знаменитый географ и космограф XIII в. ал-Қазвӣнӣ, который, однако, приводит только первую часть интересующего нас рассказа ал-Мас'удӣ. Затем в очень сжатом виде информация ал-Мас'удӣ вошла в сокращенную переработку сочинения ал-Қазвӣнӣ, сделанную в начале XV в. географом из Азербайджана ал-Бакувӣ.

Привожу свой перевод соответствующей главы из сочинения ал-Мас'удӣ; номер главы дан по наиболее авторитетному изданию Пелла [3. V. II. P. 389–390]².

Глава 66. О почитаемых домах (святилищах)¹ у славян

§ 1386. В землях славян были дома, которые они почитают, в том числе дом, который находился у них на горе, о которой философы рассказывали, что это одна из [самых] высоких гор мира. Относительно этого дома есть известие о том, как он построен, о распределении в нем [различных] видов камней, о разнообразии их цветов, об устроенных в его верхней части отверстиях и о [свете], который [проникает] в эти сделанные отверстия при восходе солнца; о помещенных в нем драгоценных камнях и начертанных знаках, предсказывающих будущее; и о тех событиях, о которых эти драгоценные камни предостерегают прежде, чем те произойдут; о явлении им [славянам] звуков с самого верха [дома], и о том, что постигает их, когда они это слышат.

§ 1387. [А так же] дом, который один из их царей сделал на черной горе¹¹ и который окружают удивительные воды, различные по цвету и вкусу, полезные (*или*: целительные) во всех отношениях. В этом [доме] у них находился огромный идол в образе наклонившегося человека (*вариант*: Сатурна^{III}), сделанного в виде фигуры старика (*вариант*: а это — старик), в руках у которого палка, которой тот перемешивает в гробах^{IV} кости мертвецов. Под его правой ногой — изображения [разных] видов муравьев, а под другой [ногой] — всякие черные вороны в виде огромных воронов-*зудәф* и других [видов] и удивительные изображения различных эфиопов (*хабаши*) и негров (*зиндж*).

§ 1388. Другой дом находится на одной из их гор, которую окружает залив (*или*: пролив) моря. Он был построен из красного коралла и зеленого изумруда, в центре его — огромный купол, под которым находится идол, члены которого [сделаны] из четырех драгоценных камней: зеленого хризолита, красного яхонта, желтого сердолика и белого хрусталя, — а голова — из червонного золота. Напротив него — другой идол в виде рабыни, как будто она подносит ему жертвы (жертвенных животных^V) и просо (*или*: благовония^{VI}). Происхождение этого дома возводилось к одному мудрецу, который был у них в древние времена. Мы уже приводили в наших

книгах^{VII} рассказ о нем, о его делах в земле славян, и о том, какие он устроил для них насыпи^{VIII}, хитрости (или: приспособления) и плутовские ухищрения (или: сделанные отверстия)^{IX}, с помощью которых он привлек их сердца, овладел их душами и поработил их умы, несмотря на дурной нрав славян и их неустойчивую натуру. Но Господь Всевышний — податель успеха!³

Пояснения к переводу:

I. Термин «почитаемые дома» используется ал-Мас'удӣ при описании языческих святилищ и храмов разных народов (для античных храмов используется также термин *хайкал*) — древних греков, римлян, харранских сабиев, китайцев и др.

II. «Черная гора» дана в тексте с определенным артиклем (прочие «горы» в данном сообщении стоят в неопределенном состоянии), т.е. это некая известная гора, может быть, уже упоминавшаяся ранее; также это может быть названием — «Черная гора». Не исключено, что определенное состояние слова «гора» является следствием сокращения исходного, более подробного рассказа, в котором об этой горе шла речь в предшествующей фразе, не вошедшей в сокращенный вариант текста (см. прим. VII, а также [16. С.84]).

III. В ряде рукописей вместо «*раджул*» («человек») стоит «*зухал*» — Сатурн, хотя ни одно из печатных изданий [1; 3; 2] этого варианта не приводит.

Гаркави упоминает вариант «*зухал*» как возможный [12. С. 139], а Шармуа [6. С. 318, 320] и Ковалевский [16. С. 80] (и вслед за последним Бейлис [11. С. 81–82]) принимают как основной. Судя по всему, их мнение базируется на двух рукописях ИВР РАН из коллекции А. Италинского — Д-157 (фол. 156а; гл. 64) и Д-175 (фол. 144б; гл. 61). (Остальные рукописи ИВР РАН дают обычный вариант — «*раджул*»).

Учитывая особенности арабской графики («скелет» этих двух слов без диакритических точек одинаков) подобная ошибка — или интерпретация — переписчика вполне естественна, однако на каком этапе в петербургских рукописях появился «Сатурн», установить сложно. Однако, принимая во внимание тот факт, что у последующих авторов, цитирующих ал-Мас'удӣ, здесь стоит «*раджул*» [26. С.21; 9. С.71], вероятнее всего, вариант «*зухал*» внесен переписчиками, исходившими из «астрологического» контекста данного отрывка.

IV. Это слово (*наввйс*, ед.ч. *навӯс*) употреблялось для обозначения христианских гробов, древнеегипетских саркофагов и т.п. По-видимому, речь идет о некоем ящике, в который помещали останки умерших.

V. *Қарāбин* (мн.ч. от *қурбāн*) обозначает «жертвы», когда речь идет о жертвоприношении животных.

VI. Издатель огласовал это слово как «просо» (*духн*), однако при иной огласовке (*дахан*) оно может значить «воскурение, благовоние», «ладан». Первый вариант более вероятен, учитывая значение предыдущего слова: логично предположить сочетание двух типов жертв — животных и растительных, тем более что арабские источники (например, Ибн Руста) сообщают о том, что просо является главной сельскохозяйственной культурой славян [11. С.77].

VII. Здесь имеются в виду не дошедшие до нас более объемные сочинения ал-Мас'удӣ (вероятно, «*Ахбār аз-замāн*» — огромный труд, содержавший массу разнообразных сведений по истории и географии).

VIII. В качестве варианта издатель дает «*зуйӯл*» (мн.ч. от «*зайл*»), что можно перевести как «следы в виде полос, оставляемый ветром на песке», напоминающий следы, которые оставляет подол платья (обычное значение этого слова — «хвост; подол»). Этот вариант, по-видимому, является ошибкой переписчика и никакой положительной информации не несет.

Рукопись В-602 фол. 162б дает еще один вариант — «*дубӯл*» («ручьи»), что также маловероятно по смыслу и не поддерживается другими рукописями. (В Д-176 фол. 159а и В-600–601 фол. 241а написано «*дулӯл*», что можно с некоторой натяжкой интерпретировать как «*дубӯл*» с пропущенной точкой под второй буквой, однако конъектура «*дукӯк*» — с пропуском косой черты над второй буквой и интерпретацией конечной буквы как «к» — является более вероятной.)

IX. Выражение «*ва ма ахдаса фйхим мин ад-дукук ва-л-хйял ва-л-маҳарйк ал-мустана'а*» представляет серьезную сложность для перевода в связи с отсутствием достаточного контекста. Ал-Мас'удй в этом отрывке ссылается на свою более раннюю работу и поэтому вместо подробного описания лишь перечисляет неблагоприятные дела «мудреца», обманувшего славян (здесь нашла свое отражение т.н. «теория жреческого обмана» как причины возникновения идолопоклонничества, сторонником которой был ал-Мас'удй и которая более подробно излагается в начале раздела о святилищах [З. §1371]).

В результате исследователи дают разные, не всегда оправданные варианты перевода данного пассажа. Шармуа [б. Р.321] переводит его как «ручьи, горы (или хитрости) и большие искусственные каналы»⁴. Шарль Пелла (проверивший и исправивший перевод Барбье де Мейнара) — «колдовство, хитрости и механизмы собственного изобретения» («*les sortilèges, les stratagèmes et les mécanismes de son invention*») [З. Traduction française. V.II. P.534]. Гаркави [12. С. 140] дает такой же перевод, как и де Мейнар-Пелла: «о колдовстве, хитростях и механизмах его», однако приводит и второй вариант как возможный: «о площадках, горах и искусственных каналах» [12. С. 140, прим. 4]. Ковалевский придерживался варианта «хитрости» и «отверстия» [16. С. 80].

Для уточнения значения последнего пассажа нами были привлечены, наряду с различными современными и средневековыми толковыми словарями, материалы компьютерной базы данных арабских средневековых источников, работа над которой ведется на кафедре истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ⁵, что позволило рассмотреть, в каких контекстах интересующие нас слова употреблялись как самим ал-Мас'удй, так и другими авторами, близкими к нему по времени.

1.) Слово «дукук» и сам корень «дакк» ни в средневековых арабских толковых словарях (как, впрочем, и в современных), ни в реальном словоупотреблении эпохи ал-Мас'удй не имеют значения хоть сколько-нибудь близкого к слову «уловка» или «колдовство», так что такой перевод, предложенный большинством исследователей исходя из контекста, следует признать неправомерным. Стандартное значение — «выровненная поверхность», «насыпная площадка», которая получается в результате засыпания углублений и разрушения возвышенных участков местности. Масштабы здесь роли не играют: это может быть и кораническое разрушение гор, которые будут сравнены с землей, и обычное выравнивание строительной площадки или даже земляной крыши. Второе значение, менее употребительное, — «холм» (*талл*) и производные от него варианты (разрушенная гора, холм с плоской вершиной и т.п.). В дошедших до нас сочинениях ал-Мас'удй («*Мурудж аз-захаб*» и «*Китаб ат-танбих ва-л-ишраф*») данное слово ни в единственном, ни во множественном числе нигде, кроме данного пассажа, не встречается, поэтому с точностью сказать, какой именно вариант имел в виду автор, не представляется возможным. В этой связи в переводе нами было поставлено нейтральное слово «насыпи», объединяющее в себе оба значения.

2.) Слово «хйял» (мн.ч. от *хйла*) наряду со значением «хитрости, уловки» может иметь и более конкретное значение — «средство, приспособление, механизм», отсюда — наука о «приспособлениях (механизмах)», т.е. механика. Подобное значение было достаточно широкоупотребительным во времена ал-Мас'удй (например, в знаменитом «*Фихристе*» Ибн ан-Надйма, младшего современника ал-Мас'удй, это слово неоднократно упоминается в ряду прочих «технических» наук: «*ал-улум ал-хандаса, ва-л-хйял, ва-л-харакат*,

ва-л-мӯсӣкә, ва-н-нуджӯм»). У самого ал-Мас'ӯдӣ слово «хйял» встречается 20 раз в «Мурӯдж аз-захаб» (ок. 100 раз — в ед.ч.) и 11 раз в «Китāб ат-танбїх ва-л-ишрāф» в значении «хитрость, уловка», причем чаще всего речь идет о военных хитростях: например, «ал-хйял ва-л-макā'id фи-л-хурӯб». Лишь в двух местах в «Мурӯдж аз-захаб», включая рассматриваемый отрывок, контекст позволяет наряду со значением «хитрости» предположить использование этого слова в его «техническом» значении. Поэтому в данном случае более вероятным представляется перевод «хитрости».

3.) Слово «маҳārїқ» употреблено в первой части рассказа о славянских святилищах в значении «отверстия», поэтому теоретически и здесь оно могло быть употреблено в этом же значении. Возможно, именно так его понял ал-Бакри, когда использовал это слово при обобщенном описании всех трех святилищ: «У славян есть три дома, в которых [находятся] сделанные отверстия (маҳārїқ) и нарисованные изображения, предсказывающие им явления и события до того, как те произошли» [26. С.21].

Значение «отверстия» для этого слова ни в одном из доступных мне словарей не зафиксировано, однако общее значение корня («делать отверстия, прорывать») и контекст не вызывают сомнения в том, что в рассказе о первом святилище имеются в виду именно «отверстия». Характерно, что ал-Казвини, пересказывая эту часть сообщения ал-Мас'ӯдӣ в своем сочинении «Асār ал-билād ва аҳбār ал-'ибād»⁶, заменяет слово «маҳārїқ» на более понятное «кувā» (ед.ч. «кува») — «небольшое окно», «бойница» [8. С.253].

Для уточнения значения этого слова в данном пассаже необходимо установить, как его употребляет ал-Мас'ӯдӣ в других местах. В «Мурӯдж аз-захаб» оно встречается 6 раз (в т.ч. 3 раза — в данном рассказе), причем в четырех случаях — в значении «отверстий»: в описании арок и сводов Александрии, в описании конструкции храмов харранских язычников-сабиев и два раза в первой части рассматриваемого нами рассказа о славянских святилищах (т.е. в §1386). В стандартном значении «уловки, хитрости» это слово в «Мурӯдж аз-захаб» употреблено только один раз в выражении «маҳārїқ ал-калām». Однако в «Китāб ат-танбїх», где это слово встречается всего один раз, оно употреблено именно в последнем значении — при описании тех «уловок», которые использовал лжепророк 'Абхала (ал-Асвад), чтобы привлечь людей на свою сторону.

Итак, ал-Мас'ӯдӣ мог использовать слово «маҳārїқ» в его стандартном значении «уловки, хитрости», более того, рассказы об «уловках» лжепророка ал-Асвада в Йемене и о хитростях «мудреца» у славян близки и по смыслу, и по словесному оформлению. Таким образом, перевод интересующего нас слова как «хитрости» является предпочтительным. Кроме того, этот вариант перевода поддерживает и относящееся к данному слову определение «мустана'а», которое хотя и может означать «сделанные», но имеет и второе, в данном контексте более вероятное значение — «фальшивый, искусственный», тем более что в тех случаях, когда ал-Мас'ӯдӣ однозначно говорит о «сделанных» отверстиях, он использует другое, однокоренное, слово — «маснӯ'а».

Таким образом, более предпочтительным является следующий вариант перевода: «о том, какие он устроил для них насыпи, хитрости и плутовские ухищрения». Второй возможный вариант — «о том, какие он устроил для них насыпи, приспособления (механизмы) и сделанные отверстия» — представляется менее вероятным.

Конечно, общего смысла данного отрывка эти уточнения не меняют — речь идет лишь о конкретных приемах «обмана», однако любые детали этого скупого сообщения могут оказаться важными для исторической интерпретации и потому заслуживают особого внимания.

2. Интерпретация

Сообщение, как мы видим, не слишком информативное и достаточно сложное для интерпретации. Вслед за К. Эрбеном описываемые святилища чаще всего отождествляются с западнославянскими храмами (так, Эрбен сопоставлял их с храмом Святовита в Арконе на острове Рюген [34. С.85]; Бейлис указывал на сходство с описанием идола Радигоста в Ретре у Адама Бременского [11. С.81–82]), хотя никаких убедительных оснований для этой интерпретации не приводится.

Исследователи, привлекавшие данный отрывок, пошли двумя разными путями: либо полное отрицание его исторической ценности (И. Лелевель, П. Шафарик [33. С.23] и ряд последующих авторов), либо его совершенно произвольное толкование без учета самой природы источника и его особенностей. В результате Ф. Вестберг, например, полагал, что ал-Мас'удй говорит о Северном Кавказе и под именем «славян» здесь фигурируют осетины, а Гаркави считал, что в данном разделе речь идет о буддийских храмах в Гималаях [12. С.173–174]. Ковалевский, посвятивший целое исследование этому сообщению, предполагал, что в нем идет речь о Черной горе в верховьях р. Черемош в Карпатах [16. С.84, 86]. Тема Черной горы, выдвинутая еще в XIX в. [13; 32. С.28], сегодня получила особую популярность на Западной Украине, где идет, в частности, активное изучение древностей на месте существовавшей на Черной горе обсерватории, причем описанное ал-Мас'удй святилище рассматривается уже как величайшая святыня славянского мира, некий «славянский Олимп» [31. С.25].

Тема Сатурна-зухала также нашла своих продолжателей. Так, Бейлис, не приводя для этого никаких оснований, предположил, что «Зухалу», т. е. славянскому богу, соответствовавшему ему, приписывалась, по-видимому, способность заставлять мертвецов покидать могилы» [11. С.82, прим. 61]. Список подобного рода «предположений» можно было бы продолжить. Так что совершенно не случайна скептическая позиция, которую занял Д.И. Мишин, автор последнего по времени масштабного исследования сведений о славянах в арабских источниках. Подробнейшим образом разобрав другие сообщения ал-Мас'удй о славянах и предложив при этом целый ряд новых, весьма аргументированных интерпретаций [29. С. 62–74], он вообще отказался от попыток истолковать данный раздел как «крайне не ясный и не дающий достаточных оснований для идентификации» [29. С. 62].

Таким образом, здесь мы имеем дело с типичной ситуацией, когда исследователями не учитывается контекст рассматриваемого сообщения и произведения в целом, в результате чего сведения источника превращаются в своего рода «кубики»-иллюстрации, из которых каждый может строить все, что ему заблагорассудится. Однако использовать материалы восточных источников можно лишь в контексте, с одной стороны, всего корпуса мусульманских сведений о Восточной Европе, а с другой, — создавшей их литературы и культуры в целом.

Для оценки информации, содержащейся в средневековых арабских сочинениях, необходимо учитывать, что реальность воспринималась их авторами через призму средневекового сознания, образуя сложную амальгаму реальных фактов со стереотипами восприятия внешнего мира и существующими в культуре стандартными моделями. Все это приводило к значительному искажению исходной информации, причем особенно серьезной модификации подвергались сведения, касающиеся инородной культуры (подробнее об этом см.: [4; 28]), что и нашло свое отражение в корпусе сведений

мусульманских авторов о Восточной Европе. Лишь с учетом подобной специфики арабских источников можно выявить, какие из сведений, изложенных ал-Мас'удӣ, могут иметь отношение к исторической реальности.

Первое, что здесь нужно учесть, — это жанр произведения. «*Мурӯдж аз-захаб*» — это сложное историко-географическое сочинение, в нем есть и достаточно достоверные и точные описания реальных событий, свидетелем которых автор был сам или записал со слов очевидцев (как, например, рассказ о набеге русов на Каспии [3. §459–461]). Однако интересующий нас раздел является типичным примером рассказов, на базе которых несколько позже сформируется жанр *'аджā'иб* («чудеса, диковинки»), который хотя и существовал в рамках географической литературы, но в не меньшей степени был связан с так называемой литературой *адаба*.

Основной функцией таких рассказов была развлекательная в сочетании со свойственными средневековой арабской культуре элементами «поучения». Все это определяло такие особенности обращения с материалом, как отбор в первую очередь интересного и необычного материала, в частности, касающегося древних сооружений (сасанидских или античных, а также полумифических — типа стены Гога и Магога), диковинных животных и других «чудес» мира, относительно слабый интерес к достоверности информации. Описания «подгонялись» под существующие жанровые штампы, функция которых — поразить воображение читателя. Отсюда красочные подробности, обилие золота и драгоценных камней в описаниях, гиперболлизация и т.п. Типичный пример подобного рода — включенное в состав сочинения Ибн Хордадбега описание Великой Китайской стены Салләмом-«переводчиком», где кроме самого факта ее наличия и приблизительного местонахождения нет ничего достоверного: все детали носят полуфантастический — литературный в своей основе — характер (см. разбор этого сюжета [14. С.43–46]).

Таким образом, интересующее нас сообщение это не есть прямой пересказ исходной информации, как это свойственно трудам по «описательной географии», здесь мы не найдем точных деталей: оно содержит в себе сильно препарированную по законам своего жанра *обобщенную* информацию. Такие подробности описания, как, например, различные виды драгоценных камней и золота, относятся к жанровым особенностям, а не к историческим реалиям.

Во-вторых, отождествление описанных святилищ с каким-то конкретным географическим объектом не соответствует характеру изложения материала в контексте сочинения ал-Мас'удӣ. Весь раздел о языческих святилищах, озаглавленный «Сообщение о почитаемых домах, выдающихся храмах, домах огня и идолов, а также сообщение о звездах и прочих диковинах (*'аджā'иб*) мира», посвящен различным видам «почитаемых» сооружений и включает в себя 6 глав (гл. 63–68), условно разделенных издателем на 59 параграфов [3. §1370–1428]. Раздел начинается с общего «теоретического» рассказа о святилищах (гл. 63, §1370–1384: «О почитаемых домах, священных зданиях, домах огня и идолов; о звездах и других чудесах мира»), а затем разбираются «почитаемые дома» у разных народов и в их числе славян: гл. 64 (§1382–1384) «О почитаемых домах у [древних] греков»; гл. 65 (§1385) «О почитаемых домах у древних римлян»; гл. 66 (§1386–1388) «О почитаемых домах у славян»; гл. 67 (§1389–1398) «О почитаемых домах и священных зданиях у *сабиев* и других [язычников], а также о прочем, что включено в эту главу и связано с этой темой»; гл. 68 (§1399–1428) «Сведения о домах огня и других [святилищах]». Причем система описания, представляющая собой своего рода форму

абстракции, в основном схожа: описываются несколько конкретных святилищ, «персонифицирующих» в себе типичное для культуры рассматриваемого народа явление. Так, рассказ о греческих храмах у ал-Мас'удӣ дается как описание трех сооружений, а прочие даже не упоминаются, хотя очевидно, что автору было известно, что их количество — даже на территории Арабского халифата — значительно превышало эту цифру; это же относится и к описанию римских храмов. Таким образом, наиболее вероятно, что рассказ о славянских святилищах носит такой же характер, т.е. за описанием трех «почитаемых домов» стоят не три конкретных сооружения, но стандартное для описываемого народа культурное явление, общий *тип* святилища.

В-третьих, предположение о самой возможности найти сведения о далеком западнославянском пункте на побережье Балтики и одновременно об отстоящей от него на тысячу километров горе в Карпатах — несколько фантастично и полностью игнорирует общий кругозор арабской географической литературы. Мы не найдем в ней упоминания большинства европейских столиц и крупных городов⁷ (даже сообщения о таких более близких к арабам крупных центрах, как Киев и Новгород, крайне смутны), не говоря уже об их описании. Более того, арабская литература не дает нам *никаких* свидетельств знакомства с балтийскими славянами.

Что касается территории Восточной Европы к западу от Руси, то кроме общегеографических, литературных в своей основе представлений для этой зоны арабские источники X в. дают лишь сильно искаженное перечисление славянских племен, приведенное у ал-Мас'удӣ [3. § 905–909; 17; 29. С.62–72], причем это сообщение *западного* происхождения и связано, по-видимому, с мусульманской Испанией [29. С.63]. Неоднократно разбивавшееся историками сообщение Ибрахима б. Йа'куба (ок. 354/965 г.), действительно содержащее сведения о Западной Европе и сопредельных славянских землях, связано с *западномусульманской* традицией (в виде цитат оно вошло в сочинение андалузского географа 2-й половины XI в. ал-Бакрӣ) и на Востоке арабского мира в интересующий нас период едва ли было известно (космография ал-Қазвӣнӣ, также цитирующего Ибрахима б. Йа'куба, относится к значительно более позднему времени — кон. XIII в.). Знаменитая книга ал-Идрӣсӣ, достаточно подробно трактующая географию Европы и создающая впечатление хорошего знакомства арабов с Западной и отчасти Восточной Европой, создана существенно позже, в XII в., в норманнской Сицилии; она является продуктом арабо-христианской среды на стыке Востока и Запада и ни коим образом не отражает знания арабской книжной культуры классического периода.

Сведения о Карпатах также весьма приблизительны и связаны главным образом с арабской математической (астрономической) географией, для территории за пределами Арабского халифата опирающейся в основном на труды Птолемея, и имеют косвенное отношение к реалиям своего времени. Более того, к различным упомянутым у Птолемея горам на территории Восточной и Северной Европы прибавилась еще иранская в своей основе теория горной цепи, опоясывающей землю и связанной «корнями» с главными горами мира (т.н. «гора Қаф»). Ал-Умарӣ, комментируя первую часть рассказа ал-Мас'удӣ/ал-Бакрӣ, прямо отождествляет упомянутую в нем «высокую гору» как принадлежащую к северной ветви этой кольцевой горной цепи — «горам Қақұнā» [9. С.71]. Вполне понятно, что подобные «сведения» не имеют отношения к реальным горам, но тесно связаны с арабской культурной (научной и литературной) традицией, живущей по своим законам и особым образом включающей в себя новые сведения.

Кроме того, на весь материал, изложенный в разделе о святилищах, наложились

арабские астрологические взгляды и представления о храмах язычников огне- и звездопоклонников. С одной стороны, они базируются на восходящих еще к Корану и раннемусульманской традиции описаниях т. н. «сабиев» (харранских язычников), а также зороастрийцев-огнепоклонников. С другой стороны, это связано и с более поздней философской традицией, развившей эти представления в астрологическом направлении и достигшей расцвета в IX в.

Одними из крупнейших представителей этой традиции были арабский астроном и астролог Абу Ма'шар (латинский Albumasar [5; 16. С.82]) и представители созданной им школы. В конце раздела, посвященного храмам, в подглавке с типическим названием «Некоторые чудеса мира» («Ба'д 'аджа'иб ад-дунйā») ал-Мас'удī называет сочинение Абу Ма'шара «*Kitāb ал-улūф фī буйūt ал-'ибādāt*» («Книга тысяч о домах поклонений») как один из своих источников информации: «Астролог Абу Ма'шар ранее рассказывал в своей книге под названием “*Kitāb ал-улūф*” о храмах и огромном здании, которое строилось в мире каждую тысячу лет (т.е. раз в тысячу лет). Кроме того, об этом рассказывал Ибн ал-Мāзийār (ал-Бāзийār), ученик Абу Ма'шара, в своей книге “Извлечение из “Книги тысяч”. Также другие [авторы], жившие раньше и позже них двоих, много рассказывали о строениях и чудесах земли, но мы воздержались от упоминания этого» [3. §1419]. Связь сочинения ал-Мас'удī с работами Абу Ма'шара была подробно рассмотрена Ковалевским, выдвинувшим вполне справедливое предположение, что в своей основе этот раздел восходит к сочинению Абу Ма'шара [16. С.82–86].

Таким образом, целый ряд сведений, содержащихся в разбираемой главе сочинения ал-Мас'удī, имеет «астрологическое» происхождение:

1. Представление о том, что, с одной стороны, язычники поклонялись одной из семи планет, а с другой — что Север («ал-Джарбī», 4-я «четверть» мира) был подчинен Сатурну [3. §1330], которому в качестве астрологического божества было подвластно все черное. Ал-Мас'удī приводит следующий — весьма показательный — астрологический стих:

Старейшина из них — возвышенный Сатурн, старейшина великий, царь могучий.

Природа его — чернота и холод, черный цвет души в печали.

Влияние его [распространяется] на негров (*зинджей*) и черных рабов (*'абīд*), а затем — на свинец и на железо [3. §172; 16. С.83].

Отсюда совершенно фантастические с точки зрения описываемых реалий изображения негров, черных муравьев и, возможно, черных воронов (появление последних, однако, может иметь и какую-то реальную основу, учитывая роль ворона как птицы Одина в «варяжской» среде Восточной Европы). Что касается муравьев, то их появление обусловлено книжными легендами о гигантских муравьях, обитающих на берегах «Моря Мрака» (т.е. Атлантики) и пожирающих путешественников [16. С.83].

Отождествление славянского идола с Сатурном также объясняется влиянием мусульманской астрологической традиции, а вовсе не реалиями славянской культуры, как полагал Бейлис [11. С.82]. Другое дело, что нам сложно определить, кто именно это сделал — автор астрологического сочинения, которое использовал ал-Мас'удī, сам ал-Мас'удī или безымянный переписчик. В любом случае подобное отождествление было обусловлено общими представлениями арабской культуры рассматриваемой эпохи.

2. «Отверстия» в верхней части святилища, по-видимому, связывались автором с наблюдениями за небом: «окна», в которых появляются небесные светила, описываются ал-Мас'удӣ и в других главах данного раздела. Так, например, в §1418 рассказывается о том, что в языческом храме в Антиохии восходящий месяц раз в году появляется в одной из специальных верхних «дверей».

3. Общие представления о символике и магии драгоценных камней.

Итак, весь этот пласт информации связан с астрологической интерпретацией полученных арабским автором сведений, а не с реалиями описываемой им чужой культуры.

Итак, мы видим, что та информация, которую можно извлечь из рассказа ал-Мас'удӣ — это *общие представления* о святилищах славян. В целом «положительная информация» рассматриваемого сообщения сводится к следующему: в землях славян есть расположенные на горах (упоминаются во всех трех сообщениях) святилища, в которых стоят человекоподобные идол(ы) (в двух рассказах), причем в двух случаях горы окружены водой. В этих святилищах находятся расположенные особым образом камни — как «драгоценные», так и «обычные» (1 и 3 сообщения). Кроме того, там есть какие-то изображения, а у основания идола в специальных «ящиках» находятся кости умерших (2-й рассказ). Все прочее, очевидно, относится к области литературно-культурных штампов, которые не представляют исторической ценности. Следует, однако, отметить, что наличие реальных каменных зданий на этих холмах хотя и возможно, но вовсе не обязательно: «почитаемый дом (*байт*)» — это лишь стандартный термин для обозначения святилища (когда речь идет о храмах в чистом виде используется другой термин — «*хайкал*» — «храм, здание»).

В результате анализ сообщения мусульманского автора, принимая во внимание его специфический культурный контекст и способ восприятия и передачи информации предшественников, позволяет выделить корпус достоверной информации о славянских святилищах, а именно — о поклонении славян идолам, установленным на вершинах расположенных около воды гор/холмов, вероятно, с какими-то каменными конструкциями на них, являвшихся *единственными* их святилищами, причем по крайней мере часть этих сооружений была одновременно и местом захоронения.

Связь данного сообщения с книгой Абу Ма'шара и ее переработанной версией, сделанной учеником знаменитого астролога, однозначно указывает на восточное происхождение этих сведений. Местом получения исходной информации могла быть зона интенсивных торговых контактов (например, хазарский Итиль или даже Булгар), где мусульманский купец мог услышать рассказ о славянских святилищах. Далее эта информация напрямую или через посредников попала к Абу Ма'шару или его ученику (возможно, в Багдаде) и в сильно препарированном виде была вписана им в контекст общего астрологического труда о поклонении светилам у разных народов, а затем уже использована ал-Мас'удӣ при составлении собственного сочинения. Это наиболее вероятный вариант поступления информации, однако полностью исключить возможность того, что этот рассказ записал сам ал-Мас'удӣ (например, во время бесед с купцами, когда он путешествовал в Южном Прикаспии) и включил его в уже имевшийся раздел о святилищах, нельзя.

Точное время поступления информации установить довольно сложно (как это вообще типично для подобных источников). Книга «*Мурӯдҷ аз-заҳаб*» составлена в

332/943 г., переработана в 336/947 г. и затем в 345/956 г., т.е. если данное сообщение основывается на материале, полученном непосредственно самим ал-Мас'удӣ, то эти сведения относятся ко 2-й четверти X в. Если же сообщение восходит к Абу Ма'шару, то это информация первой половины — 3-й четверти IX в. (Абу Ма'шар умер в 272/886 г. в возрасте около ста лет [5. P.139]). Возможно также, что источником сообщения было не сочинение самого Абу Ма'шара, а книга его ученика (что, на наш взгляд, более вероятно⁸), и тогда сведения относятся концу IX или даже началу X вв. (Ибн ал-Базийър, очевидно, обрабатывал книгу своего учителя уже после смерти последнего, т.е. после 886 г.). В любом случае период, к которому могут относиться интересующие нас сведения, укладывается примерно в один век: первая половина IX — первая половина X в.

Как нам представляется, единственным восточноевропейским культурным феноменом, который может соответствовать этому сильно «отредактированному» в процессе передачи описанию, являются сопки Северо-Западной Руси. В таком случае на вершине по крайней мере некоторых из этих сопок должен был стоять идол, которому приносились жертвы. Кроме того, туда же могли подхораниваться умершие — вероятно, представители небольшой социально маркированной группы (например, местной родовой знати или варяжской дружинной среды); это же относится и к главным захоронениям сопок.

Следует учесть, что сопки ставились на возвышенных местах, как правило, около рек, причем наиболее типичные для IX в. сопки — это стоявшие на высоком коренном берегу Волхова (и далее по водным путям Северо-Запада) огромные насыпи, которые нельзя было не заметить с воды и которые посреди окружающей равнины производили впечатление настоящих «гор». Кроме того, они были достаточно типичным явлением для северной части пути «из варяг в арабы», чтобы быть очевидным для исходного информанта: ни воинские отряды, ни купцы не могли миновать Волхов (а затем Ильмень и Ловать), двигаясь с севера на юг в мусульманские земли.

Таким образом, это сообщение в контексте существующих археологических реалий дает нам ценнейшее свидетельство о функционировании восточнославянских сопок в системе культуры. Подробный разбор конкретных археологических доказательств наличия культовой функции сопок в связи с ограниченностью объема не входит сейчас в нашу задачу, но в целом можно констатировать, что все вышеизложенное вполне удачно вписывается в сложившиеся в последние годы представления об этих сооружениях. Уже вполне очевидно, что сопки не могли быть местом захоронения *всего* населения — для этого число их слишком мало: рядовых соплеменников, вероятно, хоронили иначе, о чем есть глухое упоминание и в «Повести временных лет»; соответствующие рядовые погребения — поверхностные сожжения на месте — найдены археологами в последнее время ([23; 24; 25; 10. С.144–157]). Так что информация ал-Мас'удӣ именно о *культовой* функции сопок вовсе не удивительна и вполне укладывается в общее представление о сочетании погребальных комплексов и культовых сооружений в языческой культуре⁹.

Данная интерпретация была предложена нами в качестве «рабочей гипотезы» достаточно давно, еще в 1986 г. Тогда археологического подтверждения подобной точки зрения еще не существовало, для чего были вполне объективные причины: археологически основание столба от установленного на вершине сопки идола прослеживается с трудом, учитывая повреждения насыпи грабителями и то, что исследования большей части сопок были проведены в XIX — нач. XX в., когда качество раскопок было еще

невысоким. Тем не менее при более тщательном исследовании подобные свидетельства обнаруживаются, и проведенные за последние 20 лет раскопки на Северо-Западе уже позволяют говорить о наличии конкретных *археологически* выявленных фактов, подтверждающих данную интерпретацию.

Так, было выявлено наличие столба на вершине сопки (сопка в Дубовиках [22]), обнаружены поверхностные захоронения в насыпи (ряд сопок на Оредеже (Пристань I, Пристань III сопка II) [21] и Ловати [18]); найден аналог описываемого ал-Мас'удй «гроба» — дубовый ящик с кальцинированными костями в сопке у д. Сквородка Струго-красненского района Псковской области [19; 20], а также гвозди от подобного ящика в одной из сопок комплекса Передольского погоста на р. Луге (раскопки Н. И. Платоновой [30]). Более того, если рассматривать сопки как культовые центры, можно предположить, что упоминаемые исследователями т. н. «следы тризны» следует интерпретировать, скорее, как следы жертвоприношений. Последнее вовсе не отрицает возможности и собственно «поминок», однако и в этом случае их культовая роль была аналогична упоминаемым ал-Мас'удй «жертвоприношениям».

В дополнение к вышесказанному можно отметить, что аналогом «целебных вод» ал-Мас'удй могут служить целебные «святые ключи» в т. н. «Абрамовщине» в Старой Ладог¹⁰, где расположены наиболее ранние сопочные комплексы конца VIII–IX вв. Что же касается своего рода «астрономической» функции каменных сопочных конструкций и использования их для «гаданий», то этот вопрос остается открытым: подобное предположение не лишено оснований, однако существующий материал не позволяет делать каких-либо определенных выводов. Это же относится и к вопросу о наличии каких-то «изображений» на вершинах сопок («черты и резы»?) — с достоверностью говорить об их наличии без археологического подтверждения не приходится.

Итак, сообщение ал-Мас'удй хорошо иллюстрирует тот факт, что без дополнительного историко-археологического подтверждения информация средневековых арабских источников не может быть использована для исторической реконструкции, поскольку «изнутри» можно лишь определить круг «вероятно достоверных» в своей основе сведений. Однако сочетание информации двух групп источников — свидетельств арабских авторов и данных археологии — позволяет переходить уже к исторической реконструкции и не только успешно интерпретировать кажущееся исключительно фантастичным сообщение ал-Мас'удй, но и реконструировать функцию сопок в системе культуры Северо-Западного региона как сооружений, являвшихся культовыми центрами соответствующей округи.¹¹

Разумеется, мы не можем утверждать, что сведения о сопках Северо-Запада послужили единственным источником для данного сообщения. Нельзя полностью исключить возможность, что на информацию о сопках не наложилась какая-то еще информация о святилищах и идолах в «северных» областях, связанных в представлении автора/авторов со славянами. Однако основой для этого сообщения, с наибольшей долей вероятности, послужили именно сопки, расположенные в северной части активно функционировавшего в IX — первой половине X в. пути «из варяг в арабы», по которому в Халифат поступали не только северные меха и славянские рабы, но и информация о северных землях.¹²

Примечания

¹ Первоначальный перевод заглавия как «Золотые луга», предложенный первым издателем этого сочинения Барбье де Мейнаром [1] в дальнейшем был отвергнут и заменен на «Промывальни золота» (вполне возможное значение в данном контексте). Однако переработавший это издание Шарль Пелла вновь вернулся к старой интерпретации [3].

² Деление текста издания Пелла на параграфы условно и сделано издателем для удобства пользования арабским текстом и его французским переводом.

³ В ряде рукописей, в частности в Д-157 и Д-175, последняя фраза отсутствует.

⁴ Перевод «ручьи» связан с тем, что Шармуа слову «дукӯк» предпочитает вариант «дубӯл» (см. выше прим. VIII пояснения к переводу). Однако текстологическая работа, проведенная с тех пор, как вышла его статья, установила вариант «дукӯк» как более адекватный и поддерживаемый абсолютным большинством манускриптов.

Что касается второго слова «хийал», то его действительно можно прочесть как «горы» (если сдвинуть вправо одну из двух диакритических точек под второй буквой «й» и отнести ее к первой букве, то вместо «хийал» получится «джабал»), однако в рукописях четко читается «хийал» (сомнение может быть только относительно написания в Д-175 фол. 144б, где можно прочесть х-б-л и предположить, что точка под первым «х» пропущена).

Значение «каналы» дано Шармуа со ссылкой на географию Хаджи Халифы [б. Р.321 прим. 25].

⁵ Разработчик — А.С.Матвеев, руководство проектом — проф. Н.Н. Дьяков. В настоящее время база данных находится в стадии разработки и выполнена в стандартной программе Майкрософт офис — MS Access. К сожалению, поскольку это база данных офф-лайн, в настоящее время не представляется возможным давать на нее ссылки — вплоть до появления он-лайн версии.

⁶ Вторую и третью часть сообщения ал-Мас'удӣ (т.е. §1387–8) ал-Қазвӣни опускает и сразу переходит к рассказу Ибн Фадлана о приеме у «царя славян» [8. С.253].

⁷ Если не считать некоторых сведений об Италии и Риме (имеющих «средиземноморское» происхождение), то единственным известием о западноевропейских городах является весьма смутное упоминание у ал-Мас'удӣ [3. §910–11] около 150 городов, а также столицы всех франков (т.е. европейцев) «в наше время» — Бавиры, которая, вероятно, соответствует Парижу.

⁸ В данном разделе ал-Мас'удӣ упоминает сделанную его учеником переработку сочинения Абу Ма'шара, тогда как в других местах он ссылается *только* на Абу Ма'шара, причем на другое его сочинение — «Ал-Мадхал ал-кабӣр» («Большое введение [в астрологию]»), гораздо более известное как на Востоке, так и в Европе (существует в нескольких латинских переводах [5. Р.139]) и в отличие от «Книги тысяч» дошедшее до нас. Возможно, уже ал-Мас'удӣ не видел самой «Книги тысяч», но использовал версию ученика Абу Ма'шара.

⁹ Например, главной функцией египетских пирамид была вовсе не «погребальная», как нередко представляется при поверхностном взгляде, а культовая. Само наличие и размер пирамиды, как и связанные с нею религиозные обряды, обеспечивали, по мнению древних египтян, процветание и само существование Египта.

¹⁰ Целебный источник в Старой Ладогe, к которому совершался крестный ход в один из дней пасхальной недели, упомянут в [15. С.141–142], см. также [27. С. 191].

¹¹ Последнее представляется весьма существенным фактом, однако вовсе не совершенно очевидным: отметим, что в то время, когда эта интерпретация была предложена, в археологии господствовало представление о том, что сопки являются чуть ли не единственными погребальными памятниками словен, а не исключительными сооружениями.

¹² Пользуясь случаем, мне хотелось бы выразить благодарность моим коллегам — петербургским археологам Елене Михайловой, за неоценимую помощь в подготовке археологической части данной статьи, и Сергею Кузьмину — за ценные замечания на протяжении всей работы над сочинением ал-Мас'удӣ начиная с первых обсуждений этой темы в 1986 г., когда предложенная здесь интерпретация впервые была высказана в качестве рабочей гипотезы.

Литература

1. *Al Maçoudi*. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. Paris, 1865.
2. *Al-Mas'udi*. Murudj al-Dhahab. 4 vols. Beirut, 1984.
3. *Mas'udi*. Les prairies d'or. Ed. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, revue et corrigée par Charles Pellat. 7 vols. (Texte — 5 vol.; Traduction française — 2 vol.). Beyrouth, 1966–1979.
4. *Matveev A.* Arabic Sources on Russes and Slavs: Problems of Interpretation of the Text // *Manuscripta Orientalia*. 1996. Vol.2 No 3. P. 16–26.
5. *Millas J.M.* Abu Ma'shar // *EI*². Vol.2. P.139–140.
6. *Sharmoy M.* Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI série. Sciences Politiques, Histoire et Philologie. SPb., 1834. T. II. P. 297–408.
7. *Ал-Бакуви, Абд ар-Рашид*. Китаб талхис ал-асар ва 'аджа'иб ал-малик ал-каххар / Пер. З. М. Бунятова. М., 1971. 162 с.; 192 с. староараб. паг.
8. *Ал-Қазвӣнӣ*. Асър ал-билад ва аҳбәр ал-'ибад / URL: <http://www.alwaraq.net/index2.htm?i=105>.
9. *Ал-'Умарӣ Ибн Фадлаллāх*. Масāлик ал-абсър фӣ мамāлик ал-амсър / <http://www.alwaraq.net/index2.htm?i=521>.
10. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2007. Т. 1. Поселения и могильники. 374 с.
11. *Бейлис В.М.* К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и русов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. С. 72–82.
12. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. 308 с.
13. *Головацкий Я.* Великая Хорватия или Галицко-Карпатская Русь // *Московитянин*. 1841. Ч.6. Кн.2. С. 213–232; Кн.12. С. 457–467.
14. *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н.Велихановой. Баку, 1980. 427 с.
15. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып.9. 534 с.
16. *Ковалевский А.П.* Ал-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С.80–86.
17. *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Мас'уди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62–79.
18. *Конецкий С.Я.* Новые исследования в урочище Губенская Лука // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 20–24.
19. *Кузьмин С.Л.* К вопросу о погребальной обрядовости культуры сопки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 48–50.
20. *Кузьмин С.Л.* Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сковородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н.э. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2001. №1. Специальный выпуск: Археология. С.56–62.
21. *Кузьмин С.Л.* Оредежские сопки // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Л., 1992. С. 16–26.
22. *Кузьмин С.Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 52–55.
23. *Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р.* «Грунтовый» могильник у деревни Которск // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 50–52.
24. *Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р.* Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. С.138–146.

25. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. 2000. №5. С.70–82.
26. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.1. СПб., 1878. 192 с.
27. Курбатов А. В. Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1995. Ч. II.
28. Матвеев А.С. «Русы» и славяне в арабских средневековых источниках: Проблемы восприятия инородной культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 25–31 августа 1996. М., 1998. Т.5. История и культура древних и раннесредневековых славян. С. 186–195.
29. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. 368 с.
30. Носов Е.Н., Платонова Н.И., Кашкевич В.И., Блохин Н.Н., Шитов М.В., Кашкевич М.П., Короткевич Б.С. Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника // Северная Русь и народы Балтики / Труды ИИМК РАН. Т. XXIV. СПб., 2007. С. 221–231.
31. Томенчук Б. Черногора в історії давніх слов'ян (за ал-Масуді X ст.) // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. Івано-Франковск, 2003. №8. С.25–34.
32. Фамицын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. 341 с.
33. Шафарик П.І. Славянские древности. М., 1837. Т.1. Кн.1. 319 с.
34. Эрбен К.Я. Письма о славянской мифологии. 1857. 128 с.

УДК 94

А.Б. Подцероб

ОТКРЫТИЯ САХАРЫ

Да, именно так — «открытия», а не «открытие», ибо Великую пустыню открывали трижды — в античный период, в средние века и в новое время.

Первыми начали проникать в Сахару египтяне, завязавшие торговые связи с племенами Западной пустыни. Объединение Верхнего и Нижнего Египта, существенно усилившее его военный потенциал, дало возможность осуществлять уже не только торговые, но и военные экспедиции, из которых войска возвращались с рабами, крупным рогатым скотом, козами, овцами, ослами. О масштабах этих набегов свидетельствует поход фараона Сахура в XXVI в. до н. э., в результате которого было захвачено 800 тыс. голов скота [9. С. 16].

Одновременно продолжали предприниматься и масштабные торговые экспедиции. В XXIII в. до н. э. правитель Элефантины совершил четыре путешествия в Нубию. Он прошел 1,5 тыс. км на юго-запад через оазисы Дункуль и Селима и достиг находившейся на восточных склонах Дарфура столицы страны Иам, откуда вернулся с ладаном, эбеновым деревом, шкурами леопардов и слоновыми бивнями, а также с пигмеем, которого он преподнес в дар фараону Пиопи II [9. С. 14–15].

После появления на побережье Северной Африки финикийских колоний и возникновения Карфагена финикийские купцы стали пересекать Сахару по путям, проложенным гарамантами. Проникая в Западный Судан, они доходили до Нигера, вывозя оттуда золото, слоновую кость, экзотических зверей.

Первое из дошедших до нас описаний Сахары дал «отец истории» Геродот, основываясь на сведениях, полученных им от жрецов Элефантины, куда он добрался в 448 г. до н. э. Геродот пишет о холмистой песчаной пустыне, занимающей все пространство от Египта до Геркулесовых столпов [9. С. 87–88]. Цитируя Гомера, он отмечает, что с запада долину Нила ограничивают «в зыбком песке глубоко погребенные горы» (действительно, высота барханов в некоторых частях Ливийской пустыни достигает 300 м) [9. С. 87–88].

Для европейцев пересечение Великой пустыни стало возможным после покорения римлянами Гарамантиды. Римские купцы освоили пути, ведущие с побережья Средиземноморья в Гараму, а некоторые из путешественников, например Септимий Флакк и Юлий Матерн, добирались вместе с гарамантами до Западного Судана.

Падение Рима, установление вандалами господства над Северо-Западной Африкой, упадок и гибель Гарамантиды повлекли за собой утрату знаний о Великой пустыне и лежащих за нею странах. Впрочем, завоевавшие в VII в. Северную Африку и являвшиеся сами выходцами из аравийских пустынь арабы быстро освоились с Сахарой. Уже возглавлявший арабскую армию эмир Окба ибн Нафия, разгромив гарамантов, пересек пустыню и достиг оазисов Кавар, находящихся в 1400 км к югу от побережья Средиземного моря.

Арабские купцы стали использовать шесть древних караванных путей через Сахару [9. С. 125]. Они повторно открыли Западный Судан, которому и дали его современное имя — Биляд ас-Судан, т.е. Страна Черных. Арабы хорошо ознакомились с южными, переходящими в сухую саванну районами Сахары, назвав их Сахелем, т.е. Побережьем [пустыни]. Более того, именно они присвоили Великой пустыне имя Сахара (Ас-Сахара), т.е. Пустыня. Уже в VIII в. арабские купцы достигли страны Лукар (совр. Гана), откуда в обмен на серебро, медь, а также сельскохозяйственные товары вывозили золото и рабов [9. С. 191]. В IX в., пройдя «по песчаной местности и зыбучим пескам», арабы проникли в Нигер и доставили в Марокко первые сведения о стране Малал (совр. Мали) [9. С. 192]. Там они основали несколько факторий, сыгравших важную роль в исламизации Черной Африки. С этого времени началось интенсивное использование путей из Марокко через эрги Эгиди и Шеш до Томбукту наряду с древней гарамантской дорогой от Триполи к Нигеру, до Кавара и оз. Чад, а также путем от Хартума через Кордофан и Дарфур к Чаду.

Немалый интерес представляют в этой связи записки марокканского купца Абдаллаха ибн Батуты, который в 1352–1354 гг. пересек Западную и Центральную Сахару, добравшись до Томбукту и Гао, и изложил свои впечатления в книге «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах путешествий». Он оставил подробное описание оазисов, расположенных в центре Сахары.

Привлекает внимание рассказ Абдаллаха о пересекавших Великую пустыню караванах. До того как пуститься в путь, пишет он, верблюдов несколько месяцев откармливали на пастбищах Северной Африки или Сахеля. Караван, с которым он путешествовал, насчитывал 1 тыс. дромадеров, а в некоторых караванах число верблюдов достигало 12 тыс. Их вели высокооплачиваемые проводники, хорошо знавшие Сахару и населявшие ее племена. Нередко за несколько дней до прибытия в оазис вперед высылали гонцов, с тем чтобы они доставили путникам воду [14].

В то же время каких-то специальных научных целей Абдаллах перед собою не ставил. «Судьба, — пишет академик И.Ю. Крачковский, — сделала из него географа, так сказать, волей-неволей и выработала в нем редкий для арабов тип путешественника ради путешествия, который обрек себя на скитания из неудержимой страсти к ним и любопытства <...> Интерес к местам у него был всецело подчинен интересу к людям, и, конечно, ни о каких изысканиях в области географии он не думал, но, может быть, поэтому его книга оказалась единственным в своем роде описанием мусульманского и вообще восточного общества в XIV веке. Это — богатая сокровищница не только для исторической географии или истории своего времени, но и для всей культуры той эпохи» [6. С. 428].

Пока арабы заново открывали Сахару, в Европе о ее существовании... просто забыли! В 1415 г. португальский принц Генрих, прозванный позже «Мореплавателем», с удивлением узнал во время осады Сеуты от пленных, что к югу от Атласских гор находится огромная пустыня и что арабы направляют через нее караваны к большой реке, откуда доставляют золото и рабов. Эта информация наложилась на библейскую легенду о стране Офир, и, став королем, Генрих решил достичь месторождений золота и мест охоты за рабами морским путем, обойдя Сахару с запада, по Атлантическому океану. В течение 40 лет он посылал для этого одну экспедицию за другой [9. С. 242].

Побудить португальцев плавать вдоль африканского побережья оказалось не так просто. Они были убеждены, что южнее мыса Кабо да Нао (мыса Нет), лежащего на

широте Канарских островов, спуститься невозможно, поскольку океан там заполнен песчаными отмелями и опасными рифами. Более того, существовали опасения, что становящееся все более жарким по мере продвижения на юг солнце высушивает океан. В конце концов психологический барьер был преодолен, и португальские каравеллы устремились вдоль безводного, лишённого каких-либо признаков жизни побережья. Не было ни гаваней, ни устьев рек, где корабли могли бы укрыться от шторма, ни возможностей пополнить запасы пресной воды. С берега налетали хамсины, поднимавшие в воздух тучи песка, который окутывал каравеллы как густой туман. Тем не менее мореплаватели мужественно пробивались вперед и в 1445 г. достигли Зеленого мыса, обогнув Великую пустыню с запада.

Представления о Сахаре оставались в то время крайне смутными. На издававшихся в Европе географических картах повторялись названия одних и тех же давно исчезнувших полуполюгендарных народов — гарамантов, гетулов, лотофагов.

Проникнуть вглубь Великой пустыни европейцам впервые удалось лишь в середине XV в. В 1441 г. португальский мореплаватель А. Гонсалвиш достиг глубоко вдававшегося в океан узкого полуострова, который он назвал Капо Бранко (Белый мыс) из-за покрывавшего его белого песка. Португальцы обследовали близлежащие уэды, но вопреки ожиданиям золота в них не нашли. Тем не менее они назвали открытую ими местность Рио-де-Оро (Золотой рекой).

На берег А. Гонсалвишем был высажен знающий арабский язык моряк Ж. Фернандиш с заданием углубиться в Сахару для поиска золота и сбора сведений об «Индиях» и «Земле священника Иоанна» (Абиссинии) [21. С. 72]. Его сопровождал вождь одного из местных племен, побывавший в Португалии. Путешествие моряка длилось 7 месяцев, по истечении которых он был подобран к югу от бухты Гете (Аргин) португальскими кораблями [9. С. 242]. Он передвигался по пустыне на верблюде с проводником, который ориентировался по звездам и полету птиц. В своих путевых записях Ж. Фернандиш сетует на трудности путешествия «через глубокий песок в давящую жару» [19. С. 19]. Месторождений золота он не обнаружил, зато выяснил, что кочевникам и жителям оазисов его привозят из страны, называемой «Гвинея». Ж. Фернандиш составил описания обычаев племен и фауны пустыни, собрал сведения о плодородной земле, находящейся к югу от Сахары и населенной неграми, о торговле, караванных путях и оазисах. Судя по всему, португальцу удалось достичь Сахеля. Во всяком случае он пишет в своих заметках о стадах газелей и страусов, о ласточках и аистах [21. С. 73].

В получении европейцами сведений о Сахаре огромную роль сыграл Аль-Хасан аль-Феси (Лев Африканский). В начале XVI в. он сопровождал своего дядю, выехавшего с дипломатическим поручением султана Марокко Мухаммеда Португальца в государство Сонгаи в Западном Судане. После этого он побывал в Египте, Ливане, Ираке, Персии, Азербайджане, Армении, Стамбуле, совершил второе путешествие в Судан. Ок. 1520 г. возвращавшийся в Марокко из Египта Аль-Хасан у острова Джерба был захвачен сицилийским капером П. Бовадильей и вместе с жирафом подарен папе Льву X. Находясь в Риме, Аль-Хасан принял христианство и крестивший его папа нарек его Джованни Леоне, дав новообращенному имя своего святого. Вскоре Леоне получил прозвище «Африканский».

В 1526 г. им была закончена книга «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть», вплоть до начала XIX в. служившая европейцам основным источником знаний об Африканском континенте [13. С. 11]. В ней содержится в том числе и

подробное описание Сахары и населяющих ее племен. «Ливия, — отмечает автор, — страна очень пустынная, сухая и сплошь песчаная. В ней нет ни источников, ни рек, а вода есть только в некоторых колодцах, где она скорее соленая, чем пресная, да и таких немного. Там есть такие места, в которых на протяжении шести и семи дней пути нет никакой воды, и купцам приходится везти ее в бурдюках на верблюдах<...> Купцам очень опасно отправляться в это путешествие в какое-либо другое время года, кроме зимы, потому что тогда дуют или сирокко или южные ветры. Они поднимают столько песка, что засыпают колодцы, и купцы, выезжающие с надеждой найти воду в обычных местах, не узнают ни признака, ни следа колодцев, так как они засыпаны песком, и умирают от жажды. Путешественники часто видят в разных местах, как белеют их кости и кости их верблюдов» [8. С. 44–45]. Рассказывая о собственных путешествиях по Сахаре, он пишет: «Иногда мы теряли дорогу, на которой можно было найти воду, из-за того, что заблудился проводник. В другой раз мы нашли колодцы, засыпанные песком. Иногда проходы к воде удерживали враги, так что было необходимо экономить то немногое, что у нас было, и самое лучшее, что мы могли сделать, — это распределять воду, которой с трудом должно было хватить для питья в течение пяти дней, еще на столько же дней» [8. С. 45].

Хотя Лев Африканский и отмечает, что гиды, бывало, теряли дорогу, в целом он отзывается о них очень высоко. В частности, он повествует, как некий проводник по имени Амр сбился с пути из-за болезни глаз. Тогда он потребовал, чтобы через каждую милю ему давали песок, который он нюхал. Неожиданно гид заявил: «Знайте, что мы недалеко от населенного места». Ему не поверили, но действительно, пройдя еще 40 миль, караван, углубившийся к тому времени в Сахару на 480 миль, прибыл в оазис [8. С. 30].

Описывая населявшие Сахару племена, Лев Африканский указывает, что многие из кочевников, в частности окба, урва, муслим, дулейм, хададж и др., являются «людьми дикими», «чуждыми всякой человечности», «живущими убийствами и грабежами» [8. С. 28–31]. Вместе с тем он признает, что заниматься набегами их вынуждают нищета, отсутствие каких-либо источников доходов [8. С. 30–31]. Одновременно Лев Африканский констатирует, что не все жители пустыни таковы, характеризуя членов племен бени амир, сувейд, селим как «людей очень храбрых и богатых», «знатных и доблестных», которые «пользуются большим уважением и имеют большое влияние» [8. С. 28–30].

Систематические исследования Сахары европейцами начались в конце XVIII — начале XIX в., когда они, закрепившись на побережье Африки, стали продвигаться вглубь континента. Великая пустыня интересовала их, впрочем, не столько сама по себе, сколько как район, через который пролегал, согласно легендам, пути к богатым золотом странам. В Триполи начиналась древняя караванная тропа, по которой через оазисы Джофра можно было достичь Мурзука — важнейшего торгового центра и одного из самых крупных рынков рабов во всей Сахаре. Путь через Помму-Бруннен вел к оазисам Кавар и далее к находящемуся на берегу озера Чад городу Кукава. Еще и сейчас в глубинных районах Великой пустыни нам попадались эти старые тропы следования караванов — «колеи», выбитые сотнями тысяч ног животных и людей, которые пересекали Сахару по доброй воле либо в качестве рабов.

Это, третье по счету, открытие Великой пустыни, совершалось медленно. Еще в 1850 г. о ней в европейских школьных учебниках говорилось: «Сахара, столица Агабли» (на самом деле так назывался крошечный оазис, затерянный в районе Ин Салаха в Ал-

жире) [17]. После первых же попыток проникнуть вглубь пустыни — попыток, многие из которых терпели неудачу, а некоторые завершались трагедиями — о ней возникло устойчивое представление: редкие колодцы, невыносимая жара, обжигающие ветры, которые вздымают в воздух облака песка, погребаящие целые караваны, миражи, львы, пантеры и гигантские змеи и в довершение всего ужасные туареги, готовые перерезать горло любому, кому удалось избежать остальных опасностей. Действительно, от рук кочевников погибло не так уж мало путешественников. Нападения на них объясняются не только «рутинной привычкой» к грабежу караванов или ненавистью к неверным, но и вполне обоснованными опасениями, что вслед за исследователями по открытым ими путям придут солдаты.

Тем не менее в 1793 г. английский археолог У. Браун стал первым европейцем, достигшим Аль-Фашира, столицы Султаната Дарфур. Эта страна, так же как и лежавший к востоку от нее Кордофан, оставалась для Европы «terra incognita», хотя они были связаны караванными путями с Эфиопией и Египтом. У. Браун, примкнув к суданскому каравану, добрался до Аль-Фашира через Асьют т.н. «сорокадневным путем» протяженностью в 1700 км, который пролегал через цепь оазисов впадины Харга, пустыни и сухие саванны. Выдававший себя за купца англичанин хотел заняться исследованиями Дарфура, но султан не разрешил ему этого. У. Браун провел в Аль-Фашире 3 года, пока в 1796 г. правитель Дарфура не разрешил ему вернуться в Египет тем же «сорокадневным путем». Написанный им отчет оставался вплоть до 20 гг. XIX столетия единственным описанием Дарфура — страны площадью 0,5 млн кв. км [10. С. 176].

В 1788 г. в Великобритании была создана Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки, которая снарядила целый ряд важных экспедиций. Правда, первые организованные ею попытки проникнуть в Сахару окончились неудачей. Направленные Ассоциацией в 1788 г. два англичанина Ледъярд и Льюкас, которым было поручено достичь Гвинейского залива (первому — из Триполи, второму — из Каира), умерли в самом начале пути.

В 1808 г. немец Ф. Хорнеман, переодетый арабским купцом и вызубривший Коран, добрался до Мурзука и попытался оттуда с ежегодно направлявшимся на юг караваном достичь Борну, но скончался от болезни на Нигере в стране Нупе. В 1817 г. перед двумя англичанами Ритчи и Лайоном была поставлена задача пересечь Сахару от Триполи до Борну, но Ритчи умер в Мурзуке, а Лайон был вынужден прервать свое путешествие в Центральном Феззани.

Первыми европейцами, которые смогли пересечь Сахару с севера на юг, стали англичане — врач К. Хью и офицеры У. Аудни и Д. Денем. При этом У. Аудни был назначен консулом в Борну, хотя ее никто из жителей Европы еще в глаза не видел. В 1822 г. они отправились из Триполи на юг и, пройдя через оазис Мурзук и преодолев 2 тыс. км, увидели сверкавшую под лучами солнца гигантскую водную поверхность озера Чад [11. С. 260–261]. У. Аудни вскоре умер от болезни, а Д. Денем и К. Хью разделились — первый остался обследовать берега Чада, а второй, отправившись в Западный Судан, побывал в Кано и Сокото. Вновь встретившись в Кукаве, они еще раз пересекли Сахару, на этот раз с юга на север, и добрались до Триполи, откуда в 1825 г. вернулись в Лондон. Путешественники определили координаты Чада и развеяли давние легенды о том, что в это озеро впадает Нигер и из него вытекает в Нил, доставили в Англию сведения о мусульманских государствах Борну, Багирми, Сокоту, населяющих их народах и городах, привезли рукопись на арабском языке, содержащую описание истории и географии государства

Такрур, автором которой был его правитель Мухаммед Хаусский. Их дневники были в 1826 г. изданы в Лондоне под заголовком «Рассказ о путешествиях и открытиях в Северной и Центральной Африке в 1822, 1823 и 1824 годах» [19].

В это время все большее внимание европейцев начинает привлекать загадочный Томбукту, слухи о красоте и несметных богатствах которого ходили по Европе еще в XIV в. Географические общества Великобритании и Франции учредили даже специальные призы для того, кто первым доберется до этого «африканского рая». Первым, кто побывал в Томбукту, стал английский офицер Г. Лэнг, достигший этого города в 1826 г. через Триполи, Гадамес и Хоггар. Но на обратном пути его караван подвергся нападению. Г. Лэнгу обещали сохранить жизнь, если он примет ислам, но англичанин отказался и был убит. Все его дневники пропали, и Томбукту продолжал оставаться загадкой для Европы.

Вернуться оттуда живым и получить премию удалось французу Р. Кайе, выдававшему себя за бежавшего из французского плена египетского солдата. Он добрался до Томбукту в 1826 г. с караваном, вышедшим из Западной Африки и насчитывавшим 1200 животных [15]. Попав в город, он был крайне удивлен тем, что дома там сделаны из глины, а не из золота, что от роскошных некогда дворцов остались развалины и что забывший о былом величии город живет лишь за счет торговли солью. На обратном пути Р. Кайе пересек Сахару в северном направлении до Танжера. Его путешествие заняло 505 дней [17].

Весьма интересные описания путешествия по пустыне из Донголы в Хартрум оставил знаменитый немецкий ученый А. Брем. На Ближний Восток он попал благодаря случаю. В конце 40-х годов XIX в. капиталист, орнитолог и к тому же аферист и авантюрист барон Дж. фон Мюллер решил совершить путешествие в Египетский Судан. Ему был нужен хороший препаратор-чучельщик, и он предложил А. Брему сопровождать себя в качестве секретаря. Поднявшись по Нилу до Донголы, путешественники решили обойти 4-й, 5-й и 6-й пороги по пустыне.

На А. Брема огромное впечатление произвели беговые верблюды — хеджины (мехари). Он пишет о хеджине как о «совершеннейшем из всех известных мне верблюдов, способном в течение суток ровной рысью пройти 5 (37 км. — А. П.), без особого усилия 10 [74 км. — А. П.], а с усилием даже до 20 немецких миль (148 км. — А. П.)» [1. С. 106].

А. Брем поэтично и абсолютно точно описывает ночевки в Сахаре: «Воздух пустыни как всегда чист и прозрачен, над нами вечным светом сияют ясные звезды. Кроме шума, производимого нашим караваном, не слышать ни одного звука: глубокая, торжественная тишина объемлет темную равнину. Маленький костер лишь на несколько шагов освещает землю; вокруг огня в различных положениях сидят и лежат нубийцы, варящие свое незатейливое кушанье: зерна дурры в воде. Вне лагеря широким полукругом расположились верблюды, они лежат со спутанными ногами и пережевывают жвачку; огонек от костра часто отражается в их блестящих глазах. Таков живописный вид кочующего каравана в пустыне. Кто бы мог описать бесконечную прелесть этой ночи, кто мог хотя бы вообразить ее, не испытав сам ее прелести! Как благодетельна прохлада ночи после трудов и зноя томительного дня» [1. С. 114].

Не все путешествие проходило благостно и тихо — исследователи попали в самум. Вот что пишет об этом А. Брем: «Днем вдруг наступает почти сумрак. Едва можно различить предметы на ста футах расстояния. В действительности должен быть полдень. Тогда с юга или юго-запада поднимается тихий горячий ветер; от времени до времени

налетают сильные отдельные порывы. Наконец завывла буря, поднялся ураган, песок крутится вверх, густые тучи застилают воздух. Если всадник вздумает стоять против ветра, его унесет вон из седла, а верблюда никакими силами не заставишь идти далее. Караван принужден остановиться. Верблюды ложатся на землю, фыркают и стонут; слышны беспокойные неправильные вздохи перепуганных животных. Арабы поспешно пристраивают все меха с водой с той стороны лежащего верблюда, которая его же телом защищена от ветра, это для того, чтобы уберечь их поверхность от иссушающего влияния сухого ветра; сами арабы как можно плотнее закутываются в свои плащи и также ищут приюта за ящиками и тюками» [1. С. 119].

В январе 1848 г. путешественники прибыли в Хартум, откуда направились в Кордофан. После этого они вернулись в Египет, а затем в 1849 г. А. Брем отправился в свою вторую экспедицию, на этот раз в Сеннар и Росерес на Голубом Ниле. Возвратившись в Хартум, он познакомился там с... двумя россиянами. Одним из них был С.Ц. Ценковский, прикомандированный Русским географическим обществом к экспедиции, возглавлявшейся инженером и дипломатом Е.П. Ковалевским и направленной в Судан по просьбе египетского паши Мухаммеда Али для поиска золота и налаживания его добычи. В 1848 г. С.Ц. Ценковский отделился от партии Е.П. Ковалевского и поселился сначала в Росересе, а затем в Хартуме. Другим оказался купец Бауэрхорст, который, получив хорошую прибыль от продажи привезенных им товаров, намеревался вернуться в Санкт-Петербург. Бауэрхорст буквально вызволил А. Брема из свалившейся на того беды. Дело в том, что Дж. фон Мюллер к этому времени обанкротился и немецкий исследователь оказался за тысячи километров от побережья Средиземного моря без средств к существованию. И тут Бауэрхорст предложил А. Брему взять его со всем багажом в Каир и заплатить за него все дорожные издержки, что позволило ученому выбраться из Судана [1. С. 568–569].

В 1849 г. делу исследования Великой пустыни была принесена очередная жертва: был убит направлявшийся из Марокко в Томбукту англичанин Дэвидсон. В то же время путешествие в следующем году из Сен-Луи в Могадор французского исследователя Л. Пана завершилось благополучно.

Экспедицией, по праву вошедшей в анналы географических открытий, стало путешествие англичанина Дж. Ричардсона и сопровождавших его немецких ученых А. Офервега и Г. Барта. Отправившись в 1845 г. из Туниса в Триполи, Дж. Ричардсон добрался затем оттуда через Гадамес до Гата и собрал сведения о туарегах. Вернувшись в Лондон, он опубликовал в 1849 г. работу в 2-х томах «Путешествия по великой пустыне Сахара» [20].

После этого он убедил правительство Соединенного Королевства профинансировать еще одну экспедицию, перед которой была поставлена задача разведать пути, ведущие от побережья Средиземного моря в Западный Судан и изучить возможность налаживания торговли с находящимися там странами. В марте 1850 г. Дж. Ричардсон, А. Офервел и Г. Барт оставили Триполи и, достигнув Мурзука, повернули на запад к оазисам, находящимся к востоку от Хоггара. Оттуда они вновь отправились к югу, пересекли плато Аир, после чего вышли из Сахары.

Их следующей целью был Чад, но Дж. Ричардсон так и не добрался до озера: 4 марта 1851 г. он умер в местечке Нгурутта в шести днях пути от Кукавы. Г. Барту удалось доставить его дневники в Лондон, где они были опубликованы в 1853 г. под заголовком «Рассказ о миссии в Центральной Африке» [20]. После кончины Дж. Ричардсона на-

чальство над экспедицией перешло к А. Офервегу, но и он в сентябре 1852 г. умер от тропической лихорадки. Посланный, чтобы заменить Дж. Ричардсона, немец Фогель был убит в Вадае.

Оставшийся в одиночестве Г. Барт не потерял мужества и решил продолжить исследования. Он добрался до Чада, став после Д. Денема, Х. Клампертона и У. Аудни первым европейцем, увидевшим это озеро. Изучив территорию между Чадом и Нигером, Г. Барт направился, продолжая исследования, через Борну в Гат, в окрестностях которого обнаружил петроглифы, и оттуда в августе 1855 г. прибыл в Триполи. За шесть лет пребывания в Сахаре и Судане он преодолел 20 тыс. км, проделав буквально сверхчеловеческую работу [3]. Опубликованный им в 1855–1858 гг. пятитомный труд «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке в 1849–1855 гг.» и сейчас рассматривается как эталон описаний Великой пустыни и Сахельской зоны [18. С. 167].

Со второй половины XIX в. исследования Сахары начинают весьма интенсивно проводить французы, которые, оккупировав Северный Алжир, стремятся теперь покорить сахарские племена и установить связь с завоеванным ими Сенегалом. В 1860 г. штабс-капитан Вэнсан исследует Адрар, в 1861 г. находящемуся на французской службе негру из Сен-Луи Бу-ль-Могдаду удается добраться через Сахару до Марокко. В 1859–1861 гг. в алжирскую Центральную Сахару сумел проникнуть А. Дюверье, описавший свои впечатления в весьма интересных работах, посвященных туарегам. Но, как и раньше, путешествия по Великой пустыне сопряжены с немалым риском. Немецкого путешественника Боерманна, отправившегося в Сахару в 1861 г. из Бенгази, убивают в 1863 г. в Канеме.

Свой вклад в исследование Великой пустыни вносили не только ученые и военные разведчики, но и авантюристы. Об этом свидетельствуют путешествия по Сахаре немца Г. Рольфса. Он вступил сначала в австрийскую армию, но служба там показалась ему, похоже, слишком «пресной». Дезертировав оттуда, он завербовался во французский Иностраннный легион. Во время четырехлетнего пребывания в Алжире, где в Орлеанвиле находилась «колыбель Легиона», он принял участие в ряде военных походов, хорошо выучил арабский язык, освоил мусульманские обряды и местные обычаи [11. С. 265]. После увольнения в 1861 г. в отставку Г. Рольфс, выдав себя за мусульманина, поступил на службу к султану Марокко как придворный и военный врач. Вместе с марокканцами он дважды переваливал через Высокий Атлас и добирался до оазисов Туат. Его мечтой было попасть в еще неизвестную европейцам Куфру. Г. Рольфс попытался сделать это, отправившись туда из Мурзука через оазисы Кавар, но был остановлен сенуситами, которые, возможно небезосновательно, приняли его за разведчика. Тем не менее ему удалось убедить их, что он преследует чисто научные цели, и в 1879 г. Г. Рольфс добрался-таки до Куфры. Он оказался увлекательным рассказчиком, а опубликованная им двухтомная книга «Через Африку» быстро стала бестселлером [11. С. 266]. Г. Рольфс оставался при этом убежденным поборником колониализма, считая, что, поскольку арабы не хотят цивилизоваться, т.е. подчиняться не своим, а французским законам, их следует загнать в пустыню, из которой они пришли [18. С. 168].

В это же время проникнуть в Сахару отважилась и первая женщина — дочь богатого голландского купца А. Тинне. Она путешествовала со столь большой свитой, что ее стали считать «дочерью короля». А. Тинне сумела достичь Мурзука, но к югу от этого оазиса караван подвергся нападению, в котором приняли участие и ее собственные проводники, и 29-летняя путешественница была убита [18. С. 169].

Существенный вклад в изучение Сахары внес немецкий военный врач Г. Нахтигаль. В 1861 г. он прибыл в Алжир, откуда перебрался в Тунис, где, став придворным врачом, хорошо изучил арабский язык и был мусульманом. В январе 1869 г. Г. Нахтигаль направился из Триполи в Мурзук, но продвинуться оттуда дальше к югу не смог: путь преградили отряды воинственно настроенных бедуинов. Тогда он решил отправиться на юго-восток в населенную тубу таинственную страну Тибести, где не побывал еще ни один европеец. Путешествие оказалось не слишком удачным — в Тибести он был ограблен, но остался жив, сумев к тому же сохранить свои путевые заметки, не заинтересовавшие грабителей. После этого Г. Нахтигаль вернулся в Мурзук и в 1870 г., закончив пересечение Сахары, достиг Борну, где прожил 3 года в качестве гостя местного султана. В 1874 г. он, отправившись в обратный путь, прошел на восток от Чада к Белому Нилу, пересек плато Дарфур и Кордофан и затем, спустившись по Нилу, вернулся в 1875 г. в Германию. Опубликованный Г. Нахтигалем в 1879–1889 гг. трехтомный труд «Сахара и Судан» дал европейским читателям возможность ознакомиться в том числе и с нагорьем Тибести, переставшим отныне быть «белым пятном» на карте Африки [11. С. 266].

Тем временем французы настойчиво пробивались через Сахару к Томбукту. Из-за упорного сопротивления не желавших подчиниться колонизаторам кочевников этот путь превратился в настоящую дорогу страданий и смерти. В 1874 г. П. Солейе, пытавшийся добраться до находящегося в группе оазисов Туат Ин Салаха, едва успел спастись бегством. В том же 1874 г., а затем в 1875 г. В. Ларжо не удалось пробиться дальше Гадамеса, а в 1877 г. он в свою очередь не смог достичь Ин Салаха. В том же году закончилась неудачей попытка капитан-лейтенанта Л. Сея проникнуть в Хоггар.

Более успешным, как казалось сначала, могло стать путешествие немецкого исследователя Э. фон Бари. Он добрался до Гата, откуда попытался проникнуть в Аир. Но здесь счастье ему изменило — он не сумел достичь поставленной цели и вынужден был в 1877 г. вернуться в Гат. Видимо, туркам его деятельность показалась подозрительной, и после обеда у губернатора Гата Э. фон Бари неожиданно умер, умудрившись, как было объявлено, выпить «плохого кофе» (остальные участники трапезы, пившие тот же самый кофе, почему-то остались в живых) [18. S. 290].

Единственным европейцем, сумевшим благополучно достичь в 1880 г. из Марокко через Томбукту Сенегала, стал в то время австриец О. Ленц.

В это время возникла идея проложить транссахарскую магистраль. Ее выдвинул французский инженер Дюпоншель, опубликовавший в 1878 г. книгу «Транссахарская железная дорога. Соединение Алжира с Суданом». Идея Дюпоншеля воспламенила общественное мнение, и, уступая его давлению, французское правительство решило направить военную экспедицию через Хоггар в Нигер и Чад, чтобы наметить трассу дороги. Сделать это было поручено полковнику Флаттеру. В начале 1880 г. он покинул Бискру, но, натолкнувшись на враждебное отношение бедуинов, не смог продвинуться дальше озера Манхуг. К концу 1880 г. Флаттер подготовил новую экспедицию, и 4 декабря 97 солдат и офицеров оставили Уарглу [17]. На этот раз им удалось пройти по уэду Миа до Хасси Инифель, затем до оазиса Амгид в Хоггаре и начать пересечение себхи Амагдор. Но около местечка Тадженут, расположенного к юго-востоку от Хоггара, отряд Флаттера был окружен туарегами и перебит до последнего человека.

Французы не отказались, тем не менее, от задачи разведать пути на юг. В 1883 г. Ф. Фу-ро добрался до гельты Айн Тейба, находящейся к западу от Игарара и в 175 км к югу от Уарглы. В 1890–1897 гг. он семь раз в одиночку пытался проникнуть дальше и семь раз

вынужден был отступить перед угрозой нападения туарегов [17]. В 1892 г. потерпели неудачу Мери и Б. д'Аттану, в 1896 г. в туниССкой Сахаре туарегами был убит маркиз де Морес, погибли насильственной смертью на пути из Гадамеса в Гат миссионеры Ришар, Мора и Пунлар. В 1886 г. в Туате был убит лейтенант М. Паля, пытавшийся добраться до Томбукту, а в 1889 г. — К. Дуль. Как констатировал Ф. Фуру: «Пересекать регулярно и в относительной безопасности страну туарегов можно, лишь опираясь и создавая по всему пути следования хорошо укрепленные посты, гарнизонам которых было бы поручено патрулировать пути: все это, естественно, если есть желание установить связь между Суданом и Алжиром» [17].

В конце XIX в. в Сахаре начали появляться российские исследователи. В 1875 г. путешествие по Ливийской пустыне совершил В.В. Юнкер, окончательно опровергший предположение о существовании там древнего русла Нила, а также обнаруживший, что находящиеся в этой зоне оазисы расположены не ниже, как считалось ранее, а выше уровня моря.

Тогда же была предпринята и первая в России попытка изучения таинственных туарегов. В феврале 1885 г. к ним по поручению Российского императорского географического общества был направлен этнограф и антрополог А.В. Елисеев. Он планировал добраться из Триполи до Гадамеса, а оттуда проникнуть в Феззан. Однако в оазисе Мансура, где попавший в самый караван потерял одного старика-купца и трех верблюдов, стало известно, о «волнениях среди туземцев впереди нас и о насилиях, которым подвергался караван, вышедший из Триполи за неделю до нашего» [4. С. 4]. Узнав об этом, караван-баши принял решение незамедлительно вернуться в Триполи.

Тем не менее, завершив свою поездку по Тунису и Алжиру, А.В. Елисеев предпринял еще одну попытку. На этот раз он смог добраться до Гадамеса после пятнадцатидневного путешествия с караваном, отправившимся из Уарглы [7. С. 238–239]. В Гадамесе А.В. Елисееву, оказывавшему медицинскую помощь туарегам, удалось познакомиться с их жизнью и бытом. Он был восхищен этими «властителями пустыни», о которых он пишет как о «свободолюбивых, гуманных, всосавших понятие о равенстве с молоком матери» людях [4. С. 42].

А.В. Елисеев дал первое в русской научной литературе описание туарегов: «Главное отличие туарега от других народов, — подчеркивает автор, — это то, что он вечно покрыт родом вуали <...> Никогда не снимает своего покрывала туарег, даже когда ест или спит <...> Одежда туарегов немудрёна и состоит из голубой блузы шерстяной материи и таковых же панталон, перетягивающихся поясом, часто красного цвета; красный, белый или голубой плащ набрасывается на плечи; амулеты, украшающие шею, пояс и грудь суеверного туарега, дополняют его наряд, так же как и оружие.

...Интересен обычай носить небольшой кинжал на левом предплечье и каменное кольцо на правом, что придает последнему силу и упор при употреблении оружия, как думают туареги. <...>

Словно могучий орел с невидимой выси поднебесья, обозревает туарег свой округ, не пропуская своим взором ни одной бегущей мышки, ни одной птички на дюнах; туарег — хозяин и властитель данной области, хотя бы она тянулась на целые сотни верст <...> Как ни однообразен местный рельеф Сахары, но туарег не потеряет в ней дороги; и земные, и воздушные, и небесные признаки равно руководят им в пути. Не только одинокая дюна, но даже пучок жидкой травы или кусочек тарфы служат для него верными вехами, как и брошенный камешек на пути или побелевший скелет вер-

блюда. Даже в случаях ночных переходов или песчаной бури не теряется туарег в пути, руководствуясь чутьем как лучшая ищейка» [4. С. 43]. Но при этом А.В. Елисеев не идеализирует туарегов, не игнорирует их роль в работоторговле, пишет о набегах на юг с целью захвата рабов [4. С. 42].

Из Гадемеса путешественник намеревался проникнуть вглубь Феззана, но караван, с которым он отправился в путь, был обстрелян туарегами и вернулся назад. Получивший в этой стычке ранение в руку, А.В. Елисеев отбыл с другим караваном в Алжир, а оттуда — в Россию [4. С. 44].

Позже он попытался проникнуть в Восточный Судан, находившийся в то время под властью махдистов. Египет, писал он, особенно чувствительно относился к бунту в этой стране, и каирский сук Хан аль-Халиль «был лучшим местом, где можно было ознакомиться с событиями не из рассказов малосведущих европейцев, а со слов очевидцев» [2. С. 237]. В сентябре 1893 г. он, переодевшись арабом, отправился с четырьмя сопровождающими от Асьюта через пустыню в Омдурман. Однако его небольшой караван был ограблен, и чудом спасшемуся А.В. Елисееву пришлось вернуться назад. «Несмотря на такое печальное окончание задуманного предприятия, я не считаю его вполне бесполезным для намеченной мной цели <...> Мне удалось проехать по Ливийской пустыне <...>, добраться до области, занятой махдистами, и повернуть обратно не по недостатку решительности или инициативы, а по совершенной невозможности дальнейшего движения. Мне удалось при том все-таки видеть войников грозного Омдурманского калифа и попутно от встречных номадов и обитателей оазисов, а также некоторых туземцев, побывавших в Судане, собрать много сведений, еще не опубликованных даже англичанами» [5. С. 239]. Любопытна оценка А.В. Елисеевым значения образования махдистского государства, совершенно обоснованно расцененного им как выходящее за локальные географические и временные рамки. «Вопрос о возникновении и дальнейшем развитии царства махдистов, — писал он, — интересен для нас не с одной политической стороны, гораздо важнее и интереснее изучение его с точки зрения общечеловеческой культуры и процесса развития нового мусульманского государства, основанного на новых началах» [5. С. 239].

Эпоха одиночных путешественников, пробиравшихся, рискуя жизнями, от одного оазиса к другому, подходила к концу. Наступали иные времена. Как когда-то римляне, сооружая лимы, постепенно оттесняли гарамантов и берберские племена все дальше в пустыню, так и теперь воздвигаемые французами и итальянцами цепи фортов и опорных пунктов вытягивались на юг, позволяя устанавливать контроль над все более и более обширными территориями.

На смену путешественникам пришли геодезисты. Уже в 1900 г. батальоны военных топографов исколесили вдоль и поперек огромные пространства, нанося на карты себхи, реги, горы, уэды, караванные пути, оазисы и даже отдельные колодцы.

В 1899–1902 гг. экспедиция, возглавляемая французским офицером Ж. Тильо, провела демаркацию границ в Южной Сахаре и Западном Судане. В 1908–1909 гг. им были исследованы области к востоку и северо-востоку от оз. Чад, включая Боделе — одну из двух весьма труднодоступных впадин в Великой пустыне. В 1911–1912 гг. Ж. Тильо руководил топографическими съемками в алжирской Сахаре. В 1912–1917 гг., участвуя во французских колониальных военных экспедициях, он изучил область Борку и обширное, занимающее площадь в 100 тыс. кв. км нагорье Тибести, после чего исследовал оазисы Эрди и Эннеди. Его работы по Тибести стали настоящим открытием этого

нагорья, а результаты маршрутных съемок протяженностью ок. 10 тыс. км позволили полностью изменить представление о рельефе Центральной Сахары [11. С. 266]. Отныне изображение Великой пустыни приобрело тот вид, который воспроизводится на современных картах.

В 1919 г. было начато разграничение границ между Англо-Египетским Суданом и Французской Экваториальной Африкой. Основные работы по картированию пограничной полосы протяженностью 2,5 тыс. км были проведены французским офицером П. Бульнуа, служившим в английской армии. Работа проводилась двумя смешанными англо-французскими отрядами, один из которых осуществлял съемку приграничных зон в Сахаре, а другой — в находящихся к югу от нее районах. За 5 месяцев северный отряд, передвигавшийся на верблюдах, заснял 400 км безводной пустыни, покрытой редкими холмами [12. С. 103]. Была описана, в частности, невысокая безымянная возвышенность, откуда берет начало вади Ховар, бывшее когда-то левым притоком Нила.

Белым пятном на карте продолжала оставаться Ливийская пустыня, занимающая площадь в 2 млн кв. км. Отпугивали не только ее безводные пространства с крайне редко встречающимися колодцами, но и контроль над нею сенуситов, продолжавших упорно сопротивляться итальянским колонизаторам. Тем не менее в 1920 г., через 40 лет после Рольфа, в Куфру решила проникнуть англичанка Р. Форбс, весьма разумно заручившаяся предварительно поддержкой главы ордена Идриса ас-Сенуси. Имея на руках его «охранную грамоту», она прошла от Бенгази на юг 1 тыс. км и добралась до Куфры, оказавшейся группой из шести оазисов с возделанными полями, оливковыми деревьями, пальмами и виноградниками. К средиземноморскому побережью экспедиция вернулась новым путем, через эрг Каланшо, пройдя с топоъемкой по неизученной местности более 600 км [12. С. 106–107].

В начале 1923 г. путешествие в Куфру совершил сын египетского вельможи А. Хасанейн, до этого принявший участие в экспедиции Р. Форбс. Он провел в этом оазисе две недели, выясняя, можно ли продвинуться дальше на юг. Узнав, что там находятся два поселка — один на расстоянии шести переходов, а в четырех днях пути далее — другой, он в конце апреля покинул Куфру. Первый из оазисов обнаружить не удалось — там, где он должен был находиться, не было даже колодца. К счастью, в кавернах скал удалось собрать питьевую воду, и экспедиция смогла продолжить путь. В конце концов Хасанейн достиг горы Увейнат, на склонах которой находилась большая деревня. Исследуя окрестности оазиса, он обнаружил многочисленные петроглифы. Дальше из-за палящего зноя пришлось двигаться только ночью. Проводники несколько раз теряли дорогу, и на протяжении 40 км встретили только один колодец. Тем не менее в начале июня экспедиция, преодолев 2 тыс. км и впервые выполнив меридиональное пересечение Ливийской пустыни, достигла первого оазиса в Дарфуре и оттуда вышла на дорогу, ведущую к Нилу [12. С. 107]. Путешествие А. Хасанейна и выполненная им съемка позволили ликвидировать одно из последних «белых пятен» на карте Сахары.

Революцию в исследованиях Великой пустыни произвело появление автомашин, довольно быстро вытеснивших в экспедициях в качестве средства передвижения верблюдов. Уже в 1923 г. было осуществлено пересечение Сахары на автомобилях, а в 1924 г. А. Ситроэн организовал «Черный круиз», в ходе которого выпускаемые им машины прошли 20 тыс. км от Алжира через Французскую Западную Африку, Французскую Экваториальную Африку и Бельгийское Конго до Мадагаскара [16]. Вскоре полноприводные и полугусеничные вездеходы начали проникать в барханы. Вплоть до конца 1950-х годов

«полюсом недоступности» оставался эрг Мурзук, но затем появление мощных внедорожников позволило пересечь и его. Видимо, первыми русскими, побывавшими в центре этого эрга, стала группа из шести человек (включая автора), добравшаяся туда в сопровождении проводника на трех «Лендкрузерах» в декабре 2005 г.

Открытие Сахары было завершено съемкой со спутников, позволившей составить абсолютно точные карты всех районов Великой пустыни, в которой теперь не осталось ни одного «белого пятна».

Литература

1. Брем А. Путешествие по Северо-восточной Африке. М., 1958.
2. Даницг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.
3. Два столетия освоения пустынь // Geo.ru, на <http://www.artkhachik.geo.ru/journalarticle/item/id/564/>.
4. Елисеев А.В. Антропологическая экскурсия в Сахару через Триполи, Тунис, Алжир: Сообщение, сделанное в общем собрании И. Р. Географического общества 1 мая 1885. СПб., 1885.
5. Елисеев А.В. По белу свету: Очерки и картины из путешествия по трем частям Старого света. СПб., 1898. Т. IV.
6. Кобищанов Ю.М. Туареги в истории Африки // Лот А. Туареги Ахаггара. М., 1989.
7. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
8. Лев Африканский. Африка. Третья часть света. Л., 1983.
9. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. I. Географические открытия народов Древнего мира и средневековья (до плавания Колумба).
10. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII вв.).
11. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1985. Т. IV. Географические открытия и исследования нового времени.
12. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1986. Т. V. Новейшие географические открытия и исследования.
13. Ольдерогге Д.И. Предисловие // Лев Африканский. Африка. Третья часть света. Л., 1983.
14. Торговый путь через Сахару, на <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%>.
15. African History: African explorers, on <http://africanhistory.about.com/library/weekly/aa06250/a.htm>.
16. Andonin-Dubreuil A. La Croisière Noire. // Sur les Traces des Explorateurs du XIXe Siècle, sur <http://www.priceminister.com/offer/buy/3297634/Andonin-Dubreuil-Ariane-La-Croisiere-Noire>.
17. L'exploration du Sahara. // Les Traverses du Temps, sur <http://www.cosmovisions.com/Chrono-SaharaExplo.htm>.
18. Göttler G. Libyen: Von Leptis Magna Zum Wau an Namus. Leck, 1995.
19. <http://hronos.km.ru/biograf/bio-k/klaperton.html>.
20. James Richardson (explorer of the Sahara), on [http://en.wikipedia.org/wiki/James_Richardson_\(explorer_of_the_Sahara\)](http://en.wikipedia.org/wiki/James_Richardson_(explorer_of_the_Sahara)).
21. Krämer W. Neue Horizonte. Das Zeitalter der Großen Entdeckungen. Leipzig; Jena; Berlin, 1972.

УДК 94

Г.С. Харатишвили

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, ПОСЕТИВШИЕ АФГАНИСТАН ПРИ ЭМИРЕ ШЕР АЛИ-ХАНЕ (1863–1879)

В начале правления эмира Шер Али-хана Афганистан представлял собой слабо централизованное феодальное государство. Власть местных феодалов была достаточно прочной. Они содержали войска за свой счет, а все налоги взимали в своих уделах сами. Лишь незначительную часть их отсылали в Кабул.

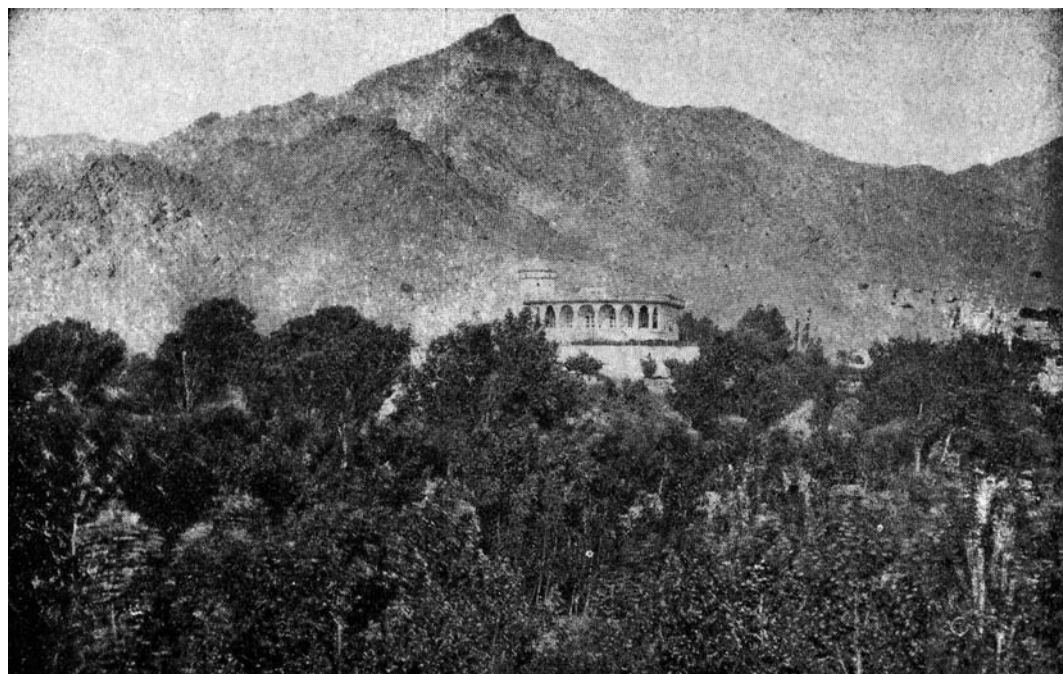
Шер Али, заняв Кабул и став единоличным правителем Афганистана, начал укреплять центральную власть и приступил к серьезным преобразованиям, направленным на модернизацию страны и вывод ее из отсталости. В налоговой сфере он попытался взимать земельный налог деньгами; реорганизовал армию, создав вполне боеспособное регулярное войско численностью до 50 тыс. человек; усовершенствовал административную систему. В 1874 г. по образцу европейских были созданы министерства: иностранных дел, обороны, финансов, внутренних дел под общим началом премьер-министра. В Кабуле и в других крупных городах была организована полиция.

В области культуры именно при Шер Али-хане впервые в Афганистане в кабульской цитадели Бала-Хисар была открыта светская государственная школа европейского типа. Началось литографическое издание книг на оборудовании, закупленном в Индии. С 1873 по 1879 гг. в Кабуле выходила первая афганская газета «Шамс ан-нахар» («Полуденное солнце»). В 1873 г. был опубликован «Календарь» («Таквим») со сведениями общеобразовательного характера. В 1870 г. была создана современная почтовая связь между городами Афганистана и с Пешаваром, а в 1871 г. выпущена первая афганская почтовая марка; было начато строительство нового города Шер-Пур. Проводились и другие преобразования. В целом проведенные при Шер Али-хане реформы в 70-е годы XIX в. привели к определенному сдвигу в культурной жизни и экономике страны.

К середине XIX в. Великобритания, мощная промышленная держава с большим количеством колоний, служившим ей источником сырья и важным рынком сбыта ее товаров, попыталась поставить и Афганистан под свой политический и экономический

Шер Али-Хан. Эмир Авганский
(1863–1879 гг.).

Дворец Чехель-Сутун в Кабуле.

контроль, по-видимому рассчитывая в будущем использовать его как плацдарм для возможного проникновения на среднеазиатские рынки. Но в 70-е годы XIX в. Россия уже занимала твердые позиции в Средней Азии, где и столкнулись особенно остро интересы двух держав. В 1873 г. царское правительство признало Афганистан «вне сферы русского влияния». Были определены границы между Бухарой и Афганистаном, что развязывало руки англичанам, и они в начале 70-х годов под лозунгом «русской угрозы» Индии перешли к активной «наступательной политике». В 1876 г. англичане активизировали захватническую деятельность в Белуджистане. Вице-король Индии потребовал от эмира Афганистана допустить английское посольство в Кабул, английских офицеров в крупные города страны, а с иностранными государствами, в особенности с Россией, не иметь никаких сношений без ведома и санкций английского правительства. Шер Али отверг претензии англичан в Пешаваре в марте 1877 г.

Переход Великобритании к открытой агрессивной политике в Афганистане привел к новому противостоянию Англии и России в регионе, что требовало от последней глубокого изучения Афганистана как в научном, так и в политическом плане, и Россия предприняла ответные шаги в этом направлении.

Новое обострение англо-афганских отношений совпало с освободительным антиосманским движением на Балканах и последовавшей русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Заключенный в 1878 г. Сан-Стефанский мир вызвал недовольство англичан из-за ряда привилегий, полученных Россией и Болгарией. Лондон стал настаивать на пересмотре мирного договора и одновременно приступил к сколачиванию антирусского блока европейских держав.

Россия предприняла ответные шаги. С целью давления на Великобританию в бал-

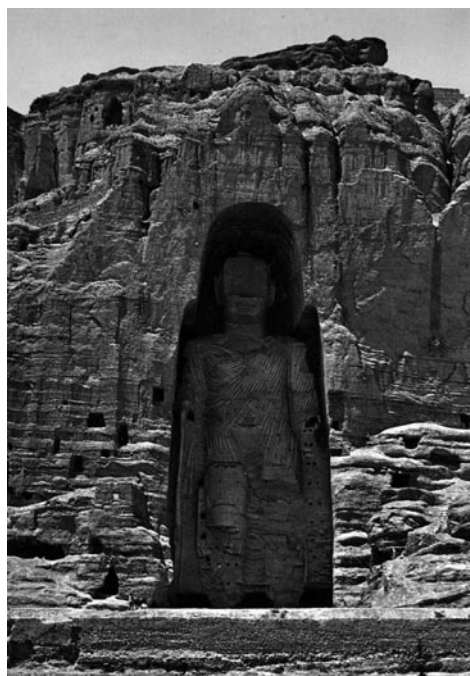
канском вопросе она продемонстрировала военную силу в Средней Азии на афганской границе и, воспользовавшись обращением афганского эмира за поддержкой к русским властям в Ташкенте, летом 1878 г. направила в Кабул официальную миссию. Ее возглавил один из героев обороны Шипки генерал Н.Г. Столетов (1834–1912), хорошо знавший нравы, традиции и обычаи народов Востока и к тому же владевший персидским языком. Н.Г. Столетов должен был убедить эмира Афганистана в выгоде для его страны укрепления дружественных отношений с Россией, а при возможности и заключить с ним союз на случай «вооруженного столкновения» с Англией [6. С. 428].

26 мая 1878 г. миссия выехала из Ташкента и через Мазари Шариф, Ташкурган, Бамиан и перевал Калу прибыла в Кабул 29 июля. Русскую миссию торжественно и с надеждой встречали в Кабуле, глава миссии неоднократно был принят эмиром. В результате был подготовлен проект русско-афганского договора из 11 пунктов. В документе Афганистан признавался независим государством. Шер Али-хан получал гарантии невмешательства во внутренние дела его страны и помощи «в случае возникновения каких-либо осложнений между Афганистаном и другим иностранным государством», если на то поступит его просьба. Эмира заверяли, что Россия признает его наследником того из его сыновей, кого он сам назначит главой государства. Эмир мог посылать в Россию молодых афганцев «для изучения различных специальностей, в том числе и военных». Стороны договорились также о взаимных торговых связях и пр. [4. С. 95].

После одиннадцати дней пребывания в Кабуле Н.Г. Столетов вместе с доктором И.Л. Яворским и посланцами эмира выехал в Ташкент. Остальная часть миссии еще долго оставалась в Афганистане.

Результатом миссии Столетова явились маршрутная съемка и подробное описание пройденного пути, составленное топографом Бендерским; переводчик Малявинский собрал большую коллекцию древних монет, и был опубликован двухтомный труд доктора миссии И.Л. Яворского [7].

Н.Г. Столетов привез царю проект договора, но к тому времени уже был заключен Берлинский мир, и опасность войны с Великобританией миновала. Во избежание нового обострения в отношениях с Лондоном царские власти не утвердили проект русско-афганского договора. Правительство Великобритании использовало пребывание русских в Кабуле как предлог для активизации своих действий. 17 августа 1878 г. вице-король Индии направил в Кабул посольство во главе с генералом Н.Б. Чемберленом, не раз предпринимавшим карательные операции против афганских племен. Сопровождаемый сотнями солдат и огромной свитой, генерал должен был убедить эмира отказать-

Буддийский идол Бамиана.

Панорама Кабула.

ся от всяких сношений с Россией, добиться высылки членов русской миссии из Кабула и допустить английских резидентов во все крупные города Афганистана с правом их свободного передвижения в любой пункт страны.

Эмир отказался принять посольство Чемберлена, мотивируя свой отказ трауром по недавно скончавшемуся сыну, наследнику трона Абдулладжану. Но англичане в ноябре 1878 г. вторглись в пределы Афганистана, развязав вторую англо-афганскую войну (1878–1881). Шер Али-хан оставил в Кабуле своим наместником старшего сына Мухаммада Якуб-хана, а сам с семьей отправился в Мазари Шариф, намереваясь оттуда отбыть в Петербург, чтобы добиться созыва международного конгресса, который бы осудил агрессию Великобритании против его страны и способствовал бы прекращению войны.

Однако эмиру не пришлось ехать в российскую столицу. В Мазари Шарифе у Шер Али-хана разболелась нога, и 9 (21) февраля 1879 г. он скончался от гангрены. Члены русской миссии покинули страну, а на афганский трон взошел Якуб-хан. При нем в мечетке Гандамак 26 мая 1879 г. англичанам удалось заключить кабальный англо-афганский договор, по которому, кроме прочего, эмир не должен был «вступать в обязательства с иностранными правительствами» без ведома и согласия английской стороны [5. С. 137–141]. Это означало полное подчинение внешней политики Афганистана правительству Англии, к чему оно давно стремилось.

Почти одновременно с миссией Столетова в Кабул в 1878 г. одна за другой последовали поездки полковников Гродекова и Матвеева в Северный Афганистан.

Экспедиция Матвеева выступила из Самарканда 17 сентября 1878 г. В ее состав вхо-

дили астроном Шварц, зоолог Русов, прапорщик Троцкий, два студента, два переводчика, два джигита и семь казаков, всего 17 человек. Целью экспедиции было определить и исследовать кратчайший путь от границ России до Индии. Из Самарканда она должна была следовать через Гиссар и Куляб в афганский Бадахшан. Далее по р. Кокча выйти к Гиндукушу и по перевалам Аграм, Хартизак и Нуксан дойти до Читрала. Оттуда экспедиция должна была спуститься в Дир и вдоль границы по р. Кунар через Джалалабад оказаться в Кабуле, а оттуда возвратиться через Бамиан. Однако выпавший в горах обильный снег изменил все планы.

7 ноября экспедиция дошла до Файзабада, главного города афганского Бадахшана, затем свернула к Кундузу и через Ташкурган и Мазари Шариф, переправившись по Амударье, возвратилась в Самарканд. Путешествие заняло почти три месяца, была проделана большая исследовательская работа. Экспедиция прошла около 1,5 тысяч верст и произвела маршрутную съемку всего пройденного пути. Были изучены населенные пункты и пути сообщения между ними; определены абсолютные высоты 96 географических точек, уточнено положение ряда городов: Файзабада, Рустака, Кундуза, Ташкургана, Мазари Шарифа; был собран и богатый этнографический материал [3].

Полковник Н.И. Гродеков в конце сентября 1878 г. выехал из Ташкента в Самарканд в сопровождении двух человек. В начальных числах октября он прибыл в Мазари Шариф, где пробыл некоторое время, дожидаясь разрешения афганских властей продолжить путь в Герат. Из Мазари Шарифа через Маймана в начале ноября он прибыл в Герат. Оттуда через селения Шекиван и Розанак он проследовал в последний афганский пункт Кохсан и через иранский Хорасан возвратился в русские пределы.

В ходе этой поездки Гродеков собрал ценный материал о политической обстановке в Афганистане, а также сведения разного характера о посещенных им городах: Герате, Маймане, Мазари Шарифе и др. В опубликованных Гродековым книге и отчете об этом путешествии [1–2], сообщается о численности населения этих городов и об их укреплённости; приводятся этнографические данные об афганцах, хазарейцах, джемшидах и других народностях, населявших северо-западные территории Афганистана; повествуется об их нравах, обычаях, степени их зависимости от Кабула и т.д. Опубликованные путешественниками материалы и ныне служат важным источником для исследователей Афганистана.

Литература

1. *Гродеков Н.И.* Через Афганистан. Путевые заметки. СПб., 1880.
2. *Гродеков Н.И.* Поездка Генерального Штаба полковника Гродекова из Самарканда через Герат и Афганистан (1878 г.) // СМА. Вып. 5. СПб., 1883.
3. Матвеев — Поездка Генерального Штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям. // СМА. Вып. 5. СПб., 1883.
4. Россия и Афганистан. М., 1989.
5. *Соболев Л.Н.* Англо-афганская распря. СПб., 1880.
6. *Герентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1.
7. *Яворский И.Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. СПб., 1882. Т.1; 1883. Т.2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.432

В.Ф. Выдрин

МОРФОЛОГИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДАН-ГУЭТА (ЮЖНЫЕ МАНДЕ)¹

1.1. В отличие от наиболее известных языков манде, таких как бамана, дьюла или мандинка, в южных манде выделение прилагательных в особую часть речи не вызывает сомнений.

По-видимому, наиболее яркой особенностью прилагательных здесь является склонность к редупликации, которая выражает множественность и интенсивность (предварительному обзору этого явления посвящена работа [4]; о редупликации прилагательных в гбан см. [1]). Данное исследование представляет собой попытку более детального рассмотрения морфологических прилагательных в дан-гуэта, одном из северо-восточных диалектов языка дан.

Материалом для работы стало изучение морфологического и синтаксического поведения более 100 прилагательных дан-гуэта — по моей оценке, это более двух третей всех прилагательных языка, в том числе, по-видимому, практически все наиболее употребительные².

1.2. **Грамматическая справка.** Дан-гуэта является одним из идиомов диалектного континуума дан, входящего в южную группу семьи манде (нигеро-конголезская макросемья). Дан-гуэта имеет пять уровневых тонов (названия и обозначения — на примере гласной *a*: сверхвысокий — *á*, высокий — *á*, средний — *ā*, низкий — *à*, ультранизкий — *ã*) и три контурных (сверхвысокопадающий — *ã*, высокопадающий — *á*, среднепадающий — *ā*). Важной ритмической единицей является метрическая стопа, которая обладает повышенной степенью внутреннего единства, проявляющейся в ограничениях на сочетаемость гласных и тонов и др. Дан характеризуется жестким порядком слов: (подлежащее) — предикативный местоименный показатель («субъектное местоимение») — прямое дополнение — глагольное сказуемое — косвенное/непрямое дополнение, часто с послелогом. При опущении прямого дополнения изменяется семантика глагола, который автоматически становится непереходным (по модели R-лабильности). Порядок слов в именной группе генитивного типа: определяющее — определяемое; в ИГ атрибутивного типа: определяемое — определяющее. Значения ТАМ выражаются совокупно серией предикативного местоименного показателя, грамматическим тоном на глаголе, в некоторых случаях глагольным суффиксом. Если причислить предикативные местоименные показатели к место-

имениям, то в дан-гуэта насчитывается до 20 серий личных местоимений, кумулятивно выражающих различные аспекто-темпорально-модальные значения, падежи, прагматический статус, полярность. В начальной стадии зарождения находится система склонения существительных.

2. Критерии выделения прилагательных в дан-гуэта

Несмотря на наличие у прилагательных довольно развитой морфологии (которой и посвящена данная статья), она по причине своей нерегулярности может рассматриваться лишь как дополнительный критерий частеречной самостоятельности этого класса слов. Таким образом, основным здесь оказывается синтаксический критерий. Рассмотрим основные функции прилагательных и синтаксические контексты, в которых они реализуются.

2.1. **Атрибутивная функция** реализуется в позиции справа от своей вершины, выраженной существительным:

- (1) *Má kɔ́ ɔ́ɔ́ɔ́ɔ́ yɛ́.*
 1SG.PRF дом круглый видеть
 ‘Я увидел круглый дом’.

2.2. **Предикативная функция (в беспослеложной конструкции)** реализуется в первую очередь в неглагольных характеризующих предложениях с «субъектным местоимением» экзистенциальной или сопряженной серии, в которых прилагательное занимает синтаксическую позицию сказуемого:

- (2) *Mā kɔ́ yɛ́ ɔ́ɔ́ɔ́ɔ́.*
 1SG.POSS дом 3SG.EXI круглый
 ‘Мой дом круглый’.

- (3) *A dī-dā kɛ́ ɛ́ sɔ́*
 3SG.NSBJ голод-мерять чтобы 3SG.JNT хороший

- kíí-’ pɛ́.*
 чтобы.2SG.OPT-3SG.NSBJ сказать
 ‘Попробуй это, чтобы сказать, хорошо ли получилось’.

Второй синтаксический контекст, в котором может употребляться прилагательное в предикативной функции, — в качестве вторичного предиката (депиктива) при некоторых глаголах:

- (4) *N gɛ́ yá kɔ́ gbííŋ.*
 1SG.NSBJ нога 3SG.PRF становится тяжёлый
 ‘Мои ноги отяжелели’.

Этот контекст несколько хуже годится как диагностический для причисления лексемы к классу прилагательных, поскольку депиктивное употребление прилагательных не всегда позволяет чётко отличить их от наречий (особенно это касается оценочных прилагательных *sɔ́* ‘хороший’ и *yá* ‘плохой’).

2.3. **Предикативная функция (в послеложной конструкции)** близка к предыдущей по значению и отличается от нее главным образом синтаксическим контекстом реализации³, а именно — наличием в постпозиции к прилагательному инструментально-комитативного послелога *ká*:

(5) PÁ ɣ̣ úʔ dínàà bā, à díú
 вещь-EMPH REL 2SG.JNT 3SG.NSBJ погрузить-PROG ART 3SG.NSBJ

sɿ ká.

погрузить хороший

‘Привязывай хорошенько то, что ты привязываешь’ (прилагательное в роли вторичного предиката-деиктива при глаголе).

(6) Yə bā wī-gā-nū, wò trɿɿɿɿ-gú-sù ká dē
 Йо POSS шевелюра-кость-PL 3PL.EXI толщина-нутро-ADJ с что

mē kɿŋ-gā dɣ̣.

человек палец-кость быть

‘Косы у Йо толщиной в палец’ (букв.: «...они толстые, как палец человека»; прилагательное в функции части сказуемого неглагольного предложения).

Однако позиция в послеложной конструкции менее диагностична по сравнению с двумя вышеописанными синтаксическими контекстами — в норме послелог в дан-гуэта управляет не адъективной группой, а именной (и данный случай является единственным исключением из этого правила).

2.4. Исходя из вышесказанного я предлагаю считать прилагательным всякую лексему, которая способна выступать хотя бы в одной из двух первых функций, т.е. в атрибутивной или предикативной, в беспослеложной конструкции.

3. Фонотипы непроизводных прилагательных и образование прилагательных от других частей речи

Прилагательные в дан-гуэта подразделяются на непроизводные и производные. Рассмотрим оба эти морфологические подкласса.

3.1. Непроизводные адъективные основы

3.1.1. По своей форме непроизводные прилагательные распределяются по нескольким фонотипам, и это распределение влияет на их морфологическое поведение. Наблюдается и определённая корреляция между фонотипами и семантикой прилагательных. К числу факторов, которые следует принимать во внимание, относятся:

— число метрических стоп. Следует отметить, что все двустопные непроизводные прилагательные являются немотивированными редуликатами;

— тип стопы: CV, CVV или CVN. По-видимому, различия между типами CVV и CVVV, CVV и CLVV особой роли не играют;

— тональный контур, при этом главная граница проходит между ровным и модулированным (высокий-ультранизкий или сверхвысокий-ультранизкий, изредка средний-ультранизкий) контурами.

Выявляются следующие фонотипы:

1) тип CV, тон при этом неважен⁴: gɿ ‘уважаемый’, sɿ ‘хороший, красивый’, blɿ ‘гнилой’ и т. д. Этот фонотип представлен сравнительно небольшим числом прилагательных, для которых общая семантика не просматривается.

2) CVV и CVN с модулированными тонами: *kpī* ‘большой’, *gbēē* ‘трудный’, *gbīj̄* ‘тяжёлый’, *klɛ̄ɔ̄* ‘короткий’. Очевидным образом, для этой группы характерна семантика размерности и веса, при этом все три прилагательных со значениями параметра «больше нормы» имеют одну и ту же структуру: лабиовелярный согласный + передний гласный, тон высокий-ультранизкий⁵. Единственное прилагательное со значением «меньше нормы», *klɛ̄ɔ̄* ‘короткий’, отличается от них по всем трем элементам (согласный, гласный, тон).

3) CVV (особенно с одинаковыми обеими гласными), CVN и CVVV с одинаковыми тонами: *dēē* ‘новый’, *yāā* ‘плохой’, ‘сильный’, *fīāā* ‘пустой’ и т. д.

4) CVNVCVN, где вторая стопа копирует первую на сегментном уровне. Все прилагательные этого типа имеют один и тот же тональный контур: высокий-ультранизкий-ультранизкий-ультранизкий — и характеризуют определяемый объект с точки зрения его формы (нередко довольно причудливым способом): *bl̄j̄bl̄j̄* ‘пухлая’⁶, *gūj̄gūj̄* ‘короткий и толстый’, *záj̄zàj̄* ‘высокий и стройный’ и т. д. К этому же фонотипу можно присоединить и несколько прилагательных типов CVCV и CVVCV, таких как *gb̄l̄gb̄l̄* ‘приземистый’⁷.

5) CVVCVV и CLVVCLVV, где вторая стопа копирует первую на сегментном уровне; тональный контур этого типа следующий: сверхвысокий-ультранизкий-ультранизкий-ультранизкий. Общий семантический компонент у прилагательных этой группы менее явный, чем у предыдущей; речь идет о характеристике по составу, по форме и по другим особенностям: *dr̄ɔ̄dr̄ɔ̄* ‘скользящий’, *fóɔ̄fòɔ̄* ‘беспольный’, *gb̄l̄ɔ̄gb̄l̄ɔ̄* ‘сухой и твердый’, *sl̄āāsl̄āā* ‘сладкий’ и т. д. К этому фонотипу можно присоединить и несколько прилагательных структуры CVNVCVN с таким же тональным контуром: *ḡɔ̄j̄ḡɔ̄j̄* ‘деформированный’, *ȳāāȳāā* ‘пестрый’.

Среди этих фонотипов второй и четвертый более гомогенны в отношении формы и семантики составляющих их прилагательных, а также в том, что касается их морфологических преобразований (что будет показано в разделе 4). Три других типа оказываются скорее остаточными.

Непроизводные прилагательные, которые не относятся к вышеперечисленным фонотипам, немногочисленны и не образуют групп по типам возможных модификаций их основ. В то же время, как и прилагательные из основных фонотипов, они также являются немотивированными редуликатами. Это позволяет сгруппировать их во второстепенные фонотипы:

— CVCV с разнообразными тонами: *fāfā* ‘бледный, серый’, *sūmā* или *sūmā́* ‘многочисленные’, *tūtú* ‘очень многочисленные’;

— CVVCVVV с тоном сверхвысокий-сверхвысокий-сверхвысокий-ультранизкий: *nīāānīāā* ‘медлительный’, *rīāārīāā* ‘мягкий и густой’.

3.1.2. Прилагательные-редуликаты (состоящие из двух метрических стоп, идентичных на сегментном уровне) в дан-гуэта характеризуются повышенным уровнем внутренней интеграции, сравнимой с таковой между слогами стопы (о понятии метрической стопы см. [5]). Это проявляется в реализации аллофонов среднезакрытых гласных. Поясню это обстоятельство.

Двенадцать неносовых гласных в дан-гуэта распределяются по трём рядам (передние, задние неогубленные и задние огубленные) и по четырём степеням открытости:

i	ш	u
e	γ	o
ε	Λ	ɔ
ж	а	ɒ

Гласные второй степени открытости (среднезакрытые) имеют по два основных аллофона, выбор которых зависит от тона: под воздействием сверхвысокого тона реализуются более закрытые варианты, [i, ʏ, u]⁷. Это очень хорошо видно в тех случаях, когда формы одного слова различаются только тоном, например:

(7a) *Yà wé [wí] à bǎ.*
 3SG.PRF говорить 3SG.NSBJ на
 ‘Он согласился с этим’.

(7b) *Yǎ kɛ wè [wè] à bǎ.*
 3SG.EXI RETR говорить.FCT 3SG.NSBJ на
 ‘Он согласился с этим’ (когда-то; сейчас его согласие потеряло силу).

Аллофоны [i, ʏ, u], таким образом, появляются под сверхвысоким тоном (*wlǎ́ [wíʏ]* ‘ступа’, *yéé [yéí]* ‘хлупок’, *kóó [kúú]* ‘друг в друге’), но также и под иным тоном, если ему предшествует сверхвысокий тон в пределах той же метрической стопы: *gbéé [gbú]* ‘трудный’, *dúú [dúú]* ‘над’.

Итак, это условие действует в пределах метрической стопы — за одним важным исключением, которое касается как раз прилагательных фонотипа CVVCVV (и образованных от них форм). В таких прилагательных более закрытый аллофон появляется и под ультранизким тоном, которому предшествует сверхвысокий, даже если речь идёт о другой стопе:

dǎǎdǎ [dǎǎdǎ] ‘круглый’, *fóófóó [fúúfúú]* ‘никчемный’ (а не *[dǎǎdǎ], *[fúúfúú]).

Эта особенность делает прилагательные в дан-гуэта классом лексики, формальные характеристики которого ставят его особняком по отношению к остальным частям речи.

3.2. Образование прилагательных от других частей речи

В дан-гуэта имеются два деривативных суффикса прилагательных, *-dè* и *-sù*. Для обеих морфем характерна полисемия, которая оказывается весьма близка к омонимии. Рассмотрим эти морфемы и их функции.

3.2.1. Суффикс *-dè*

1. Во-первых, суффикс *-dè* образует отыменные прилагательные с орнативным значением (т.е. характеризующие определяемое по характерной черте, форме, материалу, иногда — по назначению): *sáádè* ‘бумага’ → *fáá sáádè-dè* ‘бумажная шапка’, *píǎǎ* ‘железо’ → *gbɔ́ píǎǎ-dè* ‘железный горшок’, *dúú-ná* ‘палочка’ → *bǎǎbǎǎ dúú-ná-dè* ‘леденец на палочке’, *gè* ‘нога’ → *gbɔ́ gè-dè* ‘чугунок на ножках’, *síí* ‘пила’ → *dáá síí-dè* ‘нож с зубчатым лезвием’

и т. д. Суффикс *-dē* в этой функции малопродуктивен, он сочетается лишь с небольшой частью всех именных основ, имеющих в языке.

Возможно, этот же самый суффикс (но с другим тоном — ультранизким) образует в очень редких случаях прилагательные от других прилагательных с нерегулярным изменением значения: *mē bēē-ni* 'люди' (в отличие от животных) → *mē bēē-dē-ni* 'человечество', 'живые люди' (в отличие от мертвых, но также и от Бога, и от животных).

2. Во-вторых, этот суффикс, присоединяясь к прилагательному, фокусирует всю именную группу, причем речь идет о «селективной фокализации» — насколько я могу судить по имеющимся материалам, такая именная группа должна обозначать некую разновидность (выделенную среди прочих разновидностей); например:

(8) *slā rii-dē nā māā a ta.*
 перец белый-SEL FOC 1SG.PROS 3SG.NSBJ сажать

‘Именно белый перец (из числа всех сортов перца) я собираюсь сажать’.

В пользу того, что *-dē* в этой функции является скорее суффиксом, чем частицей, свидетельствует тот факт, что показатель множественного числа *-ni* следует за ним, а не предшествует ему (в то время как *-ni* не может быть отделён от существительного «обычным» фокализатором *nā*): *slā rii-dē-ni* 'различные сорта белого перца', а не **slā rii-ni-dē*.

Показатель «селективной фокализации» *-dē* обязательно сопровождается «обычным» фокализатором *nā* (пример (8)). При этом фокализованная именная группа всегда выносятся в крайнюю левую позицию, что совсем не обязательно при «обычной» фокализации. «Селективный фокализатор» *-dē* не сочетается ни с какими существительными кроме названий сортов. Например, нельзя сказать **slā-dē nā māā a ta* 'Этот перец (из числа всех сельскохозяйственных культур) я буду сажать’.

Нужно упомянуть и дериваты с суффиксом *-dē*, в каком-то смысле промежуточные по значению и употреблению между двумя описанными выше типами. Название вида, снабжённое суффиксом *-dē* (и одновременно — полуграмматикализованным классификатором *ga*, восходящим к омонимичному существительному со значением 'кость'⁸), может следовать за названием рода в тех контекстах, где требуется точное указание вида, например:

(9) *á yúx̄ sui- mēē d'ó ū d'ē? — Yúx̄*
 1SG.JNT рыба вид какой продавать 2SG.NSBJ для рыба

kēj-ga-dē.

рак-кость-SEL/ADJ

‘Какого вида рыбу хочешь ты, чтобы я тебе продал? — Рака’ (букв.: «рыбу вида рак»)⁹.

3. Кроме того, суффикс *-dē* образует отглагольные имена: *dūka* 'рубить деревья' → *dūka-dē* 'рубка деревьев, лесоповал', *gvv* 'дарить' → *gvv-dē* 'подарок' и т. д.

Наряду с перечисленными, существует еще одна морфема *-dē*, которая вне всяких сомнений является омонимом по отношению к вышеописанному суффиксу (или суффиксам). Речь идет о полуграмматикализованной форме существительного *dē* 'женщина', при помощи которой образуются составные существительные, обозначающие существ женского пола (в принципе такие комплексы могут рассматриваться и как именные

группы, а не составные слова — бесспорных аргументов в пользу того или иного решения нет): *fīā-mē-dē* 'лентяйка' («обленился — человек — женщина»); *dēj-ḅōḅ-dē* 'хозяйка' («гость — принимать — женщина»), *wēḡgā-dē* 'женщина со скарификацией', *flā-dē* 'женщина народа фульбе' и т. д.

3.2.2. Суффикс *-sū*

1. Прежде всего, суффикс *-sū* (с факультативным вариантом *-si*) используется для образования отсубстантивных прилагательных¹⁰ со значением «содержащий X» или «похожий на X»: *wēē* 'соль' → *yī-wēē-sū* 'солёная вода'; *dū d'ōḡ* 'тень дерева' → *mē d'ōḡ-sū* 'спокойный человек'; *pēḡ* 'огонь' → *pēḡ-sū* 'горячий', *kr.ḡḡ* 'хитрость' → *mē-kr.ḡḡ-sū* 'хитрый человек'. Как и в случае с *-dē*, продуктивность этой деривации невысока, она оказывается невозможной в очень многих случаях, где, казалось бы, отсутствуют какие бы то ни было препятствия семантического характера.

Окказионально *-sū* образует прилагательные и от прилагательных с модификацией значения: *zī* 'старый' → *zī-si* 'бывший', например, в выражении *dūūtī zī-si* 'бывший вождь деревни'.

2. Суффикс *-sū* может использоваться как показатель «актуальной селективной фокализации», т. е. в функции, очень близкой к функции показателя «селективной фокализации» *-dē* (см. выше)¹¹. Различие между двумя суффиксами состоит в следующем:

- употребление *-sū* предполагает, что ряд объектов, из которых предстоит сделать выбор, находится перед глазами говорящего;
- эти объекты не обязательно однородны.

Фокализатор *-sū* употребляется в двух различных синтаксических контекстах:

а) он может фокализовать существительное. В этом случае за ним обязательно следует показатель «обычной» фокализации *nḷ*; фокализованная именная группа чаще всего выносится в крайнюю левую позицию в высказывании и оформляется как ИГ, определяемая релятивной клаузой:

(10) *Vāā-sū* *nḷ* *ʒ* *māā* *a* *ḅḅ*
 маниока-SLA FOC REL 1SG.PROS 3SG.NSBJ есть

'Именно маниоку (из числа всех предложенных блюд) я буду есть'.

Ср., однако, пример отсутствия вынесения такой именной группы влево (таким образом, вынесение хотя и частотно, но необязательно):

(11) *N* *māw.ḡ* *yḡ* *ḅō-sū* *nḷ* *a* *ḅā*
 1SG.NSBJ нужда 3SG.EXI свинья-SLA FOC 3SG.NSBJ на

'То, что мне нужно, это свинья' (из числа всех предложенных животных);

б) он фокусирует прилагательное (иначе говоря, одного представителя из ряда подобных — того, который характеризуется качеством, обозначенным прилагательным):

(12a) *Gḅḡ* *tī* *ḅā* *yā* *nī* →
 собака черный ART 3SG.PRF приходит

(12б) *Gḅḡ* *tī-sū* *ḅā* *yā* *nī*
 собака черный-SLA ART 3SG.PRF приходит

'Пришла черная собака'. → 'Именно черная собака (из числа всех других собак) пришла'.

В таких случаях вынесения фокализованной группы влево не происходит, и употребление фокализатора *пл* не является необходимым. Надо сказать, что показатель актуальной селективной фокализации *-su* может сочетаться (хотя и ограниченно) с омонимичным ему адъективирующим суффиксом *-su*: *flɛ̃ɛ̃* 'бедность' → *flɛ̃ɛ̃-su* 'бедный' → *flɛ̃ɛ̃-su* 'тот, который бедный' (из числа референтной группы людей).

3. Показатель *-su* регулярно образует герундив от глаголов. Герундив употребляется и адъективно, и субстантивно: *wɛ̃ɲ* 'лечь' → *yí wɛ̃ɲ-su* (а) 'вылитая вода', (б) 'выливание воды'. Во второй из этих функций суффикс герундива может быть отделен от глагольной основы сирконстантами; в таком случае глагольная основа утрачивает свой лексический тон, получая вместо него ультразвукистый тон:

(13) *Pl-pl* *sɛ̃ɲpl* *bɔ-su* *yɔ* *dɛ* *kpɔ* *kl*
 вещь-DIM маленький есть-GER 3SG.EXI как хитрость делать.GER

d̃i *gɔ* *su* *d̃ɔ*
 голод для GER быть

'Есть понемногу — это как будто обманывать голод'.

3.2.3. Сопоставление суффиксов *-dɛ̃* и *-su*

Этот беглый обзор функций показателей *-dɛ̃* и *-su* оставляет странное впечатление. Даже если вынести за скобки элемент *-dɛ̃* 'женщина' (происхождение которого очевидным образом иное, чем у остальных *-dɛ̃*), перечисленные употребления оказываются слишком разными, чтобы их можно было рассматривать в рамках полисемии. Кроме того, в пользу омонимии двух показателей *-su* свидетельствует возможность их одновременного появления в пределах одной словоформы (в примерах типа *flɛ̃ɛ̃-su-su* 'тот, который бедный').

И в то же время параллелизм между функциями трех разных *-dɛ̃* и трех разных *-su* поразителен. В каждом из своих употреблений *-dɛ̃* отличается от соответствующих употреблений *-su* лишь нюансами смысла и наборами основ, с которыми он сочетается. Для наглядности представим эти употребления в виде таблицы.

Таблица 1

<i>-dɛ̃</i>	<i>-su</i>
1. Показатель отыменной деривации прилагательных с орнативным значением.	1. Показатель отыменной деривации прилагательных со значением «содержащий X».
2. Показатель селективной фокализации для существительных, означающих виды (одного рода).	2. Показатель «актуальной селективной фокализации».
3. Номинализатор.	3. Показатель герундива.

Трудно поверить, что такое сходство совершенно случайно.

Попробуем найти какое-то рациональное объяснение этому явлению. Сначала рассмотрим *-dɛ̃* и *-su* как показатели номинализации. В других языках южной группы манде также обнаруживается показатель герундива (гуро: *-li*, муан: *-le*) или результативного причастия (бен: *-le*). Можно упомянуть в этой связи и суффикс отглагольного имени *-li* в языках манден. Логично предположить, что *-dɛ̃* в своей функции номинализатора явля-

ется рефлексом той же самой морфемы праманде. Что касается показателя *-su* то в других языках манде не обнаруживается морфем, которые могли бы считаться этимологически тождественными ему; по-видимому, здесь мы имеем дело с инновацией в дан.

Можно предложить следующий сценарий. Номинализатор *-de* по-видимому, более древний, он унаследован в дан от праязыка южной группы манде. Трудно сказать, связан ли он этимологически с омонимичными показателями отыменной адъективной деривации и селективной фокализации, но, как бы то ни было, в сознании носителей языка такая связь, по-видимому, присутствует. С появлением номинализатора (точнее, показателя герундива) *-su* он стал восприниматься как показатель, более или менее синонимичный *-de*. И действительно, оба показателя в современном дан-гуэта оказываются нередко синонимичными, даже если *-su* оказывается значительно более употребительным, чем *-de*.

На следующем этапе произошло расширение значения показателя *-su* в ходе которого он взял на себя и другие употребления, аналогичные таковым у *-de* (точнее, у омонимичных показателей *-de*).

4. Образование прилагательных от прилагательных модификацией основы

Выделяются следующие формальные средства, при помощи которых образуются производные формы прилагательных:

- редупликация основы (полная или сопровождаемая утратой удвоения гласного);
- изменение тонового контура;
- трансфиксация (трансфикс *-k-k-*);
- суффиксация (суффикс *-su*);
- сушплетивизм.

Значения, которые выражаются в прилагательном модификацией основы, — **число и степень интенсивности**¹²; вопрос о том, относятся ли они к словоизменению (и, соответственно, могут ли считаться грамматическими категориями прилагательного) или к словообразованию, будет рассмотрен ниже. Способ их выражения зависит от фонотипа, если речь идет о непроизводных прилагательных; производные также имеют собственные модели морфологических изменений.

Следует иметь в виду следующие обстоятельства:

- число и степень интенсивности могут выражаться кумулятивно;
- если представлять изменение по числу и по интенсивности как парадигму, то эта парадигма практически никогда не бывает полной;
- в каждом фонотипе имеются прилагательные, которые оказываются не подверженными морфологическим изменениям;
- при образовании форм достаточно строго выдерживается принцип иконичности: чем более сложна семантика (в естественной последовательности: множественное > единственное; суперинтенсив > интенсив > неинтенсив), тем сложнее оказывается морфологическая форма.

4.1. **Множественное число** прилагательного может выражаться двумя способами: путём модификации основы — кумулятивно с интенсивностью¹³ и при помощи стандартного показателя *-ni*¹⁴. За единственным исключением¹⁵, модификация основы, которая сама по себе уже выражает значение интенсивности и множественности, может сопро-

вождаться (факультативно или синтаксически обусловленно) присоединением клитического показателя множественности *-ni*:

(14а) $ma\ddot{a}\ z\ddot{v}\ddot{z}\ddot{v}\ddot{d}\ddot{e}$ ‘красная птица’ → (14б) $ma\ddot{a}\ z\ddot{v}\ddot{z}\ddot{v}\ddot{d}\ddot{e} =$ (14в) $ma\ddot{a}\ z\ddot{v}\ddot{z}\ddot{v}\ddot{d}\ddot{e} - nu$ ‘очень красные птицы’.

В отличие от большинства остальных языков манде, в дан-гуэта в именной группе, содержащей прилагательное, показатель множественного числа может быть помещён в позицию после существительного, т. е. перед прилагательным¹⁶:

(14г) $ma\ddot{a} - nu\ z\ddot{v}\ddot{z}\ddot{v}\ddot{d}\ddot{e}$ ‘очень красные птицы’.

Плюральный показатель может быть повторён и в конце именной группы, в таком случае это явление может рассматриваться как согласование по числу:

(14д) $ma\ddot{a} - nu\ z\ddot{v}\ddot{z}\ddot{v}\ddot{d}\ddot{e} - nu$ ‘очень красные птицы’.

Изменение позиции показателя *-ni* не влечет за собой каких-либо семантических изменений. В то же время существуют некоторые ограничения синтаксического порядка, а также лексического порядка (которые не поддаются описанию при помощи какого-то одного правила), которые делают присутствие *-ni* в одних случаях обязательным, в других — невозможным (см. подробнее [6]).

4.2. **Интенсивность качества** может иметь в дан-гуэта до трех степеней: нулевую — интенсивную — сверхинтенсивную. Как уже говорилось, существует сильная тенденция к кумуляции значений интенсивности и множественности — таким образом, эти два значения, можно сказать, образуют единую парадигму. Однако эта парадигма никогда не бывает полной, и мне встретился лишь один случай сосуществования четырех производных форм (см. формы прилагательного $se\ddot{z}\ddot{z}\ddot{e}$ ‘маленький’ в разделе 4.3.6.)¹⁷.

Повторюсь, что многие прилагательные в дан-гуэта не имеют интенсивных форм, образуемых путем модификации основы. Для таких прилагательных интенсивность может выражаться наречиями $de\ddot{d}\ddot{e}wo$ ‘очень’, $ya\ddot{a}wo$ ‘ужасно, очень’.

4.3. Вернемся теперь к вопросу о характере значений, выражаемых модификациями адъективных основ: имеем ли мы дело со словоизменением или словообразованием?

В общих работах по грамматической семантике морфологическое значение интенсивности у прилагательных нередко остаётся вне зоны внимания или рассматривается очень бегло (ср., например, [7. С. 100, 123–124]). Так, И.А. Мельчук рассматривает интенсив/элатив в связи с категорией степени сравнения прилагательных, относя эти граммы к разделу «Семантические словоизменительные значения», в то время как В.А. Плунгян вполне аргументированно относит компаратив к числу актантных дериваций, т.е. выводит его за пределы словоизменения [8. С. 212], а элатив или интенсив не упоминает.

Интенсив в дан, не добавляя прилагательному новых валентностей, конечно, к актантной деривации отношения не имеет. Таким образом, искать ответ на поставленный вопрос следует исходя из общих соображений.

Если принимать во внимание принцип обязательности грамматического значения и вытекающего из него определения грамматической категории как множества взаимоисключающих значений, обязательных для некоторого естественного подкласса словоформ данного языка¹⁸, то трактовка интенсивно-числовой системы дан-гуэта как парадигмы наталкивается на большие трудности. По-видимому, полной парадигмой следовало бы считать такую, в которой заполненными оказываются шесть позиций (два числовых значения в трех степенях интенсивности — при этом мы должны пренебречь

фактом наличия четырех степеней интенсивности прилагательного *sl* 'красивый'). Как уже отмечалось, такой полной парадигмы в дан-гуэта нет ни у одного прилагательного — даже для тех из них, которые морфологически различают три степени интенсивности, придется постулировать дефектную парадигму. Кроме того, смущает и многочисленность прилагательных, у которых интенсивно-числовые формы путем модификации основы не образуются. При «парадигматическом» подходе к категориям числа и интенсивности роль таких прилагательных в системе можно будет сравнить с ролью русских несклоняемых существительных в системе средств выражения числа и падежа — с той существенной оговоркой, что последние составляют незначительное меньшинство по отношению к общему количеству русских существительных, тогда как доля неизменяемых прилагательных в дан весьма велика.

Рассмотрим наконец и характер морфологических значений, выражаемых формами прилагательных. Как известно, в общем случае для грамматических (словоизменительных) значений типичен эквиолентный характер оппозиций, а для деривационных — привативный. Очевидно, оппозиция «не-интенсив vs. интенсив» является привативной («отсутствие признака vs. наличие признака»), а не эквиолентной («признак А vs. признак В»). Собственно говоря, и противопоставление по числу в этом контексте также можно отнести к привативным оппозициям («отсутствие множественности vs. множественность»).

Таким образом, остается признать модификации адъективных основ в дан-гуэта деривацией, а совокупность форм, образованных от неинтенсивного сингулярного прилагательного, — в лучшем случае, деривационной парадигмой (в той мере, в которой в таком случае вообще можно говорить о парадигме).

4.4. Как уже было сказано, модель модификации адъективной основы определяется прежде всего ее производным или непроизводным характером, а в последнем случае — также ее фонотипом. Рассмотрим эти модели.

4.4.1. Фонотип 1, CV, довольно малочисленный. Три прилагательных, образующих его ядро — *bl* 'гнилой', *gɔ* 'уважаемый' и *sl* 'хороший, красивый' — имеют формы интенсива множественного числа, полученные модификацией основ: *blbl*, *gɔgɔ* *sɛj*. Первые две формы образованы полной редупликацией, последнюю можно считать супплетивной. *Sl* отличается и другими особенностями: во-первых, это единственное прилагательное данной группы, которое образует форму плюрального сверхинтенсива, *sɛsl*, и единственное прилагательное в дан-гуэта, образующее форму экстраинтенсива, *bɛbɛ* (см. 4.2.). Возможно, эта последняя форма имела изначально значение множественного числа (простого) интенсива, но была реинтерпретирована как экстраинтенсив после появления супплетивной формы *sɛj*.

Другие прилагательные этого фонотипа (*gbɛ* 'многочисленный', *flu* 'пустой (о яйце)') не образуют дериватов при помощи модификации своих основ, что по крайней мере отчасти объясняется их семантикой.

4.4.2. Фонотип 2, CVV и CVN с модулированными тонами.

Ядро этого фонотипа составляют три прилагательных со значением размера больше нормы и веса, о которых уже шла речь в разделе 3.1.1, — *kri* 'большой', *gbɛ* [gbɛ] 'трудный' и *gbij* 'тяжелый': они образуют сингулярно-интенсивные формы путем редупликации основы (с ликвидацией удвоения гласного для *kri* 'большой'); при этом редулицированная основа сохраняет исходный тональный контур (высокий/сверхвысокий-

ультранизкий); они же образуют сингулярно-сверхинтенсивные формы при помощи трансфикса *-k-k-*, элементы которого помещаются между идентичными гласными каждой из стоп¹⁹. Существование плюральной интенсивной формы *gbíygbíy* объясняется, по-видимому, влиянием фонотипа CVNCVN с тоном высокий-ультранизкий-ультранизкий-ультранизкий (см. выше).

Таблица 2

	ед. интенс.	мн. интенс.	ед. сверхинтенс.
<i>kpi</i> 'большой'	<i>kíkpi</i>		<i>kíkíkpi</i>
<i>gbé</i> [gbí] 'трудный'	<i>gbéégbé</i> [gbí'gbí]		<i>gbééégbé</i> [gbí'k'gbí'k']
<i>gbíy</i> 'тяжёлый'	<i>gbíygbíy</i>	<i>gbíygbíy</i>	<i>gbíy'gbíy'</i>
<i>klá</i> 'короткий'	<i>klá</i>	<i>kláklá; klá'klá'</i>	
<i>fáx</i> [fáy] 'лёгкий' = <i>fáx'fáx'</i> [fáy'fáy']	<i>fáx'fáx'</i> [fáy'fáy']		

Прилагательное *klá* 'короткий' оказывается в этом фонотипе на периферии (ср. 3.1.1.), и его индивидуальная модель деривации также свидетельствует об обособленном положении. Совершенно другая деривационная модель у прилагательного *fáx* объясняется тем, что у него имеется параллельная редуцированная форма, которая, по-видимому, и воспринимается как мотивирующая для деривации сингулярной интенсивной формы *fáx'fáx'*.

4.4.3. Фонотип 3, CVV или CVVV с ровным тоном, самый многочисленный; при этом он более разнородный, чем предыдущие типы. В зависимости от деривационных моделей в нем выделяются три подтипа (ср. табл. 3):

1) прилагательные, образующие плюральный интенсивив путем полной редупликации (*kéé* 'изношенный' — *kééékéé* 'очень изношенные');

2) прилагательные, образующие плюральный интенсивив при помощи редупликации основы, изменения тона и/или усечения двойного гласного до одинарного, а плюральный сверхинтенсив — при помощи простой редупликации. От всех прилагательных этого подтипа, имеющих в исходной форме средний тон, образуется форма сингулярного сверхинтенсива по редкой модели — путем правосторонней редупликации, сопряженной с усечением гласного редупликанда до одинарного и меной его тона на сверхвысокий-ультранизкий, а также с присоединением непродуктивного деривативного суффикса *-de* (*tí* 'чёрный' — *tííde* 'в высшей степени чёрный').

К этому подтипу примыкает и прилагательное *gbáñ* 'старший';

3) прилагательные, образующие сингулярный интенсивив присоединением суффикса *-su* и редупликацией основы, которая иногда сопровождается сокращением двойной гласной до одинарной (*glúú* 'горький' — *glú'glú-su* 'очень горький').

При сравнительной немногочисленности лексем в каждом подтипе можно отметить схожесть их семантики. Особенно выделяется в этом отношении подтип 2, включающий в себя прилагательные, обозначающие два основных цвета (из трех) и понятия «старый — новый». Надо сказать, что вполне объяснимым оказывается и то, что название для третьего основного цвета, красного, *zúúde*, в этот фонотип не попадает. Сравнительные данные свидетельствуют о том, что это прилагательное в дан-гуэта — инновация; по-видимому, оно образовано от существительного *zúú* 'большой красный петух' (при

этом произошла модификация корневого гласного). Древняя же форма, *tɛŋ* ‘ярко-красный’, продолжает существовать, но используется редко (по-видимому, его малоупотребительностью объясняется и отсутствие модификаций основы), поскольку считается несколько неприличным²⁰.

Таблица 3

	ед. интенсив	мн. интенсив	ед. сверхинт.	мн. сверхинт.
Подтип 1				
<i>kɛɛ</i> ‘изношенный’		<i>kɛɛkɛɛ</i>		
<i>krɛɛ</i> ‘сухой’		<i>krɛɛkrɛɛ</i>		
<i>gbɛɛ</i> ‘широкий’		<i>gbɛɛgbɛɛ</i>		
<i>kɔɔ</i> ‘сломанный’		<i>kɔɔkɔɔ</i>		
<i>fɪɪ</i> ‘пустой’		<i>fɪɪfɪɪ</i>		
Подтип 2				
<i>gblɛɛ</i> ‘длинный’		<i>gblɛɛgblɛɛ</i>	<i>gblɛɛgblɛɛde</i> , <i>gblɛɛgblɛɛkɛɛ</i>	
<i>yaɔ</i> ‘плохой’, ‘сильный’		<i>yaɔa, yaɔa, yaɔa-ni</i>	<i>yaɔyaɔde</i>	
<i>tiɪ</i> ‘черный’		<i>tiɪi</i>	<i>tiɪiɛde</i>	<i>tiɪiɪ</i>
<i>ziɪ</i> ‘старый’		<i>ziɪi</i>	<i>ziɪiɛde</i>	<i>ziɪziɪ</i>
<i>deɛ</i> ‘новый’		<i>deɛde</i>		<i>deɛdeɛ</i>
<i>puɪ</i> ‘белый’		<i>puɪpu</i>		<i>puɪpuɪ</i>
<i>gbaɪ</i> ‘старший’		<i>gbaɪgbaɪ</i>		
Подтип 3				
<i>kraa</i> ‘лысый’	<i>kraakraa-su</i>			
<i>guɪ</i> ‘горький’	<i>guɪguɪ-su</i>			
<i>diɔɔ</i> ‘острый’	<i>diɔɔdiɔɔ-su</i>			

К первому подтипу этого типа близко и прилагательное *sɪɪna* ~ *sɪɪna* ‘многочисленный’, но оно отличается необычной формой (нередушлицированное двустопное слово) и своим значением, в котором нейтрализуется противопоставление сингуляриса и плюралиса. Это прилагательное допускает простую редупликацию *sɪɪnasɪɪna*, выражающую значение интенсификации.

4.4.4. Фонтип 4, CVNCVN (немотивированный редуликат) с тональным контуром высокий-ультранизкий-ультранизкий-ультранизкий.

Таблица 4

	мн. интенс.
<i>bɪɪbɪɪ</i> ‘пухляя’	<i>bɪɪbɪɪ</i>
<i>guɪguɪ</i> ‘короткий и толстый’	<i>guɪguɪ</i>
<i>gbɪɪgbɪɪ</i> ‘длинный и толстый’	<i>gbɪɪgbɪɪ</i>
<i>waɪwaɪ</i> ‘широкий’	<i>waɪwaɪ</i>
<i>zaɪzaɪ</i> ‘высокий и стройный’	<i>zaɪzaɪ</i>
<i>gbɪɪgbɪɪ</i> ‘приземистый’	<i>gbɪɪgbɪɪ</i>

Этот тип очень гомогенный: входящие в него прилагательные имеют всего одну производную форму, плюралный интенсив. Формальное средство, задействованное для этой деривации, всегда одно и то же, и представляет собой изменение тонального контура: высокий-ультранизкий-ультранизкий-ультранизкий → высокий-ультранизкий-высокий-ультранизкий. В то же время имеются прилагательные (не показанные в таблице) того же исходного типа, для которых интенсивная деривация невозможна: *d'ɛŋd'ɛŋ* 'плоский', *f'ɔŋf'ɔŋ* 'лёгкий' (о предметах).

4.4.5. Фонотип 5, CVVCVV или CLVVCLVV (немотивированный редуликат) с тональным контуром исходной формы сверхвысокий-сверхвысокий-ультранизкий-ультранизкий²¹.

Таблица 5

	ед. интенсив	мн. интенсив	ед. сверхинт.
Подтип 1			
<i>drɔ̌ɔ̌drɔ̌ɔ̌</i> 'скользящий'		<i>drɔ̌ɔ̌drɔ̌ɔ̌</i> 'очень гладкие'	<i>drɔ̌ɔ̌drɔ̌ɔ̌</i> 'невероятно скользящий, невероятно гладкий'
<i>d'ɔ̌ɔ̌d'ɔ̌ɔ̌</i> 'круглый'		<i>d'ɔ̌ɔ̌d'ɔ̌ɔ̌</i>	
<i>nɛ̌ɛ̌nɛ̌ɛ̌</i> 'вкусный'		<i>nɛ̌ɛ̌nɛ̌ɛ̌</i>	<i>nɛ̌ɛ̌nɛ̌ɛ̌</i>
<i>plɔ̌ɔ̌plɔ̌ɔ̌</i> 'легкий', 'мягкий', 'вкусный'		<i>plɔ̌ɔ̌plɔ̌ɔ̌</i> 'очень вкусные'	<i>plɔ̌ɔ̌plɔ̌ɔ̌</i>
<i>slɔ̌ɔ̌slɔ̌ɔ̌</i> 'сладкий'	<i>slɔ̌ɔ̌slɔ̌ɔ̌</i>	<i>slɔ̌ɔ̌slɔ̌ɔ̌</i>	
Подтип 2			
<i>dɔ̌ɔ̌dɔ̌ɔ̌</i> 'привязчивый' (человек)	<i>dɔ̌ɔ̌dɔ̌ɔ̌su</i>		<i>dɔ̌ɔ̌dɔ̌ɔ̌</i>
<i>glɔ̌ɔ̌glɔ̌ɔ̌</i> 'тупой'	<i>glɔ̌ɔ̌glɔ̌ɔ̌su</i>		<i>glɔ̌ɔ̌glɔ̌ɔ̌</i>
Подтип 3			
<i>fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌</i> [fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌] 'никчемный'	<i>fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌</i> [fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌]	<i>fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌</i> [fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌]	
<i>fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌</i> 'легковесный' (человек)	<i>fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌</i>		
<i>gblɔ̌ɔ̌gblɔ̌ɔ̌</i> 'сухой и твердый' (особенно о пище)	<i>gblɔ̌ɔ̌gblɔ̌ɔ̌</i>		
<i>tɛ̌ɛ̌tɛ̌ɛ̌</i> 'изможденный'	<i>tɛ̌ɛ̌tɛ̌ɛ̌</i>		
<i>wɔ̌ɔ̌wɔ̌ɔ̌</i> 'медлительный, апатичный'	<i>wɔ̌ɔ̌wɔ̌ɔ̌</i>		

Прилагательные, образующие каждый из подтипов, формируют одновременно и семантические группы. В первом подтипе оказываются названия а) приятных вкусовых ощущений; б) различных неотрицательных качеств. Напротив, все прилагательные третьего подтипа обозначают негативные качества или состояния. Интересно, что два прилагательных, казалось бы, близких по смыслу, *plɔ̌ɔ̌plɔ̌ɔ̌* и *fɔ̌ɔ̌fɔ̌ɔ̌*, различаются семантически именно по признаку позитивной/негативной оценки — и оказываются в разных подтипах по моделям своей деривации.

Подтип 2 в формальном отношении отличается использованием деривативного суффикса *-su* для образования сингулярного интенсива, а сингулярный интенсив прилагательного *glɔʒglɔʒ* 'тупой' — еще и необычным тональным контуром. В смысловом отношении подтип 2 близок к подтипу 3 («негативные качества»).

Прилагательное *slɔʒslɔʒ* 'сладкий' в отношении своей деривативной модели оказывается промежуточным между подтипами 1 и 3.

Наконец, следует упомянуть и прилагательные, которые по своей исходной форме примыкают к данному фонотипу, но не имеют производных форм: *slɔʒslɔʒ* 'апатичный', *sɔʒsɔʒ* 'узкий'.

Интересно отметить также факт существования прилагательных *pluralia tantum*: *glɔʒglɔʒ* 'молодые', *gblɔʒblɔʒ* 'большие' и *kaŋkaŋ* 'тонкие', — что усиливает корреляцию между тональным контуром сверхвысокий-сверхвысокий-сверхвысокий-сверхвысокий и идеей множественности.

4.4.6. Помимо основных фонотипов в дан-гуэта обнаруживаются прилагательные, промежуточные в отношении своих исходных форм и деривационных моделей. Так, два прилагательных по сегментной структуре сближаются с фонотипом 4, по тональному контуру — с фонотипом 5:

Таблица 6

	мн. интенс.
<i>gɔŋgɔŋ</i> 'деформированный'	<i>gɔŋgɔŋ-ni</i> ²⁵
<i>uɔŋuɔŋ</i> 'пестрый'	<i>uɔŋuɔŋ</i>

Следующее прилагательное близко к подтипу 4 фонотипа 5 (по форме и по смыслу), но отличается от него тональным контуром основы и деривата:

Таблица 7

	ед. интенсив
<i>wɛɛwɛ</i> 'пустой'	<i>wɛkɛwɛkɛ</i>

Совершенно особую модель демонстрирует прилагательное с диминутивным значением. По-видимому, это единственное в дан-гуэта прилагательное, у которого неинтенсивная форма множественного числа образуется модификацией основы. Кроме того, в деривативной парадигме этого прилагательного отмечен единственный известный мне в дан-гуэта случай последовательности из четырёх гласных:

Таблица 8

	мн.	ед. интенсив	мн. интенсив
<i>sɛɛɛɛlɔ</i> 'маленький'	<i>sɛɛɛlɔ</i>	<i>sɛɛɛɛɛlɔ</i>	<i>sɛɛɛɛlɔ</i>

По-видимому, еще одним дериватом (возможно, сингулярисом сверхинтенсива) от этого прилагательного является форма *sɛɛɛɛɛde*, которая употребляется только в одном фиксированном идиоматизированном контексте:

- (15) *Sɛɛɛɛde* *ka* *dɛ* *pɔ* *dɔ* *mɛ!*
 маленький.SUPINT с что вещь быть где

‘Чуть-чуть не попал!’ (возглас сожаления)

Строго говоря, исходная форма этого прилагательного также оказывается производной: в ее состав входит диминутивный суффикс *-ná*. Впрочем, наличие деривационной парадигмы не является исключением для производных прилагательных, о чем и пойдет речь далее.

4.4.7. От производных прилагательных, особенно содержащих суффикс *-su*, также образуются дериваты путем модификации корня. Чаще всего речь идет о простой редупликации корня, в результате чего возникает форма сингулярного интенсива:

blǒǒ-su ‘глупый’ — *blǒǒblǒǒ-su* ‘очень глупый’
bláá-su ‘важный; почтенный’ — *bláábláá-su* ‘
búáá-su ‘бородатый’ — *búáábúáá-su* ‘
blǒǒ-su ‘вызывающий’ — *blǒǒblǒǒ-su* ‘
dǒǒ-su ‘привязчивый, липкий’ (человек, дело) — *dǒǒdǒǒ-su* ‘
doŋ-su ‘слонявый’ — *doŋdoŋ-su* ‘
díáá-su ‘красивый’ — *díáádíáá-su* ‘
faǎá-su ‘толстый’ — *faǎáfaǎá-su* ‘
fɛɛ-su ‘шумный’ — *fɛɛfɛɛ-su* ‘
fíí-su ‘вонючий’ — *fíífíí-su* ‘
fíí-su ‘паршивый’ — *fíífíí-su* ‘
flw-su ‘мошеннический’ — *flwflw-su* ‘
wláá-su ‘никчемный’ — *wlááwláá-su* ‘
gleŋ-su ‘умный’ — *gleŋgleŋ-su* ‘
kpáá-su ‘хитрый’ — *kpáákpáá-su* ‘
wɔ-su ‘горячий’ — *wɔwɔ-su* ‘
flɛɛ-su ‘бедный’ — *flɛɛflɛɛ-su* ‘
zuǎá-su ‘почти спелый’ — *zuǎázuǎá-su* ‘на грани созревания’.

Одно-единственное производное прилагательное имеет также и форму сверхинтенсива, причем форма эта нерегулярная:

fíáá-su ‘ленивый’ — ед. интенсив *fíááfíáá-su* — ед. сверхинтенсив *fíááfíáá*.

В некоторых редких случаях та же модель применяется и к прилагательным, образованным при помощи суффикса *-de* (в подавляющем же большинстве случаев дериваты от них не образуются) и даже *-dɔ* (продуктивный суффикс адвербиализации, крайне редкий у прилагательных):

tíáá-de ‘хороший’ — *tíáá-tíáá-de* ‘очень хороший’

kpɛŋ-dɔ ‘разумный’ — *kpɛŋkpɛŋ-dɔ* ‘очень разумный’.

В редких случаях прилагательные с суффиксом *-su* следуют более сложным деривационным моделям: редупликация может быть полной или с усечением двойных гласных до одинарных; таким образом различаются степени интенсивности:

Таблица 9

	ед. интенсив	ед. сверхинтенсив
<i>dú-su</i> ‘грязный’	<i>dídí-su</i> ‘	<i>dúdí-su</i> ‘
<i>nɛɛ-su</i> ‘суровый’	<i>nɛnɛ-su</i> ‘	<i>nɛnɛnɛ-su</i> ‘

В других случаях сингулярный сверхинтенсив образуется редупликацией основы, а сингулярный интензив — опущением суффикса *-su*, удвоением конечной гласной (а иногда — и ее модификацией) и изменением тонального контура:

Таблица 10

	ед. интензив	ед. сверхинтензив
<i>díʒ-su</i> 'острый' (лезвие и т. п.)	<i>díʒʒ</i>	<i>díʒdíʒ-su</i>
<i>suʒ-su</i> 'боязливый'	<i>suee</i>	<i>suʒsuʒ-su</i>

В обоих случаях существует и некоторое дополнительное семантическое различие между фузионными и нефузионными формами: *díʒʒ* и *suee* обозначают постоянные качества, тогда как *díʒ-su* и *díʒdíʒ-su*, *suʒ-su* и *suʒsuʒ-su* — временные.

4.5. Сочетаемость основ прилагательных с показателями множественности и селективной фокализации

Некоторые прилагательные не сочетаются с этими показателями. Наиболее жёсткие ограничения касаются присоединения показателя селективной фокализации *-su* к основам, уже содержащим омонимичный ему суффикс *-su* (маркер адъективизации или плюралиса). Таким образом, сингулярный интензив *glɔɔglɔɔ-su* 'очень тупой' (где *-su* служит показателем интенсива) или исходная форма *faa-su* 'толстый' (где *-su* является показателем адъективизации) не присоединяют фокализатор *-su* (ср., однако, фокализованные формы *wlaa-su-su* 'тот, который бесполезный' или *ne-su-su* 'тот, который суровый', доказывающие, что комбинация двух омонимичных суффиксов *-su* не является абсолютно запретной).

5. Заключение

Прилагательные в дан-гуэта, обладая достаточно продуктивной деривацией, оказываются в этом языке единственной частью речи, в которой активно задействована редупликация, — у глаголов это морфологическое средство крайне непродуктивно и затрагивает всего пять основ; у наречий и послелогов редупликация, также выражающая интензивность, значительно менее продуктивна, чем у прилагательных; у существительных она отсутствует вовсе. Таким образом, дан-гуэта вступает в противоречие со сформулированным Ф.И. Рожанским «утверждением 4», касающимся редупликации в африканских языках: «Большую часть мотивированной редупликации обычно составляют случаи отглагольного словообразования» [9. С. 489]. Надо сказать, что материалы дан-гуэта не подтверждают и его же «утверждение 5»: «Среди немотивированной редупликации наибольший процент слов составляют существительные» — здесь среди немотивированных редупликатов безраздельно доминируют прилагательные и наречия, а существительные практически отсутствуют.

Довольно своеобразным в типологическом плане представляется продуктивное образование плюралных и интенсивных форм прилагательного: во-первых, семантика плюралности оказывается при этом совмещенной с интенсивом²⁴; во-вторых, она скорее

относится к сфере словообразования, чем словоизменения; в-третьих, характеризуя в первую очередь существительное, она оказывается для него смещенной категорией, поскольку выражается на прилагательном.

Некоторые особенности прилагательных в дан-гуэта, может быть, достаточно тривиальные в плане общей типологии, представляются весьма необычными для языков манде. Так, деривативный трансфикс *-k-k-* — это единственный известный мне случай трансфиксации в семье манде; очень редким в этих языках (если вообще возможным, за исключением языка дан) является и согласование прилагательного и существительного по числу. Впрочем, я не исключаю, что в дальнейшем более глубокое и детальное изучение малых языков семьи, ныне описанных лишь поверхностно, опровергнет эти утверждения.

Условные обозначения

ИГ — именная группа

ADJ — адъективизатор

ART — определенный артикль

СММ — общий падеж существительного

DIM — показатель диминутива

EMPH — ультравысокий грамматический тон, показатель эмфатически-определенной формы некоторых существительных с генерическим значением

EXI — экзистенциальная серия субъектных местоимений

FCT — фактативная форма глагола

FOC — «общий» фокализатор

GER — герундив

IZF — ультранизкий грамматический тон на главном слове ИГ, содержащем гинитивное зависимое

JNT — сопряженная серия личных местоимений; сопряженная форма глагола

NSBJ — местоимения несубъектной серии

OPT — оптативная серия субъектных местоимений

PL — множественное число

POSS — посессивная связка; посессивная серия местоимений

PRF — перфект

PROS — субъектные местоимения проспективной серии

REC — взаимное местоимение

REFL — рефлексивное местоимение

REL — показатель релятивизации

RETR — показатель ретроспективного сдвига

SEL — показатель селективной фокализации

SEQ — союз, обозначающий связь действия с предыдущим

SG — единственное число

SLA — показатель актуально-селективной фокализации

SUPINT — свехинтенсив

Примечания

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», поддержанного грантом РГНФ 08-04-00144а. Я хочу выразить благодарность моему основному информанту по дан-гуэта Кесегбы Моньяну (Альфонсу), чье терпение и преданность делу сделали возможным осуществление данного исследования. Я также признателен сотруднице Летнего Лингвистического Института Маргрит Боли и профессору Цюрихского Университета Томасу Беарту за их поддержку, без которой ежегодные экспедиции российских лингвистов в Кот-д'Ивуар вряд ли были бы возможны.

² Эта цифра не учитывает производные (редуцированные и трансфиксальные и т.д.) формы о которых пойдет речь в настоящей статье и которые, строго говоря, следует считать отдельными лексемами (о чем см. далее).

Сравнительно небольшое, по меркам индоевропейских языков, количество прилагательных в дан-гуэта в контексте языковых реалий южной группы манде не является чем-то экстраординарным. Эти языки оказываются в целом «малословными»: пока что ни в одном из словарей, составляемых членами нашей экспедиции, число словарных статей не достигло и трех тысяч — и в ближайшей перспективе вряд ли приходится ожидать, что эта цифра превысит пятидесятичный (а для каких-то языков — и четырехтысячный) порог. По-видимому, это объясняется, во-первых, тем, что для южных манде очень характерно отсутствие лексификации многих, казалось бы, вполне базовых понятий — они выражаются идиоматизированными сочетаниями; во-вторых, тем, что сфера использования этих языков пока что сводится к обслуживанию достаточно узкой традиционной сферы жизни — на них отсутствует какая-либо значительная литература, они не используются в школьном преподавании, а первое периодическое издание на языке дан начало выходить лишь в 2005 г.

³ О более тонких различиях между двумя предикативными функциями прилагательных в дан-гуэта см. [6].

⁴ Следует отметить, что модулированные тоны на стопе типа CV в дан-гуэта довольно редки, причем на односложных прилагательных они не встречаются вообще.

⁵ Корреляция между размерным значением «больше нормы» и сочетанием «лабиовелярный согласный — передний гласный» проявляется и в других фонотипах, ср.: *gbɛ́* 'многочисленный', *gbɛ́ɛ́* 'широкий', *gbɛ́ɛ́́* 'длинный, высокий, глубокий'.

⁶ Это прилагательное применяется только для характеристики женщин, а также частей тела женщин, причем у дан эта характеристика считается позитивной.

⁷ В практической орфографии дан-гуэта эти аллофоны представлены разными графемами: *e* — *ɪ*, *o* — *ʊ*, *o* — *u* соответственно. Дополнительная дистрибуция, обусловленная тоном, была обнаружена в январе 2007 г. в диалекте кла-дан. Вскоре после этого ее наличие было засвидетельствовано и в дан-гуэта — впрочем, здесь различие между этими аллофонами (по крайней мере, для заднего неогубленного гласного) находится на грани фонологизации. По-видимому, в некоторых других северо-восточных диалектах дан, прилегающих к зоне распространения языка вобе, различие между средними и средне-закрытыми гласными может быть фонологично (личное сообщение Маргрит Болли).

⁸ Подробный анализ функций и значений *gā* в диалекте бло можно найти в работе [11].

⁹ В народной таксономии дан рака относят к рыбам.

¹⁰ В западных диалектах дан этому суффиксу соответствует *-zł*. В дан-гуэта *-zł* "появляется в одной-единственной форме, *zĩ-zł*, факультативном варианте прилагательного *zĩ-sũ* 'страшный, ужасный'.

¹¹ Как и *-dɛ̃ -sũ* в этой функции также предшествует показателю множественного числа *-ni*, что говорит в пользу его трактовки как аффикса.

¹² Для интенсивной формы прилагательных в европейских языках существует особый термин — элатив; как правило, в этих языках элатив совпадает с суперлативом и, по сути дела, является расширением значения последнего [7. С. 100]. В применении к дан я все же буду применять термин «интенсив», поскольку (а) термин «элатив» омонимичен названию падежа, указывающего на движение изнутри; (б) «элатив» означает скорее «абсолютную превосходную степень» [2. С. 121], что не вполне соответствует семантике интересующих нас форм в дан; (в) у прилагательных дан может быть несколько степеней интенсива, что явным образом противоречит прототипической семантике элатива.

¹³ Единственное исключение, которое мне удалось обнаружить, представлено формами *sɛ̃zĩł* 'маленький' → *sɛ̃zĩł* 'маленькие', где плюрализация, выраженная тональной модификацией основы, не сопровождается значением интенсива.

¹⁴ Этот показатель является скорее клитикой, чем аффиксом – Впрочем, для такой его интерпретации необходимо решить непростой вопрос: доказать, что для языка дан релевантно выделение клитик, и показать, каковы критерии их выделения.

¹⁵ Речь идет о прилагательном *plłłplłł* 'нетрудный; мягкий; вкусный', которое имеет форму интенсивного плюралиса *plłłplłł* 'очень вкусные' (значения 'очень легкие' и 'очень мягкие' у этой формы не зафиксированы!); эта форма не сочетается с показателем *-ni*.

¹⁶ Для языков манде типично вынесение показателя множественности в конец такой именной группы, т.е. в позицию после прилагательного — Впрочем, в дан такая стратегия также является наиболее частотной.

¹⁷ Для одного-единственного прилагательного мой основной информант дал четыре степени интенсивности (все ненулевые по интенсивности формы выражают одновременно и значение множественности; вторая и четвертая являются сушлетивными):

sł 'красивый' — *sɛ̃jɓł* (интенсив мн.) 'очень красивые' — *słłł* (сверхинтенсив мн.) 'удивительно красивые' — *bẽbẽ* (экстраинтенсив мн.) 'невероятно красивые'.

¹⁸ Формулировка из работы [8. С. 109]; критерий обязательности для грамматического значения был введен, по-видимому, Францем Боасом и развит Романом Якобсоном [12].

¹⁹ Этот тип трансфиксации может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу бифонемного характера последовательностей VV в дан-гуэта.

²⁰ В языке дан понятия «красный», «огонь» и «перец» оказываются табуированными, поскольку ассоциируются с мужским половым органом в состоянии эрекции. Этим объясняется междиалектная нестабильность корней, выражающих данные понятия.

²¹ Отметим также существование «сверхтяжелой» модели образования междометий, выражающих сильные эмоции, связанные со вкусовыми ощущениями. Эта модель сочетает квадрипликацию сегментной основы с трансфиксацией и изменением тона (в одном случае — также с меной гласной). Мне удалось обнаружить всего два таких междометия: *Gblɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃* [gblykʷgblykʷ-gblykʷgblykʷ] 'Ух, как сухо и твердо!' и *Nɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃* [Nɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃kʷɛ̃] 'Ух как вкусно!'.

²² По-видимому, это единственная форма плюралиса интенсива, неспособная присоединять показатель множественности *-ni*.

²³ Это прилагательное отличается от всех прочих тем, что его плюралный интенсив требует обязательного присутствия клитического показателя множественности *-ни*.”

²⁴ Разумеется, необычной тут является не сама связь значений множественности и интенсивности, которая скорее тривиальна (см., например, [10]); заслуживает внимания тут скорее то, что эти значения выражаются не на уровне полисемии, а кумулятивно, одновременно.

Литература

1. *Kotchmar E.* La morphologie des adjectifs en gban // Mandenkan. № 43. 2007. P. 3–11.
2. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И.* Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2001. 640 с.
3. *Выдрин В.Ф.* Методические рекомендации по описанию языка южной группы манде // Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах: Материалы петербургской экспедиции в Кот-д’Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова) / Под ред. В.Ф. Выдрин, А.Ю. Желтова. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 9–38.
4. *Выдрин В.Ф.* Редупликация прилагательных в языках манде // VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Москва, 16–18 сентября 2003: Сборник докладов. М.: ИСАА, МГУ. 2003. Ч. 2. С. 246–254.
5. *Выдрин В.Ф.* Метрическая стопа в языках манде // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 308–317.
6. *Выдрин В.Ф.* Синтаксис и семантика прилагательных в дан-гуэта (южные манде) // Типология и грамматика: Сборник к 80-летию В.П. Неделкова. М.: Языки русской культуры. 2009 (в печати).
7. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Москва; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. 1998. Т. II. 544 с.
8. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
9. *Рожанский Ф.И.* Редупликация в канури // Африканский Сборник — 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 483–498.
10. *Храковский В.С. (ред.)* Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
11. *Эрман А.В.* Формант *-gã* в языке дан-блво // Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 253–295.
12. *Якобсон Р.О.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

УДК 811.411.21

М.Н. Суворов

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЙЕМЕНСКИХ ДИАЛЕКТАХ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос языковых заимствований всегда привлекал внимание не только лингвистов, но и культурологов и историков. Это неудивительно, поскольку процесс заимствования иноязычной лексики определяется в первую очередь не лингвистическими, а экстралингвистическими факторами, характером взаимодействия разноязыковых культур. Время проникновения заимствованной лексики в новую языковую среду, длительность ее бытования в этой среде и степень адаптации к новым лингвистическим условиям — все это в той или иной мере отражает историю взаимодействия между разными культурами. В настоящей работе проводится попытка проследить, как социально-политические и экономические контакты англичан с населением Йемена в 1839–1967 гг. отразились на лексическом составе йеменских диалектов арабского языка.

Именно диалекты выбраны в качестве объекта исследования не случайно. Как известно, любая иноязычная лексема, обозначающая понятие, ранее не известное в культуре, обслуживаемой заимствующим эту лексему языком, входит сначала в язык повседневного общения, не подчиняющийся влиянию официальных органов, регламентирующих языковые нормы. После длительного бытования в языке повседневного общения иноязычная лексема может быть либо включена в официальный словарь, либо нет. Во втором случае для обозначения соответствующего понятия в официальный словарь будет введена другая лексема, как правило, образованная с использованием ресурсов собственного языка. В дальнейшем эта новая «родная» лексема может либо вытеснить заимствованную лексему из языка повседневного общения, либо нет. Таким образом, заимствованная лексика, вошедшая в словарь официального языка, в меньшей степени отражает процесс межкультурного взаимодействия, чем заимствованная лексика, используемая в диалекте, пусть даже и в течение ограниченного периода времени.

Одним из существенных вопросов при изучении лексических заимствований является вопрос о том, насколько та или иная иноязычная лексема употребительна в своей новой языковой среде, т.е., является ее использование для обозначения соответствующего понятия регулярным или окказиональным. Определенный ответ на этот вопрос может быть дан лишь в том случае, если исследуемый языковой материал обладает достаточной репрезентативностью. Репрезентативность определяется не только объемом лингвистического материала, но и его характером: кем он создан, в каких условиях и для какой цели. В этом отношении наибольшей репрезентативностью будет обладать материал, создаваемый как можно большим числом представителей указанной языковой среды и рассчитанный на восприятие как можно большим числом представителей той же языковой среды. В случае йеменских диалектов указанным условиям репрезентативности в наибольшей степени отвечают тексты так называемой «племенной» поэзии. Дело в том, что версификация в йеменском племенном обществе является повседневной

практикой, в которую вовлечено большинство взрослого мужского населения. Стихи создаются людьми, имеющими разный уровень образования, эрудиции и кругозора. В то же время стихи эти адресованы не какому-либо узкому кругу слушателей, а широкой аудитории; как правило, они декламируются при большом стечении народа и рассчитаны на всеобщее понимание. Поэт, таким образом, склонен использовать те лексемы, которые будут поняты каждому отдельному слушателю, т.е. лексемы регулярного использования. Кроме того, круг тем в этих стихах чрезвычайно широк. Как писал известный английский арабист, исследователь йеменской поэзии Р. Сарджент, «в арабской поэзии можно найти информацию практически о любом аспекте арабской жизни» [7. Р. 1]. Это означает, что присутствующая в стихах лексика охватывает практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Таким образом, исследование заимствованной лексики на базе корпуса текстов народной поэзии позволяет с высокой долей достоверности говорить о степени употребительности той или иной иноязычной лексемы.

Материалом для настоящего исследования послужили два десятка объемных сборников племенной поэзии, записанной и опубликованной йеменскими собирателями народной словесности [12–13, 15–32], а также стихи, собранные в Йемене в разное время западными исследователями [1, 4, 5, 7] и автором настоящей работы [10]. Кроме того, был использован словарь йеменских диалектов М. Пиаменты [6].

Поскольку анализируемые поэтические тексты имеют разное время происхождения, охватывая в совокупности примерно столетний период, и происходят из разных районов Йемена, степень употребительности в них английских заимствований различна. Так, например, в стихах, собранных К. Ландбергом в начале XX в. в районе Дасина, английских заимствований практически нет, но в стихах более позднего времени, происходящих из того же района, такие заимствования уже встречаются. Это объясняется тем фактом, что до 1940-х гг. население Дасины практически не сталкивалось ни с самими англичанами, ни с иностранной продукцией, поступающей в Аден, и в силу этого часто обозначаемой английскими словами.

Отсутствие английских заимствований можно наблюдать и в стихах, собранных Р. Сарджентом в Хадрамауте в конце 1940-х гг., что имеет аналогичное объяснение, однако в более поздних стихах, происходящих из Хадрамаута, английские заимствования встречаются, но в основном это слова, относящиеся к технической сфере, что отмечено и в ходе полевых исследований местного диалекта [9. С. 97]. Наибольшее же число английских заимствований отмечено в стихах 1950–1960-х гг., происходящих из районов бывшего Западного протектората (в настоящее время — провинции Лахдж, Абьян и Шабва), представители которого в указанный период имели довольно тесные контакты и с Аденом, и с представителями британской администрации, командированными по службе в эти районы. Показательно, что в указанных районах английские заимствования употребительны и в наши дни, что отмечено автором настоящего исследования во время пребывания в районе Йафи (провинция Лахдж). Конечно, наибольшее число английских заимствований можно было бы обнаружить в стихах, происходящих из Адена, бывшего до 1967 г. колонией Великобритании, однако поэтическая практика среди коренных горожан никогда не имела такого культурного значения, какое она имеет в сельских племенных районах, и поэтому собственно аденских стихов в нашем собрании очень мало. Таким образом, уже простой анализ частотности и характера английских заимствований в йеменской поэзии показывает интенсивность и характер англо-арабских контактов в том или ином районе в тот или иной период времени.

Проникновение английской лексики в йеменские диалекты арабского языка происходило постепенно начиная с 1839 г., когда город-полуостров Аден был захвачен англичанами и стал британской колонией в подчинении Бомбейского правительства. В Адене был расквартирован небольшой британский армейский контингент, и именно с этого момента началось знакомство йеменских арабов с чужой, английской, речью [8. С. 59]. Именно в говоре аденских арабов по мере заимствования ими отдельных элементов западной культуры впервые появились английские лексемы, откуда они постепенно проникали в диалекты йеменских племен, населявших внутренние материковые районы.

Стоит отметить, что английские заимствования, входившие в говор аденских арабов начиная с 1839 г., в течение долгого времени не выходили за его пределы. Дело в том, что товарообмен между Аденом и внутренними районами, так же как и сами контакты между коренными аденцами и представителями соседних племен, были весьма ограниченными в силу отсутствия необходимых для этого экономических стимулов. С шейхами племен, населявших непосредственно прилегающие к городу районы, англичане заключили договора о дружбе, но территории, расположенные далее вглубь материка, долгое время оставались вне сферы британских интересов, поскольку не обладали каким-либо экономическим потенциалом ни в качестве производителя, ни в качестве потребителя. Фактически единственной европейской продукцией, поступавшей через англичан во внутренние районы, долгое время оставалось стрелковое оружие, которым снабжались племена, заключившие с англичанами договоры о дружбе [2. Р. 9–10]. По этой причине одними из первых английских слов, вошедших в лексикон южнойеменских, а затем и северойеменских племен, стали слова, обозначающие стрелковое оружие: *rayfal* (pl. *rayāfil*) < rifle 'винтовка'; *jarmal* (pl. *jarāmil*) < German 'немецкая винтовка', — пришедшее на смену старым фитильным мушкетам.

Ситуация изменилась с открытием в 1869 г. Суэцкого канала. Аден стал быстро превращаться не только в крупный международный порт, но и в важный стратегический и политический центр. Годовой товарооборот города в 1869 г. составил уже 2 млн фунтов стерлингов [8. С. 63]. Англичане, стремясь расширить свою торговую и военную базу, развернули широкое городское и портовое строительство, стали совершенствовать работу коммунальных служб. Потребность порта и строительного сектора в рабочей силе стала причиной притока в Аден населения из внутренних районов страны, причем в большей степени из южных районов Северного Йемена, чем из окружающих Аден мелких шейхств и султанатов. Развитие в Адене городской и портовой инфраструктуры привело к более тесным контактам все растущего числа англичан с также постоянно численно возрастающим арабским населением.

В это время в арабский говор Адена, а затем и в диалекты внутренних районов входят английские слова, обозначающие понятия, связанные с различными видами современных услуг, учреждений и гражданских норм, ранее практически неизвестных в стране: *meyl* < mail 'почта'; *barsil* (pl. *barsilāt*, *barāsil*) < parcel 'посылка, почтовое отправление'; *wāšer* < voucher 'квитанция'; *nōt* (pl. *anwāt*) < note 'банкнота'; *bās* (pl. *bāsāt*) < pass 'пропуск'; *bazbort* < passport 'паспорт'; *būk* (pl. *abwāk*) < book 'тетрадь, записная книжка'; *binsil* (pl. *banāsil*) < pencil 'карандаш'; *barkal* < Parker 'авторучка Паркер'.

В 1886 г. в пригороде Адена Шейх-Османи была открыта первая больница современного типа [14. С. 107]. Знакомство арабов с невиданными ранее в Йемене медицинскими услугами привело к заимствованию таких слов, как *al-usbuṭān*, *lusbuṭān* < hospital

‘больница’; tahtar (pl. taḥātir) < doctor ‘врач’ (отсюда: iddaḥṭar ‘посещать врача’); breyšan < operation ‘операционная’; širingeh, šrangah < syringe ‘шприц’.

Деятельность порта также обеспечивает поступление английских заимствований в аденский говор: gubṭān (pl. gabāṭīn), kabtan (pl. kabātinah) < captain ‘капитан’; baket (pl. abkāt) < packet ‘пакет’; bandal (pl. banādil) < bundle ‘кипа (товара), тюк’; winš < winch ‘лебедка’; iskrub < screw ‘винт’; angar < anchor ‘якорь’. Входят в обиход английские слова, связанные со счетом и системой мер: dabil < double ‘двойной’; dazzan, darzan < dozen ‘дюжина’; handar < hundred ‘сто’; fūt < foot ‘фут’.

Отношения между англичанами в качестве господ и йеменцами в качестве мелкой прислуги (садовников, уборщиков и т.п.) вводят в аденский говор такие лексемы, как mister (pl. masātir) < mister ‘господин’ и lif < leave ‘отпуск’, глагол sambaj, sanbaj < sponge ‘мыть, чистить пол’; и другой, довольно забавный глагол — damfal < от damn fool ‘ругать’. Получают распространение заимствования, обозначающие неизвестные ранее в Йемене предметы домашней обстановки и домашнего хозяйства, такие как kabat (pl. kabatāt) < cupboard ‘буфет’ и bēb (pl. bēbāt) < pipe ‘водяной шланг’.

Некоторые подобные заимствования так и не вышли за пределы аденского говора, поскольку обозначаемые ими понятия не вошли в арабский обиход, однако многие лексемы, обозначающие новые и быстро ставшие популярными среди арабов элементы западной цивилизации: различные изделия, материалы и продукты, — вскоре получили распространение в диалектах внутренних районов. К таким заимствованиям относятся, например, следующие слова: qlās (pl. qlāsāt) < glass ‘стакан’; kitlī, kētalī (pl. katālī, kayātīl, kayātīl) < kettle ‘чайник’; kūt (pl. akwāt) < coat ‘пальто’; būtī (pl. bawātī) < bootee ‘ботинок’; lamb, lambah (pl. lambāt) < lamp ‘керосиновая лампа’; qāz, gāz < gas ‘керосин’; sigrēt < cigarette ‘сигарета’; kart < card ‘игральные карты’; iskuj < scotch ‘скотч (вид ткани)’; biskūtah (coll. biskut) < biscuit ‘бисквит, печенье’. По окончании трудовых контрактов временные рабочие возвращались в родные районы, везя с собой приобретенные в Адене импортные изделия и неся в сознании их английские названия, чтобы сообщить их своим сородичам.

Если жители южных районов Северного Йемена, приезжавшие в Аден на заработки, уже в той или иной степени были знакомы с англичанами, то этого нельзя сказать о жителях районов, расположенных непосредственно к северу и северо-востоку от города. Вплоть до первой мировой войны непосредственный контакт англичан с населением образованного в 1914 г. Западного протектората был минимальным, и даже к концу второй мировой войны он оставался очень незначительным. В 1928 г. задача обеспечения безопасности Адена была возложена на Королевские ВВС. Поскольку дальность полета без заправки у самолетов того времени была небольшой, возникла необходимость строительства во внутренних районах Южного Йемена аэродромов, эксплуатация которых требовала постоянного присутствия обученного технического персонала. Так английские военные впервые оказались на внутренних территориях, где их численность стала постепенно увеличиваться [З. Р. 74–75]. Одновременно в Адене было создано первое воинское формирование из арабов под командованием английских офицеров, получившее название «Войска Аденского протектората». В задачи этого формирования входило подавление междоусобных стычек племен в глубинных районах и охрана вновь создаваемых аэродромов. В 1938 г. в Западном протекторате было создано полицейское формирование численностью 500 человек, называвшееся «правительственная гвардия». Гвардейцы рекрутировались из разных племен, но обязывались служить в любом из

районов протектората, нести гарнизонную и конвойную службу, обеспечивать охрану караванов и т.д. Аналогичное подразделение под названием «Хадрамаутский бедуинский легион» было создано в Восточном протекторате, образованном в 1914 г. из султанов и шейхств Хадрамаута. Оба новых формирования влились в Войска Аденского протектората [8. С. 68]. В связи с указанными процессами начиная с 1940-х гг. в южноиеменские диалекты начинает проникать английская военно-управленческая лексика: *kamb* < *camp* 'военный лагерь'; *rizmit* < *regiment* 'полк'; *wardal* < *guardian* 'охранник'; *rejister* < *register* 'регистр, регистрация'; *ribūt* < *report* 'рапорт'; *barēt* < *parade* 'парад, построение'; *disimis* < *dismiss* 'военная команда 'разойтись!'.

Особенно большой пласт английской лексики вошел в южноиеменские диалекты с началом эксплуатации арабскими военными формированиями автомобилей [2. Р. 67]. Практически все, начиная от отдельных узлов двигателя и заканчивая самим водителем, обозначалось английскими словами: *kār* < *car* 'автомобиль'; *lōri* (pl. *lōriyāt*) < *lorry* 'грузовик'; *mātūr* (pl. *mātūrāt*), *mutur* (pl. *muturāt*), *mōtar* (pl. *mawātir*) < *motor* 'мотор, автомобиль'; *jīb* < *jeep* 'джип'; *tritānah* < *three-tonner* 'трехтонный грузовик'; *bōbīn* (pl. *bōbīnāt*) < *bobbin* 'бобина, катушка зажигания'; *koyl* (pl. *koylāt*) < *coil* 'спираль, катушка'; *qarburetor*, *karbaytr* < *carburetor* 'карбюратор'; *šambar* (pl. *šanābir*) < *chamber* 'камера внутреннего сгорания'; *silindir* (pl. *silindirāt*) < *cylinder* 'цилиндр'; *biston* (*bistonāt*) < *piston* 'поршень'; *handal* (pl. *hanādil*) < *handle* 'пусковая рукоятка'; *dafrayšān* < *differential* 'дифференциал'; *isbīd* < *speed* 'скорость, передача'; *klaj* (pl. *klajāt*) < *clutch* 'сцепление'; *rēwas* < *reverse* 'реверс, задний ход'; *daytar* < *radiator* 'радиатор'; *tankī* < *tank* 'бак'; *kafer* (pl. *kaferāt*) < *cover* и *rabal* (pl. *rabalāt*) < *rubber* 'автомобильная покрышка'; *tāyer* (pl. *tāyerāt*) < *tire* и *tūb* (pl. *tūbāt*) < *tube* 'автомобильная шина'; *banšar* < *puncture* 'прокалывать шину' (отсюда: *mubanšar* 'проколота /шина/'); *ṭarbūl*, *ṭerbāl* (pl. *ṭarābīl*) < *tarpaulin* 'брезент'; *galon* < *gallon* 'канистра бензина объемом в 1 галлон'; *hinš* (pl. *hinšāt*) < *inch* 'дюйм'; *diraywal* < *driver* 'водитель, шофер'; *birmit* < *permit* и *laysan* < *license* 'водительское удостоверение'.

Как было отмечено, не все английские заимствования прочно укрепились в йеменских диалектах. Некоторые заимствованные термины, связанные с какими-либо временными явлениями в социально-экономической жизни страны, уходили из повседневного лексикона, как только исчезали сами эти явления. Пример подобного временного заимствования описан в полудокументальной повести аденского писателя Абдаллаха Мухаммада ат-Таййиба Арслана «Дневник контрабандиста» [11]. В конце войны Аден испытывал большие трудности со снабжением, и колониальные власти установили ограничение на вывоз из города товаров массового потребления. Для вывоза товара необходимо было иметь специальную лицензию, и иностранные коммерсанты, легко ее приобретающие, получали от экспортного бизнеса неслыханные барыши. Арабу-аденцу получить лицензию было чрезвычайно трудно, и среди простых людей очень распространенной стала профессия контрабандиста: с помощью подкупа и всевозможных хитростей они провозили товар через аденские таможенные посты и продавали его на территории соседнего Лахджа по высокой цене. Однажды, обнаружив за пределами города целый склад контрабандных товаров, некий полицейский воскликнул: «Как они сюда попали, если повсюду патрули? Не иначе, как спустились на парашюте!». Реплика полицейского получила огласку, и вскоре занятие контрабандой в Адене стали обозначать словом "baršāt" (< *parachute* 'парашют'), а контрабандиста — производным термином *mubaršit*. Слова эти использовались в Адене в течение всей войны, до тех пор пока все ограничения на вывоз товаров не были сняты.

К середине 1950-х гг. значение Адена как заправочной станции для судов, курсирующих между Европой и Дальним Востоком, возросло настолько, что город превратился в один из крупнейших портов мира. Развитию Адена способствовал и введенный в нем режим беспошлинной торговли. Правительство Великобритании после потери военных баз в Египте в 1956 г. и в Ираке в 1958 г. решило сделать аденскую колонию своим главным форпостом на Ближнем и Среднем Востоке. В городе разместилась штаб-квартира верховного командования английских вооруженных сил на Аравийском полуострове, преобразованного вскоре в английское средневосточное командование. Численность британских военнослужащих в Адене в 1960-х гг. составляла по разным оценкам от 10 до 15 тыс. человек [8. С. 78–79]. Именно к этому времени относится пик интенсивности процесса языкового заимствования.

Население Адена за десять послевоенных лет выросло более чем в полтора раза. Коренные аденцы составляли теперь чуть более четверти, а эмигранты из Северного Йемена — более трети жителей города. Эмигранты, бедные неграмотные люди, выполняли неквалифицированную работу в порту, на английской военной базе, в строительном секторе и в сфере обслуживания. Жили они по большей части в хибарах, слепленных на скорую руку из упаковочных коробок, получивших в аденском, а затем и в других диалектах название *kartūn* < *carton*. Положение эмигрантов не было стабильным: потеряв работу, они уезжали из Адена домой, но вскоре возвращались в поисках нового заработка [2. Р. 58]. Именно ротация северойеменских эмигрантов в эти годы обеспечивает особенно интенсивное проникновение английской лексики в диалекты Северного Йемена, находящегося вне сферы политико-административного влияния англичан. Особенно быстро заимствуются слова, обозначающие новые, относительно недорогие предметы повседневного использования, которые эмигранты привозят на родину, такие, например, как *itrīk*, *trīk* (pl. *itrīkāt*, *trīkāt*, *atārīk*) < *electric* ‘ручной фонарь’, *kāmera* < *camera* ‘фотокамера’; *raḏū* < *radio* и *warlis* < *wireless* ‘радиоприемник’.

Создание в 1959 г. на базе султанатов и шейхств Западного протектората так называемой Федерации Южной Аравии дало дополнительный импульс к развитию инфраструктуры внутренних районов Южного Йемена. Британский советник Д. Фостер пишет об этом следующее: «Успехи, достигнутые к 1966 г., когда я покинул Южную Аравию, можно назвать выдающимися. Асфальтированные шоссе ползут через дюны и лавовые поля горных перевалов; электростанция дает свет селениям Абйана, которые в мое время освещались лишь тусклыми масляными лампами; повсюду слышен стук моторов дизельных насосов, качающих воду из колодцев, и рокот тракторов. Люди, прежде покрывавшие тело краской индиго, теперь носят рубашки, а на каждом рыболовецком судне установлен двигатель. Там, где раньше была пустыня, сейчас зеленеют поля; люди, раньше боявшиеся покинуть свои селения, теперь ездят куда хотят; самолеты доставляют отборные помидоры из частных хозяйств внутренних территорий на аденский оптовый рынок» [3. Р. 76]. Описанные Д. Фостером черты современной цивилизации нашли отражение и в характере английской лексики, вошедшей в эти годы в южнотиеменские диалекты: *bumb* (pl. *bumbāt*) < *pump* ‘помпа, насос’; *taraktal*, *daraktar* < *tractor* ‘трактор’; *asfalt* < *asphalt* ‘асфальт’ (отсюда: *musafat*, *musalfat* ‘асфальтированный’); *dāmer* < *dammer* ‘гудрон, асфальт’; *simitt* < *cement* ‘цемент’; *bīm* (pl. *abyām*) < *beam* ‘деревянный брус’; *wāyer* < *wire* ‘провод, проводка’; *šart* < *charge* ‘напряжение’; *sintrāl* < *central* ‘линия связи, телефонная станция’; *filij* < *village* ‘поселок’.

Уход англичан из Южного Йемена в 1967 г. изменил характер и интенсивность про-

цесса заимствования английской лексики йеменскими диалектами. Новые заимствования стали входить в язык повседневного общения лишь с ввозом в страну современных иностранных изделий, не имевших к тому времени обозначения в арабском языке. В этом отношении процесс языкового заимствования в Йемене перестал отличаться от аналогичных процессов в других арабских странах. Так появились слова *kāsīt* < cassette ‘аудио- или видеокассета’; *fidyō* < video ‘видеомагнитофон’; *kambyūter* < computer ‘компьютер’; *kansal* < cancel ‘отменять’ (заимствовано из компьютерной сферы); *sīdī* < CD ‘компакт-диск’ и другие им подобные. Вместе с тем многие заимствования, вошедшие в йеменские диалекты еще во времена английского присутствия, продолжают использоваться, несмотря на распространение собственных арабских терминов, обозначающих те же понятия. Так, в стихах, декламировавшихся на ежегодном фестивале народных искусств в Йафи в 2002 и 2003 гг., отмечены следующие английские заимствования, использованные для обозначения понятий, уже имеющих арабские обозначения: *bīm* (pl. *abyām*) ‘балка’; *ṭerbāl* ‘брезент’; *wāyer* ‘провод, проводка’; *māṭūr* (pl. *mawāṭīr*) ‘мотор, генератор’; *mōtar* ‘автомобиль’; *tāyer* ‘шина, колесо’; *banšar* ‘прокалывать (шину)’; *sintrāl* ‘телефонная станция, АТС’; *wāšer* ‘квитанция’; *lusbuṭān* ‘больница’; *kūt* ‘пальто’; *kart* ‘игральные карты’ [10. С. 233–234].

Как видно из приведенных нами примеров, очень многие английские заимствования в своем изначальном или же в адаптированном варианте звучат так, что вполне могут восприниматься как привычные для арабских диалектов (а также литературного языка) морфологические модели. Часто эти заимствования походят на арабские имена и глаголы, имеющие в своей основе четырехконсонантный корень (например, *barsil*, *bandal*, *binsil*, *taḥtar*, *daytar*, *rizmit*, *raḥfal*, *banšar*, *dismis*, *damfal*, *sambaj*) и при этом по типичным арабским моделям образуют множественное число имени (*barāsil*, *banādīl*, *raḥfāl*) и причастие (*tubanšar*, *musaflat*). Многие заимствования напоминают арабские имена, в том числе причастия, имеющие в своей основе трехконсонантный корень (например, *baket*, *būk*, *bīm*, *kafer*, *kūt*, *lambah*, *tāyer*, *dāmer*, *wāyer*, *wāšer*), и также образуют множественное число по типичным арабским моделям (*abkāt*, *abwāk*, *abyām*, *kaferāt*, *akwāt*, *lambāt*, *tāyerāt*). Приобретение же английскими заимствованиями различных лексических дериватов в йеменских диалектах, несомненно, приводило к тому, что они вообще переставали восприниматься как иноязычная лексика. Таким образом, одной из причин живучести английских заимствований в йеменских диалектах стала высокая степень их адаптации к существующим в арабском языке морфологическим и фонетическим нормам, обусловленная гибкостью самого арабского языка и его способностью усваивать заимствованную лексику.

Литература

1. *Caton S.* Peaks of Yemen I summon: Poetry as a Cultural Practice in a North Yemeni Tribe. Univ. of California, 1990.
2. *Dresch P.* A history of modern Yemen. Cambridge, 2000.
3. *Foster D.* Landscape with Arabs. Travels in Aden and South Arabia. L., 1969.
4. *Landberg C. de.* Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale. Daḥīnah. Vol. II–III. Leide, 1905–1913.
5. *Miller F.* Inscripting the Muse: Political poetry and the discourse of circulation in the Yemeni cassette industry. PhD Dissertation. The University of Michigan, 2001 (ms).
6. *Piamenta M.* A dictionary of post-classical Yemeni Arabic. Leiden, 1990.

7. *Serjeant R.B. Prose and poetry from Hadramawt. South Arabian poetry. I, L. 1951.*
8. *Гусаров В.И. Аден. М., 1981.*
9. *Редькин О.И. Аравийские периферийные диалекты. Диалект Хадрамаута. СПб., 2003.*
10. *Суворов М. Аль-Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи (Йемен). СПб., 2003.*
11. 2003. أرسلان، الطيب. يوميات ميرشت. صنعاء.
12. 1993. باصديق، حسين سالم. في التراث الشعبي اليمني. صنعاء.
13. 1978. باوزير، أحمد عوض. الشعر الوطني العامي. عدن.
14. 1998. البسام، خالد. صدمة الاحتكاك. بيروت.
15. 1993. بن حليس، صالح بن محمد. يافع في عيون الشعر ودموع القلم. الرياض.
16. 2002. بن غالب، صالح عمر محمد. المختار من الشعر الشعبي والأمثال. بيروت.
17. 2000. بن لزنم، صالح محمد. يقول بن لزنم. صنعاء.
18. 1998. تراث شعبي خالد شائف الخالدي. دم.
19. 1990. الحارثي، صالح بن احمد بن ناصر. الزامل في الحرب والمناسبات. دمشق.
20. 1991. الحارثي، صالح بن احمد بن ناصر. شدو البوادي. دم.
21. 2007. الخلاقي، علي صالح. فراسة شاعر ساجل نفسه. حقيقة ما دار بين القيفي والخالدي من أشعار. صنعاء.
22. 1997. الرويشان، علي بن علي. شهادة من الريف. صنعاء.
23. 1994. سبعة، نصر صالح. من ينابيع تاريخنا اليمني وأشعار راجح هيثم سبعة اليافعي. دمشق.
24. 1992. سحلول، صالح. صوت الثورة. دمشق.
25. 1985. السليماني، زايد علي. صدق الواقع لشاعر من يافع. صنعاء.
26. 2003. الطولسي، أحمد علي. الهواجس. نفحات من الشعر الشعبي في شبوة وأبين. دم، دت.
27. 1999. العمري، مقبل أحمد، القردعي، أحمد شبرين. الشهيد الشيخ علي ناصر القردعي. صنعاء.
28. 1999. العمري، مقبل أحمد، القردعي، أحمد شبرين. الشهيد الشيخ علي ناصر القردعي. صنعاء.
29. 2003. الفردي، يحيى محمد. محاصيل القدر. صنعاء.
30. 2001. القعيطي، خالد. جمال الزين للشاعر الشعبي اليافعي سعيد يحيى المحبوش. صنعاء.
31. ميروك، مسرور. الدهل والقيد. عدن دت.
32. 1995. الورددي، محمد منصر. زهور من حدائق الورددي. دم.

РЕФЕРАТЫ

УДК 930.85

Жуков К. А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 10–22.

В статье кратко представлена история политических, экономических и культурных отношений между двумя могущественными государствами — Российской империей и Османской империей. История русско-турецких отношений рассматривается в рамках эволюции Восточного вопроса. Автор полагает, что огромная литература, посвященная этой теме, породила большое число стереотипов, в том числе миф о так называемых извечных агрессивных планах России против Турции.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, русско-турецкие отношения, Восточный вопрос.

УДК 93/94

Тимошенко-Оздемир Е. Н. Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 23–34.

Статья посвящена Северному Кавказу и его роли в политике ведущих держав во второй половине XIX в. Рассматривается заинтересованность держав в Северном Кавказе и их действия по завоеванию региона с привлечением антирусских сил.

Ключевые слова: Северный Кавказ, международные отношения, военные действия.

УДК (930.85):330.342.143

Жевелева А. В. Об истоках турецкого частного предпринимательства (по автобиографическим материалам С. Сабанджи) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 35–42.

В статье представлена в сжатом виде биография одного из самых известных турецких предпринимателей Хаджи Омера Сабанджи. На примере его предпринимательской деятельности автор попытался проанализировать черты турецких предпринимателей первой половины XX в.

Ключевые слова: экономика, турецкое частное предпринимательство, Хаджи Омер Сабанджи.

УДК 94(520).02

Османов Е. М. «Христианское столетие» в Японии как переходный этап к новой внешней и внутренней политике государства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 43–57.

Статья посвящена проблеме знакомства японцев с европейцами (португальцами, испанцами, англичанами и голландцами) и распространяемому ими христианскому учению. Цель работы — проследить динамику изменения отношения японцев к миссионерам по мере того, как исчезало внутреннее дестабилизирующее начало в японском социуме, показать влияние европейцев на менталитет японцев и выявить это влияние на примере внешней (корейский поход Хидэёси) и внутренней (запрет христианства и переход к политике самоизоляции) политике правительства.

Ключевые слова: христианство в Японии, миссионеры, Франциск Ксавье, корейский поход, Тоётоми Хидэёси, сакоку сэйсаку.

УДК 299.21:811.34:11.115

Емельянов В. В. **Идея вечного возвращения в шумерской культуре** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 58–68.

Статья посвящена терминологии и семантике вечного возвращения в шумерском языке и литературе в сравнении с пониманием возвращения в памятниках аккадской литературы. Подвергается критике концепция вечного возвращения, изложенная в одноименном труде М. Элиаде (1949).

Ключевые слова: Шумерология — вечное возвращение — шумерская литература — аккадская литература.

УДК 94

Мильникова Ю. С. **Осмысление исторического пути и будущее страны в книге Чан Кайши «Судьба Китая»** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 69–76.

Исследование пути модернизации Китая на фоне тяжелейшего кризиса первой половины XX в. в трактовке Чан Кайши чрезвычайно актуально в академическом плане. Предметом исследования стал спектр вопросов, касающихся исторического наследия Китая, будущего социально-политического устройства страны. Целью работы является, во-первых, разноплановый анализ совокупности политико-теоретических воззрений Чан Кайши первой половины 1940-х гг. относительно судьбы Китая и, во-вторых, определение значимости выработанной им идеологии и модели модернизации страны и нации. В процессе исследования использовались историко-сравнительный и ретроспективный методы, а также метод логического анализа.

Ключевые слова: Чан Кайши, «Судьба Китая», историческое наследие, модернизация, три народных принципа.

УДК 7.067.2

Сомкина Н. А. **Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 77–86.

В статье приводятся классификация и примеры китайских благопожеланий, основанные на омофоничности иероглифов и символических характеристиках отдельных животных и растений. Рассмотрены базовые принципы образования и техническое исполнение таких пожеланий. Ряд благопожелательных формул снабжен иллюстрациями.

Ключевые слова: благопожелания, символика, этикет, Китай, общество.

УДК 930.23

Матвеев А. С. **Сообщение ал-Мас'уди о славянских святилищах** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 87–101.

Статья посвящена анализу и интерпретации одного из разделов сочинения знаменитого средневекового арабского автора X в. Мас'уди «*Мурудж аз-захаб*» («Золотые луга»). Данное сочинение является одним из наиболее важных восточных источников по истории раннесредневековой Восточной Европы и раннему периоду истории славян. Сообщение ал-Мас'уди о славянских языческих святилищах служил объектом изучения российских востоковедов начиная с XIX в., но тем не менее до настоящего времени не существует сколько-нибудь убедительной интерпретации рассказа ал-Мас'уди.

В статье предпринимается попытка вычлнить достоверную информацию, содержащуюся в сообщении ал-Мас'уди, из традиционного контекста арабской средневековой литературы. На основании сопоставления этой информации с данными новейших археологических исследо-

ваний автор предлагает новую интерпретацию данного сообщения как рассказа о славянских сопках Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: средневековые арабские источники, ал-Масуди, славяне, история Древней Руси, славянская археология, средневековая география.

УДК 94

Подцероб А. Б. **Открытия Сахары** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 102–114.

Сахару открывали трижды — в эпоху античности, в средние века и в новое время. В статье наглядно показан процесс исследования Великой пустыни в период от древних египтян, гарамантов и пунийцев до нашего времени. Рассказывается в ней и о российских путешественниках по Сахаре.

Ключевые слова: Сахара, пустыня, исследования, путешествия, Судан, Феззан, Хоггар.

УДК 94

Харатишвили Г. С. **Русские путешественники, посетившие Афганистан при эмире Шер Али-хане (1863–1879)** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 115–119.

Статья посвящена первой официальной русской миссии и двум поездкам русских офицеров в Афганистан в период правления эмира Шер Али-хана (1863–1879) перед первой англо-афганской войной, а также общим итогам этих поездок.

Ключевые слова:

УДК 811.432

Выдрин В. Ф. **Морфология прилагательных в дан-гуэта (южные манде)** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 120–140.

В отличие от большинства других африканских языков, дан-гуэта имеет чётко выделяемый по формальным признакам и весьма многочисленный класс прилагательных. Основы прилагательных подразделяются на производные и непроизводные; последние группируются в несколько фонотипов, причём это деление коррелирует и с делением на семантические группы. Путём модификаций основы (редупликации, мены тонов, трансфиксации и суффиксации, а также комбинации этих морфологических средств) образуются формы интенсива прилагательных, причём выделяется до трёх степеней интенсивности, нередко — кумулятивно с выражением значения множественности. Образование степеней интенсивности и множественности посредством модификации основы прилагательного следует относить к сфере словообразования.

Ключевые слова: дан-гуэта манде прилагательные интенсив редупликация трансфикс.

УДК 811.411.21

Суворов М. Н. **Английские заимствования в йеменских диалектах арабского языка** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 141–148.

В статье рассматривается процесс заимствования английской лексики йеменскими диалектами арабского языка в период британского присутствия в Южном Йемене (1839–1967 гг.).

Ключевые слова: арабский язык, диалект, Йемен.

SUMMARIES

Z h u k o v K. A. **Some landmarks in the course of the history of Russo-Turkish relations from the end of the 17th to the beginning of the 20th Century.**

There is a brief survey of the history of political, economic, and cultural relations between two powerful states — the Russian Empire and the Ottoman Empire. The Russo-Turkish relations have been studied in the framework of the Eastern Question. The author thinks that a huge number of books dedicated to this subject have produced many stereotypes including the myth of the so-called Russian permanent aggressive designs against Turkey.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Russo-Turkish relations, the Eastern Question.

T i m o s h e n k o - O z d e m i r E. N. **Northern Caucasus on the international policy in the second half of the 19th century.**

The article is devoted to the Northern Caucasus and its role on the policy of world empires in the second half of the 19th century. The interest of those in power in the Northern Caucasus and their actions to gain this region, while attracting the anti-Russian forces is considered.

Keywords: Northern Caucasus, international relations, warfare.

Z h e v e l e v a A. V. **The beginnings of the Turkish private enterprise (by curriculum vitae of S. Sabanci).**

There is a concise biography of one of the most famous Turkish businessmen Haji Omer Sabanci. Using the example of his entrepreneurial activities, the author tried to analyze the characteristics of Turkish entrepreneurs of the first half of the twentieth century.

Keywords: economy, Turkish private enterprise, Haci Omer Sabanci.

O s m a n o v E. M. **“Christian century” in Japan as a transitional period to a new foreign and domestic policy.**

The article is devoted to Japanese relations with Europeans and completely new for Japanese Christian religion. The main goal of the article is a representation of a changing attitude to missionaries as internal destabilizing source in Japanese society disappeared. Also, it is important to show Europeans impact on Japanese mentality and reveal its impact on foreign (invasions of Korea) and domestic (sakoku seisaku) policy examples.

Keywords: christianity in Japan, missionaries, Francis Xavier, Japanese invasions of Korea, Toyotomi Hideyoshi, sakokuseisaku.

E m e l i a n o v V. V. **The Idea of “Eternal Return” in Sumerian Culture.**

We know in Sumerian language two word-combinations, assigning idea of returning: ki-bi- \bar{b}_3 gi $_4$ “to return (something) on its place”, ama (-ra)-gi $_4$ “to return to mother”. Texts show, that both of these terms are connected to idea of calendar returning of time. But the time is perceived only in connection with made action.

What is it possible to tell concerning idea of returning of time in Sumerian culture? Contrary to M. Eliade, Sumerians wished this returning neither for the sake of refusal of historical consciousness, nor for the sake of salutary familiarizing with religious archetypes, but owing to impossibility of existence of agricultural communities without spring floods of Tigris and Euphrates. Hopes of people for a new life have been connected to spring, therefore the political history has got in consciousness of Sumerians features of a calendar. Spring flood comes back to the coast after the long drought, the first month of year comes back to his house after the heavenly wandering, the captivated person comes back to mother after stay in the slavery, destroyed city is restored after the Flood. Between these events the strong association was established. But the Sumerian culture did not know any alternative to such

attitude. Therefore we deal not with traditionalism, but with natural inclusion of human activity and human consciousness in rhythms of the surrounding nature.

The situation with the concept of returning in the Akkadian literature is quite different. We know the equivalent *ki-bi-ṭe₃ gi₄; ana ašrišu tēru*. However, this expression mostly meant “to restore (cult object)”. The category “returning to mother” has no Akkadian equivalent at all. But the most interesting fact is that the concept of “returning” had in Akkadian literature meaning of destruction. The certain whole could be destroyed through a reduction to its parts or to its initial basis. In particular, expression “to return to clay” was popular in epic texts.

Thus, we see an essential divergence of Sumerian and Akkadian texts concerning the concept of returning. In Sumerian texts “to return”, besides literal sense, means also “to revive, restore” or “to stop” (in sense “to put an end to any disaster”). That is, the perception of returning is extremely positive. In Akkadian literature and culture the idea of returning had absolutely other sense. Returning was understood in neutral key (as restoration of that already was in the past), or in a negative key (as killing of the whole by his transformation into an initial material). But Sumerian pathos of eternal renewal of a world order and revival of justness is here completely absent, because Babylonians had an idea of a course of time, and therefore the representation of irrevocable past.

Keywords: Eternal Return, Sumerian literature, Akkadian literature.

Mylnikova Yu. S. Comprehension of the historical path and the country's future in Chiang Kai-shek's “China's destiny”.

The research of China's modernization in Chiang Kai-shek interpretation is extremely important and urgent question. The research subject is a range of questions concerning China's historical heritage, future socio-political development of the country. The research is aimed to analyze Chiang Kai-shek's political and theoretical view of China's destiny of the first half of 1940-s. and to estimate Chiang's ideology and his model of the country's modernization.

Keywords: Chiang Kai-shek, “China's destiny”, historical heritage, modernization, three principles of the people.

Somkina N. A. Chinese tradition of good wishes: animal and botanical symbolism.

The article deals with classification and examples of Chinese good wishes and auspice patterns based on homophonic characters and symbolic features of certain animals or plants. The basic principles and moduses of such patterns are analyzed and some of them are illustrated.

Keywords: good wishes, symbolism, benevolence, social courtesy, China.

Matveev A. S. Al-Masudi's Account on Slavic Sanctuaries: Translation and Interpretation of the Text.

Article of Alexander Matveev is dedicated to one of the most important sources on early of Slavic history — a book of al-Masudi “Murudj az-zahab”. On the basis of analysis of the text of al-Masudi's account on “Slavic sanctuaries” and its comparison to the archaeological data an attempt to interpret this story as a slightly distorted description of Eastern Slavic *sopkas* — high burial mounds of Novgorod area.

Keywords: Medieval Arabic sources; Geography, Travels; al-Masudi; History of Slavs; Old Russian history; Slavic Archaeology.

Podtserob A. B. “Sahara discoveries” article annotation.

Sahara was discovered three times — in the period of antiquity, in the Middle Age and in recent times. The article clearly shows the process of the Great desert's exploration which was started by ancient Egyptians, Garamants and Punas and continued up to this day. It also narrates the story of the Russian travelers through Sahara.

Keywords: Sahara, desert, explorations, travel, Sudan, Fezzan, Hoggar.

Kharatishvli G. S. The Russian Travelers in Afghanistan During Amir Sher Ali-Khan's Rule (1863–1879).

Article deals with the first official Russian mission and two travels of Russian officers in Afghanistan during the rule of Amir Sher Ali-Khan before the second English-Afghan war, and describes general results of these travels.

Keywords:

Vydrin V. F. Morphology of adjectives in Dan-Gweetaa (Southern Mande).

Unlike the majority of African languages, Dan-Gweetaa has a formally distinct and quite numerous class of adjectives. Adjective stems are subdivided into derived and non-derived ones. The latter form several phonotypes, and this division correlates with division into semantic groups. Adjective stems undergo modifications (reduplication, change of tone, transfixation, suffixation, and combinations of these morphological means) and derive intensive and plural forms; there are up to three degrees of intensity.

Keywords: Dan-Gweetaa Mande adjective intensive reduplication transfix.

Suvorov M. N. English loan-words in Yemeni dialects of Arabic language.

The article deals with the process of adoption of English words by Yemeni dialects of Arabic language in the period of British presence in South Yemen (1839–1967).

Keywords: arabic language, dialect, Yemen.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Выдрин Валентин Феодосьевич, доктор филологических наук, зав. отделом этнографии Африки, Музей антропологии и этнографии РАН; vydrine@gmail.com

Емельянов Владимир Владимирович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур стран Азии и Африки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; banshur69@gmail.com

Жевелева Александра Владимировна, аспирант кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; golowastik_al@mail.ru

Жуков Константин Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; nefertari2004@yandex.ru

Матвеев Александр Сергеевич, научный сотрудник кафедры Истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; asmatveev@mail.ru

Мыльникова Юлия Сергеевна, аспирант восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; mylnikova_yulia@hotmail.com

Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; osmanov1979@mail.ru

Подцероб Алексей Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований ИВ РАН; podtserob@yandex.ru

Сомкина Надежда Александровна, ассистент кафедры филологии Китая, Кореи и ЮВА восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; somkina@yandex.ru

Суворов Михаил Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; soumike@mail.ru

Тимошенко-Оздемир Елена Николаевна, кандидат исторических наук, восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра истории стран Ближнего Востока; eltimena@yandex.ru

Харатишвили Генрико Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; служ. тел.: 328-77-32, дом. тел.: 535-47-22.

CONTENTS

In memory of professor S.M. Ivanov.....	3
List of professor S.M. Ivanov's works from 1972 to 2007	5

Russia and the East

<i>Zhukov K.A.</i> Some landmarks in the course of the history of Russo-Turkish relations from the end of the 17 th to the beginning of the 20 th Century	10
<i>Timoshenko-Ozdemir E.N.</i> Northern Caucasus on the international policy in the second half of the 19 th century.....	23

Foreign policy of international relations of Asia and Africa

<i>Zheveleva A.V.</i> The beginnings of the Turkish private enterprise (by curriculum vitae of S. Sabanci).....	35
<i>Osmanov E.M.</i> "Christian century" in Japan as a transitional period to a new foreign and domestic policy	43

Geocultural spaces and codes of the cultures of Asia and Africa

<i>Emelianov V.V.</i> The Idea of "Eternal Return" in Sumerian Culture.....	58
<i>Mylnikova Yu.S.</i> Comprehension of the historical path and the country's future in Chiang Kai-shek's "China's destiny"	69
<i>Somkina N.A.</i> Chinese tradition of good wishes: animal and botanical symbolism.....	77

History and Source studies

<i>Matveev A.S.</i> Al-Masudi's Account on Slavic Sanctuaries: Translation and Interpretation of the Text	87
<i>Podtserob A.B.</i> "Sahara discoveries" article annotation	102
<i>Kharatishvli G.S.</i> The Russian Travelers in Afghanistan During Amir Sher Ali-Khan's Rule (1863–1879)	115

Linguistics

<i>Vydrin V.F.</i> Morphology of adjectives in Dan-Gweetaa (Southern Mande)	120
<i>Suvorov M.N.</i> English loan-words in Yemeni dialects of Arabic language.....	141

References	149
-------------------------	-----

Summaries	152
------------------------	-----

Authors	155
----------------------	-----